

Ирина Гутовская

ЖЕСТОКАЯ НЕЖНОСТЬ

Annotation

Их встреча - это столкновение, их будущее - борьба, их отношения - жестокая нежность... Но может ли нежность быть жестокой? На этот вопрос придётся ответить главным героям. Разобраться в своих не простых и противоречивых чувствах.

Глава 1

Ты моя жестокая нежность,
Жаркий зной и ласкающий дождь,
Целый мир, ты моя неизбежность,
Сладкий плен, вызывающий дрожь...
(с) Ирина Гутовская

Сегодня в клубе очень шумно... Скоро новый год. Начались корпоративы и все вокруг веселятся.

Мне только выгода от гуляющей толпы. Чаевые получаю щедрые...

А деньги нужны... Отцовской пенсии не хватает ни на что: половина уходит на лекарства, почти столько же на ежемесячные платежи, оставшиеся копейки — на скромное питание... С трудом представляю, как мама держится. Из-за отца она не работает, ведь денег на сиделку нет, а он прикован к постели после инсульта. Поэтому приходится работать по ночам официанткой, ведь днем я учусь. Мне повезло, что знакомый из института, работающий здесь барменом, порекомендовал владельцу элитного клуба. И тут работаю почти год.

— Эй, Тина, не спи, твой заказ за пятый столик.

Костя похлопал меня по плечу, показывая на поднос с коктейлями.

— Спасибо...

— Давай, отнеси, а я пока тебе крепкий кофе сделаю. Работать каждую ночь... Не жалеешь себя.

— Ты же знаешь мою ситуацию.

— Но спать тоже надо.

— Отосплюсь в новый год, — отшутилась я и взяла поднос.

Не успела отойти от барной стойки, как на меня налетел мужчина, буквально врезался, выбивая поднос из рук. Бокалы полетели в стороны, разливая их содержимое, в том числе: на дорогой костюм его обладателя.

— Какого... Ты смотришь куда идешь?! Глаза разуй! — заорал мужчина.

— Извините... я...

— Ты, что, ослепла?! — продолжил он кричать на меня.

— Вообще-то это вы на меня налетели...

— Что?! — изумился он, не веря, что я посмела перечить.

— Это вы меня не заметили, — повторила невозмутимо я.

— Ты кто такая, официантка? — вот и знай свое место!

— Но это не дает вам право так со мной говорить!

— Да?! — усмехнулся мужчина. — Зато дает право выгнать тебя отсюда за нерасторопность и неуважительное отношение к клиентам.

— Если я простая официантка, это не значит, что я не человек.

— Хм... Человек... Но низкого сорта. — Гневно сказал он и прошел мимо, специально задев плечом.

Тут ко мне подбежал Костя. Помог собрать битое стекло и увел в подсобку.

— Ты что творишь?

— Я?! Ты же видел, он сам виноват!

— Ты работаешь здесь год, знаешь — какая публика в этом клубе собирается. С такими типами, как он, лучше согласиться и держать язык за зубами.

— Но...

— Тина, это Ян — он совладелец этого клуба, правда крайне редко здесь появляется, поэтому не видела его никогда... С нашим Олегом Романовичем они друзья. Теперь ты понимаешь? — Костя расстроено покачал головой и вышел.

Вот это я попала.

Присела на стул, не зная, как быть. Даже если извинюсь, то работу потеряла в любом случае.

В этот момент дверь подсобки открылась, в нее вошли тот самый мужчина и Олег Романович...

— Вот она, Олег, сидит и даже не думает исправить свою ошибку. Ну ладно, попался я, а если бы на моем месте оказался кто-то другой... Как бы это сказалось на репутации клуба?

Я подняла глаза на них, чувствуя, как наворачиваются слезы.

— Тина? — Олег Романович вопросительно посмотрел. Видимо, хотел услышать мои объяснения.

Не могла сказать ни слова, обида от унижения и несправедливости душила меня. И я опустила голову...

— Завтра получишь расчет, а сейчас уходи, ты уволена, — сказал Олег Романович, а после они оба вышли, мне же напоследок от мистера облитого достался презрительный взгляд.

Я переоделась, кидая униформу в сторону, забрала свою кружку, положив ее в сумку, и через черный ход вышла на морозный воздух декабря.

— Эй! — неожиданно послышалось сзади, а потом одним движением за плечо меня развернули. Я не удержалась на скользком асфальте и плюхнулась на пятую точку.

— Вы меня напугали...

Это был он, мистер облитый.

— Что вам надо, еще не все гадости успели сказать о моем низком происхождении?

— я встала и отряхнулась от недавно выпавшего снега, глядя в его наглое и, к моему сожалению, приятной наружности лицо. Он возвышался надо мной, от чего было некомфортно, ведь так я ощущала себя там, куда мне указали...

— Я знаю таких, как ты.

— Таких, как я? Разве мы знакомы, чтоб говорить так?

— Деньги. Это все, что интересует таких, как ты. А в подобных заведениях не редко можно подцепить толстый кошелек. Ты же специально меня облила? Только на что рассчитывала, не понятно, — он небрежно прошелся взглядом по мне, намекая на мой не очень привлекательный, а скорее всего непрезентабельный, вид.

— Что?! — нервный смешок вырвался из моего рта. — Хм... Да что вы о себе возомнили?! Очень надо связываться с таким снобом, как вы! И знаете, что — так вам и надо, вы получили по заслугам!

— Как ты смеешь? — он схватил меня за локоть.

— А что вы еще сделаете? Ударите? Вы не уважаете людей, тогда как можно уважать вас...

Я вырвала руку и поспешила уйти. Внутри негодовала от услышанного. Но в одном он

оказался прав — мне действительно нужны деньги, вот только зарабатывать их честным путем.

Через пару дней Костя поймал меня в перерыве между парами и протянул конверт.

— Что это?

— Твое жалование... Ты не пришла за расчетом. Меня попросили отдать тебе.

— Не возьму, — я протянула конверт обратно. — Мне ничего от них не надо, особенно от него...

— Не дури, знаю, что ты еще не нашла работу...

— Костя, не уговаривай, не возьму. Пусть мистер облитый сдаст свой костюм в химчистку, надеюсь, этого хватит...

Я развернулась, чтоб уйти, но Костя удержал меня за руку.

— Тина, послушай...

— Хорошо, давай, — я взяла конверт из его рук. — Понимаю, тебе сказали отдать — вот ты и сделал это. Не буду тебя впутывать, сама верну. Пока.

Я решила не идти на последнюю пару, а сразу отправиться в клуб, пока полна решимости. Заведение начинало работу вечером, но начальство днем всегда можно было застать на месте. И надеялась встретить именно облитого, чтоб лично ему отдать деньги.

И мне повезло. Он сидел за столиком и пил кофе. Странно, что никогда не видела его раньше. И вообще, не знала, что владельцев двое...

Я быстро подошла и положила конверт на стол.

— Так и знал, что придешь, — он откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на меня. Молчу о вежливости. И себя этим утруждать не стану.

Не желая говорить с ним, сразу развернулась в сторону выхода.

— Охрана, задержите ее! — приказал облитый.

Два амбала двинулись на меня.

Попятилась назад, пока не ощутила, что уперлась в...

— Я всегда сам решаю, когда разговор окончен, ясно? — он развернул меня лицом к себе, до боли сжимая плечи.

— Вы делаете мне больно... — уперлась руками ему в грудь.

— Потерпишь, пока я говорю, — прошипел он мне в лицо. — Значит, гордая, так?

— Это вам на химчистку. Пришлите мне счет, если будет не достаточно.

— Ты... Какого... — он еще сильнее сжал мои плечи.

— Отпустите!

Стала вырываться, и в этот момент он выполнил мою просьбу, а я полетела на пол, сильно ударившись плечом. Опять упала из-за него, а он, конечно, не извинится. И я, молча, поднялась и ушла...

Накануне нового года, я нашла работу — официанткой на вечерние и ночные смены в хорошем ресторане. И сразу выпала возможность заработать: доставить еду и обслужить клиентов во время праздника. Мама меня поняла и поддержала, отметить семьей новый год мы сможем первого января, а я получу приличные деньги.

Это был коттеджный поселок, недалеко от города, сюда меня привез водитель на служебном авто к девяти вечера, чтобы накрыть стол. Меня встретила симпатичная ухоженная женщина, лет шестидесяти, хозяйка дома. Она представилась Виолеттой Павловной. И проводила сразу на кухню.

— Покажите, пожалуйста, где взять необходимую посуду, я все сделаю быстро, —

сказала я, увидев, что женщина стала доставать из пакетов еду.

— Вообще-то я всегда сама все готовлю... Но мы прилетели два часа назад и просто не успели бы все сделать, поэтому сын заказал заранее в ресторане.

— Уверяю вас: вам понравится, не пожалеете, наш шеф-повар отлично готовит, изысканное меню на любой вкус, — улыбнувшись Виолетте Павловне, стала раскладывать еду в блюда. — На какое количество накрыть?

— Нас будет восемь человек.

Через час стол был готов.

— Действительно, все выглядит превосходно. Спасибо. Позову сына, он рассчитает вас. И можете быть свободны.

— Вы уверены, что мне не нужно остаться и обслуживать вовремя застолья? — я немного расстроилась, ведь за это тоже могла получить деньги.

— Сама справлюсь, но вам заплатят оговоренную ранее сумму. Так что не переживайте. Все-таки праздник. Надеюсь, успеете вернуться домой до боя курантов... За вами ведь приедут? Или вызвать такси?

— Да, меня заберут... Я позвоню тогда.

Она одобрительно кивнула и вышла из кухни.

Сделав звонок водителю, тот заверил, что выезжает и через час заберет меня. Я обрадовалась возможности встретить новый год с семьей.

В гостиной послышались голоса — все собирались за накрытым столом. И ничто, на первый взгляд, не предвещало беды... Мне оставалось подать только горячее...

Я украшала главное праздничное блюдо овощами и зеленью, когда в кухню кто-то вошел... Он выругался матом, потому что запнулся, задев подготовленные мной мусорные пакеты с пустой тарой, которые планировала забрать и выбросить по пути.

Испугавшись шума, резко обернулась и буквально замерла.

Передо мной стоял тот самый мистер облитый...

Конечно, он узнал меня. И сейчас взирал с недовольством.

— Ты... — гневно прошипел мужчина. — Какого черта здесь делаешь?

Но ответ настолько очевиден, что я лишь пожала плечами.

— Закончила? — сообразив, он положил конверт на стол и придвинул в мою сторону. — А теперь убирайся. И больше не попадайся мне на глаза... Никогда!

Он ушел.

А я готова была расплакаться от грубости и несправедливости. Ведь не случилось ничего по сути плохого, чтобы вести себя, как прожженная сволочь... Собрав свои вещи и прихватив мусор, поспешила уйти. На выходе меня остановила хозяйка дома. И поблагодарив еще раз, попрощалась и пожелала всего наилучшего.

«Как у этой милой женщины может быть такой жестокий сын?» — мысль об этом не покидала и откровенно удивляла.

Баки для мусора стояли за пределами территории дома. Засунув со злостью пакеты, поплелась по дороге в сторону въезда в поселок. Надеюсь, не придется долго ждать и меня скоро заберут.

Погода стояла морозная... Я куталась в пуховик от холода, но видимо мое общее состояние сказывалось, не давая согреться. Дойдя до шлагбаума, достала мобильник и тут же мысленно застонала, увидев, что он отключился и не подавал признаков жизни. А все мои жалкие попытки остались без внимания. И что же теперь делать? По идее, водитель мимо

меня не проедет...

Оглядевшись, заметила будку охранника.

— Выхода нет... придется просить помощи... — пробубнила себе под нос. И постучалась в дверь.

Оттуда выглянул немолодой мужчина, хмуро окинув меня взглядом.

— Тебе чего, дочка? — заботливо поинтересовался он.

— Здравствуйте. С наступающим вас... — в ответ мне кивнули. — Вы можете одолжить свой телефон. Мой, кажется, сломался... Всего один звонок. Пожалуйста.

Мужчина протянул свой мобильник, не задавая ненужных вопросов.

Я собиралась позвонить на работу, чтобы они сами связались с водителем (его номер попросту не знала, а вот номер ресторана запомнился) и передали ему, где надо забрать меня.

Ответили сразу:

— Ресторан «Прованс». Иван. Добрый вечер, — слышалась стандартная приветственная фраза.

— Иван, это Тина...

— Тина?! Как хорошо, что ты позвонила! Что у тебя с телефоном?

— Не знаю... Замерз, села батарейка или сломался...

— Слушай. — тут же перебил он меня. — Машина попала в аварию. Тебя некому забрать.

— Что? Какой ужас... С водителем все в порядке?

— Да, он цел. Занесло на дороге, въехал в припаркованную тачку... И как я понял, у машины незначительные повреждения, но он ждет гаишников, не может уехать с места ДТП.

— Понятно... Печально, конечно... Тогда вызову такси или попутку поймаю...

— С такси сейчас проблемы, попробуй тормознуть кого-нибудь, в это время в город много кто едет. У нас аншлаг, все столики заняты, столько народу и еще приходят...

— Ладно. Пока.

Я отключилась. Задумалась, как лучше сделать.

— Ну что, девонька? — спросил мужчина, когда я возвращала телефон.

— Мне нужно в город... Но за мной не приедут...

— Такты неместная... — даже не поняла: он утверждал или спрашивал.

— Да вроде не похоже, — я развела руками, намекая на свою дешевую одежду. А в окружении таких богатых домой, кажусь тут лишней... — Работать приезжала.

— Хм... Так оставайся. Утром сменщик приедет, и я доведу тебя, — он кивнул в сторону стоящей рядом с будкой «семерки».

— Пожалуй, пойду до трассы. Попытаюсь поймать машину. Очень домой хочется.

— Оставайся. Холодно. Не время для таких долгих прогулок. Чайем напою, пирожные есть и оливье... А?

— Спасибо. Я попробую все-таки... Не получится — вернусь.

— Плохая затея... Ну, раз решила, то удачи тебе!

— Спасибо вам.

Я шла примерно минут двадцать. Трасса была уже близко. Впереди маячил яркий свет фонарей, но больше всего привлекал шум машин.

«Кто-нибудь обязательно остановится» — эта мысль приятно грела, но лишь условно...

Мороз крепчал и, не смотря на то, что шла, замерзала все больше и больше. Хотя

возвращаться не собиралась, надеясь добраться до города.

Неожиданно позади меня показалась машина. Вернее, я слышала вначале, а обернувшись — увидела горящие фары. Она быстро приближалась. И ехала явно из поселка.

Я обрадовалась. И приготовилась остановить ее. Лишь бы меня заметил водитель. Темновато было... До трассы эту дорогу освещали редкие фонарные столбы. Подойти к следующему просто не успеваю.

Обочина была завалена сугробами. Я стояла так, чтобы меня можно заметить и не сбить. Выставив руку, ждала. И вот, моя надежда и спасение почти поравнялась со мной. Стала интенсивно махать замершей кистью. Но машина проехала мимо, чуть не задев меня. Отпрыгнула в сторону буквально в последний момент, упав в кучу снега.

Потом послышался резкий звук тормозов и разворота. Она возвращалась. А в следующее мгновение меня ослепил свет фар. Я прикрылась рукой.

— Какого... — ругань и проклятья посыпались в мой адрес.

Я узнала этот голос. Такая компания мне даром не нужна.

— С ума сошла?! — закричал он.

И дернул меня за рукав куртки, поднимая на ноги, но я не удержалась и снова плюхнулась в сугроб, отползая от него назад.

— Куда? — на меня наступали уверенными шагами. Затем он схватил мою маленькую тушку за грудки, приводя в вертикальное положение.

— Садись в машину.

Отрицательно помотав головой, хотела отойти от него и была готова бежать. Что угодно, только бы подальше от него. Не позволил, ловко сжав руку на моем локте до боли.

— Ай! Отпустите...

— На улице минус двадцать пять... Ты совсем дура? Сядь в машину!

— Зачем? Что вам надо? — тихо пролепетала я.

— За что мне это наказание... — он закатил глаза. — Отвезу тебя, что тут не понятного?

— Я сама доберусь... Трасса рядом...

— Ну, все, хватит. Мое терпение не безгранично.

Мужчина потащил дрожащую меня к машине. Быстро открыв дверь, засунул на переднее сидение. Я не особо уже сопротивлялась, особенно ощутив благостное тепло. Сразу стало хорошо, что готова лужицей растечься...

Он занял свое место.

Какое-то время мы ехали молча. Заговорить опасалась и считала, не имею право что-либо спрашивать. Вжавшись в спинку сидения, косилась на него — лицо было напряжено и сосредоточено... Я перевела взгляд на руки, он сжимал руль с такой силой, что казалось тот треснет под этим натиском.

— Что? — недовольно спросил он, застучав меня за подглядыванием.

— Ничего... — отвернулась к окну.

Прошло несколько минут, и он начал говорить:

— Звонили из ресторана. Не могли найти тебя. Сказали об аварии. Пришлось ехать...

— Я уже знаю. Охранник на шлагбауме был любезен и дал свой телефон.

— Почему не вернулась в дом? Мы бы вызвали такси.

«Ого! Об этом даже не думала и не мечтала».

— И вы помогли бы?

— По-твоему, я чудовище и во мне нет ничего человеческого? На улице холодно. Можно замерзнуть...

— Но вы меня ненавидите...

— Да кто ты такая, что бы я ненавидел? Мне нет никакого дела до тебя! Просто есть элементарные людские понятия и нормы. Не хватало на моей совести смерти в виде одной непуτευой девчонки.

Я пропустила колкости по поводу своей неразумности. Не позволю себе обидеться и принять слова близко к сердцу. Хотя он прав, о чем предпочту промолчать.

— На трассе много машин, кто-нибудь остановился бы... И сегодня я не плохо заработала.

— Планировала с этих денег заплатить?

— Да. А что?

— Вот, что, — он залез во внутренний карман куртки и, что-то вытащив, протянул мне. Мой конверт! Как же могла забыть о нем. Выходит я была без денег, одна, поздним вечером, на дороге, в мороз... Потрясающе...

— Спасибо вам, — осознав ситуацию, в которой оказалась, не могла не поблагодарить его.

— О, что я слышу! Я заслужил твою благодарность?

— Не глумитесь. Искренне говорю...

— Ладно, принято. Где живешь, Тина?

От звучания собственного имени, вернее того, что он его знает и помнит, я вздрогнула. И удивленно взглянула, хотя он не заметил моих эмоций, следя за дорогой.

— Вы можете высадить меня где-нибудь. Вас ждут дома.

— Адрес? — потребовал он, и уже более спокойным голосом добавил: — Я обещал матери довести тебя.

Я сказала улицу и дом. А сама снова посмотрела на него, перебирая в голове варианты его имени. В тот вечер, когда столкнулась с ним, Костя говорил, как зовут совладельца клуба. И было оно каким-то необычным, редко встречающимся. Но спросить не осмелюсь.

Видимо, поняв мой мыслительный процесс, мужчина бегло обернулся:

— Ян... Меня зовут Ян. Хотя вряд ли эти знания тебе пригодятся.

Отвечать не стала. Так и доехали. Впрочем, меня это устраивало.

Мы въехали в город и вскоре были возле моего дома. Поблагодарив его опять, вышла и скрылась в подъезде.

«С новым годом, с новым счастьем...» — запоздало подумалось мне.

Новогодние праздники пролетели быстро...

В эти дни я брала еще дневные смены. И неплохо заработала.

Ведь впереди ждала сессия, которую я планировала сдать без «хвостов». На пару недель выпаду из рабочего графика. Но после обязательно наверстаю.

Жизнь налаживалась. И вот, когда все было позади, очередной сюрприз судьбы застал меня врасплох.

Я собиралась сдать смену. Сидя за барной стойкой, заполняла необходимые документы. И уже почти закончила... Внезапно справа от меня опустилась мужская рука с дорогими часами, а вторая легла на мое левое плечо.

Вздрогнула, а обернувшись, не поверила глазам. Это был Ян.

Как ни странно, его личность меня заинтересовала, хотелось знать, что он за человек и чем занимается. Покопавшись как-то в интернете, нашла немало нового: «Ян Мацейчук. Тридцать три года. В разводе, есть пятилетний сын, который проживает с матерью. Владелец сети спортивных клубов. А еще возглавляет отцовский бизнес после его смерти — предприятие по производству молочных продуктов. Участвует в благотворительности, спонсирует местную детскую футбольную команду, ведет светскую жизнь...». Резюмируя: неприлично богатый по меркам среднестатистического жителя, известный в своих кругах и за его пределами, в сомнительных связях не замечен, завидный жених и мечта каждой девушки — красавец-блондин, высокий и спортивный...

Вот только я раньше ничего не слышала о нем, до того злополучного дня...

Посмотрев в его светло-голубые глаза, которые больше похожи на кусочки льда, и соответствует моим внутренним ощущениям об этом человеке, я не подала виду, что удивлена визиту. А пришел он по мою душу — это было очевидно.

— Насмотрелась? — раздраженно произнес он, отвлекая от мыслей. Хотя сам рассматривает меня так, будто впервые увидел.

— И вам здрасти... — язвительным тоном ответила я. Ненавижу это простое разговорное слово, но сейчас использовала намеренно, напомнить кое-кому о вежливости.

— Привет, — он понял мой намек и реабилитировался сразу.

— Чем обязана? — обреченно вздохнула я, отметив, что пути к отступлению отрезаны. Левая рука, что лежала на моем плече переместилась на спинку стула. Ян подался вперед, оказавшись непростительно близко ко мне.

— Есть разговор, — он навис надо мной и давил своей мощной энергетикой. — Когда заканчиваешь?

— Минут через десять, — отвернулась, продолжая делать запись, лишь бы не видеть его изучающий придирчивый взгляд. Сейчас испытывала не самые приятные ощущения.

— Хорошо. Буду ждать в машине.

Сказал, как отрезал. И вышел. Посмотрев ему вслед, пыталась понять, что от меня надо. Зачем опять появился? Ведь грозился тем, чтобы не попадалась на глаза...

А ровно через двенадцать минут, я стояла на улице и вдыхала морозный воздух. Но громкий сигнал автомобиля (наверняка недовольный), не дал насладиться свежестью.

Ян вылез из машины. И жестом поторопил меня подойти.

— И что же вы хотели? — сходу начала я, быстрее отвязаться и добраться домой. Уж

очень хотелось лечь спать.

— Присядем?

— Нет. Хочу подышать.

— В общем, так: моей матери требуется помощница по хозяйству... — на эти слова я нахмурилась и, заметив выражение моего лица, он сразу пресек попытку перебить.

— Дослушай сначала, а потом спрашивай... Не любит она посторонних в доме, все делает сама, не привыкла, чтобы прислуживали. Предлагал много раз, но нет... А тут заговорила: было бы неплохо нанять кого-то. И тебя вспомнила.

— У меня есть работа.

— Я заплачу больше. Времени свободного у тебя тоже станет больше. По ночам перестанешь работать. В институте будешь успевать. Семье поможешь...

— Откуда вы... — Хотела спросить: откуда знает все, но вряд ли ему составило труда выяснить интересующую информацию. — Почему я?

— Если моя мама хочет тебя видеть в этой роли — значит, так тому и быть.

— А как же мое мнение? Меня не забыли спросить?

— Сейчас спрашиваю. Я же, при желании, могу поспособствовать, чтобы тебя уволили отсюда и нигде не найдешь работу... Тогда прибежишь сама. Хочешь так? Все равно будет, по-моему.

— Это шантаж, — возмутилась я, чувствуя беспомощность перед этим властным человеком.

— Именно, — нагло подытожил он. Даже не пытался скрыть своего торжества.

— И я не могу подумать? — на мой вопрос он отрицательно помотал головой. — Вы не оставляете выбора...

— Все правильно — не оставляю. Сделаем вид, что ты согласилась. И рада работать в моем доме. Садись, подвезу.

— Спасибо, не стоит, хотя бы тут оставлю за собой решение. Всего хорошего, — выдавила искусственную улыбку из себя, и пошла в сторону остановки, потом обернулась. Он наблюдал за мной, скрестив руки на груди, и, не смотря на странность ситуации, казалось, ждет ответ, положительный ответ (как иначе). — Когда приступать? — крикнула я издали.

— Послезавтра! Тебя заберет из института водитель моей матери. Кивнула, соглашаясь на все условия. Что еще делать...

Его губы тронула едва заметная улыбка.

Какой все-таки противоречивый мужчина...

На следующий день я уволилась, сразу получив заработанные деньги. Меня даже не удивило, что так легко отпустили, без отработки, пока не найдут замену, не спрашивая причин. Скажу больше: моего заявления ждали, рассчитали в течение получаса и пожелали удачи на новом месте. Не обошлось тут без одного, сующего нос, куда не просят...

И вот, я еду на шикарном авто в поселок «Березовая роща».

Водитель забрал меня ровно в три дня, как только вышла из института, безошибочно определив меня среди толпы студентов. Он представился Геннадием, вежливо пригласил в машину. Мимо такого даже мыш не проскочила бы, настолько цепким оказался его взгляд. И вид внушительный, даже пугающий: возраст слегка за сорок, рост чуть выше среднего, крепкого телосложения... На водителя совсем не похож, скорее выглядит, как телохранитель, хотя возможно так и есть. Я не удивлюсь, что в прошлом он военный,

сотрудник каких-нибудь групп быстрого реагирования.

«Н-да... Работники у Мацейчука под стать ему самому. Контроль во всем и всегда».

— Геннадий? — обратилась я.

Он убрал звук магнитолы и поднял глаза в зеркало заднего вида, поймав мой вопросительный взгляд.

— Вы давно работаете на Яна?

— Достаточно. Что-то хотите знать? — басистый голос Геннадия полностью отвечал его внешности.

— Не то что бы... — замялась я, не зная, правильно ли говорить о человеке за его спиной.

— Спрашивайте, — спокойно добавил он.

— Ян всегда такой?

— Такой? — удивленно переспросил он.

— Да. Грубый, жестокий, властный...

На мое заявление водитель усмехнулся:

— Не замечал ничего подобного. Да, человек непростой, но ведь и ответственности на нем много: мать, сестра, сын, работа, куча сотрудников со своими проблемами, которым по возможности старается помочь, проекты разные... Бывшая жена постоянно «мозг выносит», требуя больше денег... В целом, не сладкая жизнь, хоть и обеспеченная. Тут нельзя не быть принципиальным и требовательным к людям.

— Спасибо за откровенность, — я уже пожалела, что спросила. Не думала услышать столь положительной характеристики.

— Это общеизвестные факты, никаких секретов.

— Глупый вопрос задала...

— Нормальный. Правда, у многих ошибочное мнение о Яне, но когда узнают, если он того захочет, кардинально меняют отношение к нему.

— Я поняла.

Мне стало неудобно за свой интерес. И я решила закрыть тему, тем более мне не светит попасть в число тех, перед кем он раскроется и позволит увидеть другим.

Виолетта Павловна встретила меня на пороге. Ее глаза лучились радостью, что невозможно не улыбнуться в ответ.

— Тина, милая, здравствуй, — столько нежности в голосе, будто я родной человек, отчего немного смутилась.

— Здравствуйте.

— Наконец, я дождалась. Спасибо, что согласилась. Не была уверена, захочешь ли сменить работу.

«Согласилась? Ну да. Конечно, ей совсем не обязательно знать обстоятельства, при которых мне перекрыли кислород... Хотя, если честно, не против, плюсов больше, вот только не надо было сразу давить на меня».

— Давайте, обговорим фронт работы? — предложила я.

— Ты обедала? — заботливо поинтересовалась Виолетта Павловна.

— Да, я успела перекусить в столовой института.

— Тогда сначала чай, заодно поболтаем.

Прошел месяц.

Работала я три раза в неделю, полдня. Такой график, безусловно, меня устраивал. Много

стала успевать, особенно помогать маме, высыпалась — больше не похожа на бледную моль, учеба давалась легче. И, конечно, денег хватало на все, даже начала откладывать.

С работодателем почти не пересекалась, что тоже не могло не радовать, ведь стоило ощутить его пристальный взгляд, становилось не по себе, он странно влиял на меня, чему пока не нашла объяснений.

В один из вечеров, когда собиралась домой, столкнулась с ним в дверях дома. Я буквально врезалась в его грудь, отвлекшись на пару секунд, чтобы отправить маме сообщение.

Ян схватил меня за плечи, не позволяя упасть. Подняв на него глаза, наткнулась на недовольное выражение лица.

— Все-таки ты так и не научилась быть внимательной.

Вспомнив тот вечер, уже не была уверена, что тогда он несправедливо наорал на меня и обвинил в неуклюжести. Я же спала на ходу от хронического недосыпа, вполне могла моргнуть и не заметить его. Все повторяется.

— Простите... — хотела отстраниться, но он не дал.

— Иди в машину. Отвезу в город.

— А Геннадий? — не очень хотелось находиться в обществе Яна.

— Отпустил.

— Может, я на такси?

— Тина, — сказал он вкрадчивым голосом, — когда ты поймешь, что своих решений я не обсуждаю? Иди. Я сейчас.

Он отступил в сторону, пропуская.

Устроившись на переднем сидении, почувствовала витающий аромат парфюма в машине — с древесными нотками, терпкий, насыщенный, притягательный. Прикрыв глаза, блаженно вдохнула.

«Сила и секс — вот, на что похоже. И конечно, подходит такому мужчине, как Ян» — от этих неприличных мыслей мгновенно очнулась. Стало стыдно от увиденных картинок в голове. Это запрещенная тема. Нельзя допустить, чтобы хоть часть из представленного: поселилась во мне и пустила свои корни.

«Он никогда не обратит внимания на тебя» — тут же шептало подсознание.

«Я ни о чем таком не думала...» — оправдывалась я перед собой.

«Ну-ну... — продолжал звучать голосок внутри, — а кто только что мечтал о нем? А?»

— Хватит! — громко сказала я вслух, обрывая поток сочащихся глупостей. Надо выкинуть все мысли о нем. Как я вообще позволила себе подобное? Дура!

В этот момент открылась водительская дверь.

— Эй, ты в порядке?

Оглянувшись на Яна, в очередной раз ощутила себя нелепо... Поэтому кивнула в ответ и пристегнулась ремнем.

— Уверена? — устроившись за рулем, опять спросил он.

— Да. Устала.

Мне хотелось провалиться, исчезнуть, лишь бы не быть сейчас рядом с ним в замкнутом пространстве. Ведь стоило завести машину, теплый воздух окутал меня и аромат, уже смешанный с мужским, только его запахом, стал интенсивнее. Он забирался внутрь и действовал возбуждающе, а подсознание вновь подсовывало картинки...

Мне стало жарко. Я расстегнула пуховик, сняла шарф и шапку. Обняв себя, уставилась в

окно, за которым простиралась темнота.

И тут моего лба на несколько секунд коснулась его рука.

— Что с тобой? Плохо? Температура вроде нормальная...

Хотелось завить от нахлынувших эмоций и просить, чтобы он не убирал свою ладонь.

«Да что со мной такое?! Надо срочно что-то делать».

— Все хорошо, — сказала стандартную фразу. И села удобнее.

— Как знаешь... Да, кстати, давно хотел поблагодарить за маму.

— В каком смысле? — я мгновенно переключилась, отвлекаясь от навязчивых мыслей.

— Она довольна тобой. А я рад, что ей не приходится много работать по дому.

— Ваша мама добра ко мне...

— Можно на «ты», — перебил Ян.

— Что?

— Говорю: перестань «выкать».

— Неудобно как-то...

— Тогда это приказ.

— Приказ... — повторила я и поникла. Пожалуй, лучшее отрезвляющее слово. Сам того не понимая, указал на мое место. Так правильно.

Уткнувшись в меховую оторочку на капюшоне, я смогла расслабиться и выкинуть тот бред. И планировала молчать до конца пути.

Зато Ян сегодня уж очень разговорчивый.

— Кто дал тебе это имя?

«Не все ли равно?» — хотелось сказать, да не стала грубить.

— Папа. И к певице оно не имеет отношения* (прим, речь о певице Тине Тернер), — сразу вставила, предполагая следующий вопрос.

— Тогда чем руководствовался твой отец?

— Смеяться не будешь? — осмелев, обратилась на «ты».

— Нет.

— Папа очень любил сказки. Всегда. Не смотря, что взрослый человек, мужчина, но с упоением читал... А когда я родилась, не долго думая, назвал Тинкой, сокращением от Тинкербелл, персонажем из «Питер Пэна», посчитал, что его дочь похожа на маленькую фею и это имя ей подойдет... Даже неважно, что волосы темные.

— Забавно. Но почему ты сказала — любил? Он ведь жив.

Я не стала уточнять на тему его осведомленности.

Пять лет назад с ним случился инсульт и с тех пор, он прикован к постели. И поэтому заботы о семье легли на тебя?

Мне не трудно. Кто, если не я?

Больше Ян ничего не спрашивал, погрузившись в свои мысли. А я, сев в пол-оборота, поглядывала на него. И что поняла: он был со мной сдержанным, спокойным, мягким, даже внимательным... Позволил увидеть себя настоящим.

Ян стал периодически отвозить меня домой.

Уж не знаю, что это за порыв такой? Он ссылаясь на то, что давал Геннадию свободные вечера, ведь раньше ему не приходилось работать допоздна. Но по наивности думала — причина во мне, что он хочет остаться со мной наедине... Конечно же, нет. Даже мечтать не стоит. Я не узнавала саму себя. Так не должно быть... Каждый раз приходится пинать себя мысленно, возвращая в реальность.

В один из вечеров, после смены, ждала, что он сейчас придет с работы и отвезет. Но в кухню зашел Геннадий и спросил, готова ли я ехать. Настроение тут же упало. И грустно кивнув, поплелась к машине.

— Тихая ты какая-то сегодня, — завел разговор водитель.

Я пожала плечами, не желая говорить. Вероятно, это можно расценить, как «очень устала». Хотя обычно не против болтовни.

— А я мотаюсь целый день, — продолжил Геннадий.

— Да, я заметила, что тебя долго не было, — с ним мы давно перешли на простое общение.

— Сегодня еще не все... Надо забрать машину босса из аэропорта.

— Он улетел?

— Да, на неделю, к сыну.

«На что я рассчитывала, будто он скажет о своих планах? Дура, какая же дура... Когда случилось так, что он стал не безразличен мне?» — стало тоскливо и уныло на душе. Надо гнать от себя эти чувства. Нельзя...

— Открой бардачок, — попросил Гена.

Открыв, перевела взгляд на него.

— Видишь: ключи лежат. Возьми.

— Что за ключи? — повертев в руках связку, поинтересовалась я.

— Ян купил квартиру. Там ремонт недавно закончился и требуется тщательная уборка. Он просил заняться этим, оплатит отдельно. Ему некогда было, торопился, поэтому поручения через меня оставил.

Убрав ключи в сумку, не сразу сообразила — зачем ему квартира... О чем спросила. Гена тихо рассмеялся на мой вопрос.

— Как зачем? Свободный мужчина должен куда-то привести любимую девушку, не в дом ведь, где живет мама. Тина, ты такая еще девчонка.

Почувствовала себя полнейшей идиоткой, стиснула зубы до скрежета. Могла бы, и догадаться... Ревность обожгла, разливаясь жидким металлом по венам...

«Девчонка? Ян тоже часто называл меня так. Значит, женщину он не видит во мне...».

— Вообще-то мне двадцать три...

— А рассуждаешь, как ребенок.

— Я не ребенок.

— Не обижайся. Хотел лишь сказать, что твоя непосредственность подкупает.

— Угу, — пробубнила я, а сама расстраивала себя сценами свиданий Яна и какой-нибудь роскошной женщины, подходящей ему по статусу и положению.

Мне же останется убирать любовное гнездышко...

Квартира оказалась двухуровневой: на первом этаже — гостиная, столовая и кухня, на втором — две спальни, по ванной комнате на каждом уровне. И не смотря на нескромные размеры, была уютной. Но очень и очень грязной... Поэтому, не теряя времени, приступила к своим обязанностям.

Я потратила весь световой день на чистоту и порядок. Ведь завтра воскресенье, выходной планировала провести с семьей. И закончив, захотелось немного прогуляться — подышать свежим воздухом.

Этот день я запомню навсегда. Он стал переломным моментом в моей жизни...

Подходя к своему дому, увидела отъезжающую машину скорой помощи. Осознание ситуации наступило сразу. Конечно, врачи могли приезжать к кому угодно, но я точно знала, интуиция вопила — это папа.

Дома никого не оказалось. Папина постель тоже пуста...

Я тут же позвонила маме... Ее плач мне рассказал больше, чем слова.

Оседая на пол, последнее, что запомнила, как телефон упал и разбился.

Папу похоронили в родной деревне, рядом с бабушкой и дедушкой, так он пожелал еще при жизни. Мама осталась там не некоторое время. Я же вернулась домой, не состоянии больше находиться среди родственников, давящей обстановки... Хотелось одиночества. Тишины и покоя. Пережить утрату мне проще наедине с собственными мыслями.

Лежа на кровати и обнимая подушку, я ненадолго заснула. За последние три дня я почти не спала, хотя очень устала, но отрешиться от горя не получалось. Была вымотана физически и опустошена эмоционально...

Но продолжительный звук дверного звонка заставил подняться и открыть.

В темный коридор квартиры на меня шагнула мужская фигура. Я машинально отступила назад. Он нашел выключатель, щелкнув им. Свет больно ударил по глазам.

Ян Мацейчук стоит и хмуро взирает, отчего хочется съежиться, но тут же выражение его лица сменяется неподдельным беспокойством.

— Тина, что случилось? — его рука тянется к моему лицу.

Я не выдерживаю, слезы текут по щекам, а потом приближаюсь к нему и обнимаю, уткнувшись в грудь. Он стоит, не шелохнувшись, не ожидал такой реакции. Но все же неуверенно обнимает в ответ. Его тепло успокаивает меня. Через пару минут я отстраняюсь и смущенно туплю взгляд в пол.

— Тина?

Ян подходит и снова притягивает меня. Я не сопротивляюсь, уже не плачу, но разрывать контакт не хочу. В его объятиях так хорошо... Рукой он гладит мой затылок, а носом зарывается в волосы.

— Расскажешь теперь? — тихо говорит он. И приподнимает мое лицо, заглядывая в глаза. — Я вернулся час назад. Мама сказала, что ты исчезла, телефон не отвечает, в институте не появлялась, дома никого не было, Гена постоянно проверял, но я все равно решил начать отсюда... На тебя это не похоже, ты не могла так поступить. Если у тебя проблемы, ты только...

— Отец умер... — перебила его. — Я приехала сегодня днем...

— Мне жаль. Прими соболезнования. Почему не сказала? Мы могли помочь.

— Мы справились. Спасибо...

Он отступил и прошел на кухню, попутно включая свет. Огляделся. Заглянул в шкафчики и холодильник.

— Когда ты ела последний раз?

«Сегодня точно не ела... Вчера? Не помню».

Поэтому пожала плечами. Да и дома кроме круп ничего нет... Остатки доели до отъезда, а никто за покупками не ходил. Я собиралась сделать это завтра.

— Собирайся.

— Куда?

— Возьми вещей на пару-тройку дней.

— Ян?

— Жду в машине.

Не знаю, зачем он делает это, но меньше всего хочется, чтобы меня жалели. Но соглашаюсь на его помощь.

Глава 3

Мы приехали к дому, где располагалась новая квартира. Хотя ожидала, что поедem в поселок. Так даже лучше.

— Зачем мы здесь? — все-таки спросила я.

— Я заказал еду. Если хочешь: можешь пока принять душ, выбери любую комнату наверху.

— Ян?

— Смена обстановки, — прозвучал ответ.

Поплелась на второй этаж. Из двух спален, приглянулась та, что поменьше. И я понимала, он предложил из вежливости, занять какую захочу. Но вторая комната была мужской, все в ней об этом говорило.

Спустившись после душа, увидела накрытый стол и суетящегося возле него Яна. «Милая картина, милый он... И глупая, глупая я!» — фантазия опять напомнила о себе.

— Давай, садись, бери на свой вкус.

Оказалось, я такая голодная. И ресторанный еда тут не причем. Впервые за последние дни ощутила аппетит или Ян так влияет на меня. С ним забываюсь... В его компании приятно находиться. И он мне нравится все больше и больше, хотя пытаюсь гнать запрещенные мечты.

— О чем задумалась?

«О тебе» — пролетело сразу в голове, но такое никогда не скажу, даже под дулом пистолета и угрозой смерти. Моя личная тайна. Мои чувства касаются только меня.

— Спасибо тебе. Метод «смена обстановки» работает, — слабо улыбнувшись, я встала: хотела убрать со стола и вымыть посуду.

— Не надо, — он остановил меня. — Сегодня ты гостя, а не домработница. Я сам. Иди, отдыхай.

Ночью мне снился кошмар...

Повторяющиеся кадры с похорон папы. Вот гроб опускают в могилу, и вот я иду в траурной процессии, держа цветы в руках... Пленка обрывается и кто-то невидимый включает ее снова, не давая облегчения, наслаждаясь моими мучениями.

Пытаюсь вырваться из этого безумия круговерти, но каждый раз погружаюсь еще глубже. В какой-то момент мне удастся открыть глаза... И я не могу сдержать слез. Такое чувство, будто это наказание за то, что позволила себе забыться на время. Но ведь так и должно быть: пережить боль утраты, а не жить ею. Мы же себя жалеем, когда теряем близких, это нам плохо без них и, кажется, тупик...

Уткнувшись в подушку, даю волю эмоциям и плачу. И совсем не замечаю, когда приходит Ян.

— Тина? — он касается моего плеча.

Резко оборачиваюсь и сажусь.

— Прости, что разбудила... — об этом я не подумала.

— Я не спал. Наверное, ожидал чего-то такого... Ты кричала...

— Просто плохой сон...

— Подвинься.

— Что? — непонимающе уставилась на него.

— Двигайся. Хочу лечь.

— Зачем? — спросила я, но вспомнив, что он не меняет и не обсуждает своих решений, повиновалась и отодвинулась к правому краю кровати. Хотя ему можно было обойти с другой стороны.

— Я люблю спать слева, — пояснил Ян, укладываясь в постель.

И тут до меня дошло, что он, действительно, собирается спать здесь.

— Но...

— Тина, не время для возмущений и стеснений. Вдвоем всегда спокойнее. Тебе надо хорошенько выспаться.

Повернувшись к нему спиной, прикрыла глаза в попытке уснуть. Но не думать, что он лежит рядом, не могла.

— Ян? — хотела сказать, что не стоит со мной возиться, и я вполне справлюсь.

— Тшш... Спи... — С этими слова он придвинулся ко мне, захватывая в кольцо своих рук. — Только не дергайся.

«Спи? Да как тут можно спать, когда он так близко» — спиной я ощущаю его твердую грудь, а через тонкую ткань футболки — жар тела. И аромат, идущий от него, будоражит фантазию и волнует...

Все-таки решила отодвинуться, на что меня крепче прижали:

— Тина, — укоризненно сказал Ян. — Лежи спокойно, я же мужчина, если ты не заметила...

Сначала не поняла смысл его фразы, но когда дошло... Я даже представить не могла, что моя близость его возбуждает. Вихрь противоречивых чувств накрыл меня: от удивления и радости — до страха перед неизвестным и стыдливого желания отдаться ему. «Почему стыдливого? Да потому что девственница до сих пор» — некогда мне было личной жизнью заниматься.

И чтобы не провоцировать никого, сделала, как он просил: не двигалась и постепенно уснула.

Всю ночь Ян обнимал меня. Положение наших тел сменилось и, к моменту пробуждения, я лежала на его груди, слушая размеренные удары сердца и касаясь кожи... Это неопишуемое чувство защиты, надежности и спокойствия.

Аккуратно приподнявшись, чтобы не разбудить Яна, посмотрела на него. Безумно хотелось провести рукой по его лицу... Сейчас оно выглядело расслабленным, безмятежным и мягким.

«А если поцеловать? Хотя бы в щеку...»

Я приблизилась, но в паре сантиметров остановилась, мысленно одергивая. Не позволяя совершить себе непростительную ошибку и поддаться желаниям, выскользнула из постели.

На часах было почти десять утра.

В приподнятом настроении, спустилась вниз. Заглянула в холодильник: оказывается, Ян позаботился о завтраке тоже — упаковка с румяными сырниками манила их попробовать. Оставалось сварить кофе, что и сделала.

— Как вкусно пахнет? — прозвучало за спиной.

Я испуганно дернулась от неожиданности. Хорошо, что ничего не держала, иначе непременно уронила бы.

— Напугал меня...

— Не стоит так бурно реагировать.

Он скрестил руки на груди и хитро улыбнулся. На нем были только пижамные штаны и я, не без удовольствия, разглядела рельефный торс... С трудом отвернувшись, разлила кофе по чашкам.

— Разве тебе не надо на работу? — я сделала непринужденный вид, будто меня не волнует его присутствие.

— Надо. Но когда ты сам себе начальник — в этом есть плюс. Сначала отвезу тебя в поселок. Вчера разговаривал с мамой, она расстроена, переживает за тебя и хочет видеть.

— Да, конечно. Наверное, много дел накопилось, я ведь даже не предупредила... Так стыдно...

— Тина, перестань... И никакой работы. Она ждет просто в гости.

— Работа поможет отвлечься.

— В этом ты права.

Мы присели за стол и приступили к еде.

Старалась не думать о нем, но у меня плохо получалось. Я увлеклась им. И с этим ничего не могла поделать, попалась — окончательно и бесповоротно.

«Влюбилась...» — вот и призналась сама себе.

Весь день с Виолеттой Павловной мы пекли — сладкие и несладкие пироги. Она назвала свое настроение «мучное безумие». А еще это здорово помогает отвлечься от грустных мыслей. И не стоит говорить: было приятно, что мне рады тут.

Посмотрев на результат наших трудов, я озвучила:

— Несколько дней можно не готовить.

— Постарались мы с тобой... Мне столько не надо, а Ян планировал какое-то время пожить в городе, — она задумалась ненадолго. — Слушай, а может для него отвезти? Ведь все равно из ресторана закажет, а тут домашняя еда.

При упоминании о нем, сердце взволнованно забилося. И, конечно же, идея мне понравилась. Есть повод увидеть его.

— Да, надо отвезти, — согласилась я.

— И лучше сделать сюрприз, а то откажется, если позвоню. Поэтому собирайся, предупрежу Геннадия пока.

Аромат выпечки разлетелся по салону авто мгновенно.

Я испытывала нетерпение и волнительный трепет, а губы сами растягиваются в улыбке. Все мысли только о нем, хотя мерзкий голосок изнутри шепчет, пытаюсь напомнить, что мы из разных миров и не имею право даже думать. Но с каким-то маниакальным желанием все равно поддаюсь искушению, мечтая о нем. И не могу перестать улыбаться.

— Влюбилась что ли? — оборвал мои мечты Гена.

— Что? — услышав вопрос, смутилась и начала отнекиваться. — Нет. Не влюбилась. С чего ты взял?

— Ну-ну, — прокомментировал он ироническим тоном.

— Просто настроение хорошее, — впрочем, это правда, но причину озвучивать не собираюсь, конечно. Хотя у меня настолько говорящее лицо сейчас, что верится с трудом, будто это не имеет отношения к кому-то.

— Да, положительные эмоции тебе не повредят. Моих родителей уже нет. Терять близких всегда больно...

Продолжать разговор об этом не стали, каждый думая о своем. Гене удалось вернуть меня в реальность, не специально, конечно. Но я сразу подумала о маме: как она там? Завтра

я собиралась съездить в деревню, о чем предупредила Виолетту Павловну, чтобы не теряла меня. А послезавтра уже девять дней, как нет моего любимого папы... Потом время полетит незаметно, разбавляя жизнь событиями, но уже без него...

Я поникла.

— Прости, что расстроил, — заметил резкую перемену Гена.

— Это жизнь. Кроме как смириться — ничего не остается.

— Да.

— А где в это время обычно бывает Ян? — решила сменить тему.

— Скорее всего, в центральном фитнес-клубе.

— Поедем туда. Отдам еду. И домой.

— Может, лучше на квартиру?

— Мне не очень удобно оттуда добираться.

— Так я отвезу.

— Не надо. Хочу прогуляться, а тебя семья ждет.

— Как знаешь... Хорошая ты, Тина. Заботишься обо всех и обо всем. Повезет же с тобой кому-нибудь. Или уже повезло? Парень есть у тебя?

Улыбнувшись на фразу, ответила:

— Нет у меня никого.

Сама же подумала о Яне. Его парнем уже не назвать. Мужчина. Надежный и сильный. Серьезный. Он не станет расплыться на всякие глупости. Именно такой мне нужен. Но я для него лишь девчонка, он никогда не посмотрит в мою сторону...

— С такой симпатичной мордашкой и никого? — продолжал интересоваться Гена. — А хочешь: с сыном познакомлю? Он твой ровесник.

— Спасибо, не надо, — смущенно опустила глаза. — Я лучше сама...

— Если захочешь — скажи.

Кивнув ему, отвернулась к окну. Мы только что въехали в город. И я бесцельно смотрела на здания, вывески магазинов, людей...

На парковке спорт-клуба, а точнее огромного центра или даже комплекса, вышла из машины и направилась туда. Сомнения одолели меня. Уже не уверена, что стоило приезжать сюда. Можно было оставить еду в квартире и не выдумывать проблем, а вернее — причин быть тут. Но так хотелось его увидеть, ведь пару дней проведу в деревне. И желание превысило разумные доводы.

Войдя внутрь, подошла на стойку администратора.

Миловидная блондинка встала, приветствуя меня.

— Добрый вечер. Вы заниматься? — она оглядела меня, но, не заметив сумки или чего-то, куда можно положить вещи, растеряно посмотрела.

«Заниматься? Да я бы с удовольствием, но абонемент не по карману».

— Нет. Мне нужен Ян. Он тут?

— Ян Брониславович у себя. Как вас представить? — она взяла трубку стационарного телефона.

Мне не понравилось, с каким тоном она произнесла эти слова, сделав акцент на отчестве. Можно подумать нанесла оскорбление лично ей. И вообще, будто не вправе спрашивать о нем.

— Скажите, что пришла Тина. Мне нужно кое-что передать. Это из дома.

Девушка изогнула бровь. Но в следующий момент ее лицо смягчилось, когда

внимательнее посмотрела на меня. Видимо, поняла, что не имею к нему никакого отношения. Конечно, моя одежда выдает и буквально кричит «она ему не пара». А то, что ревность «сочилась» из ее глаз, было очевидно. Интересно...

Пока она созванивалась, я набрала Гене сообщение, чтобы не ждал, так как Ян на месте и после сразу отправлюсь домой. В ответ получила: «Хорошо. Пока. А про сына не пошутил» и улыбающийся смайлик. На что тоже улыбнулась.

— Он сейчас спустится, — сухо сказала девушка и села.

Я подняла глаза на лестницу и увидела Яна. С каждым его шагом мое сердце отбивало бешеные удары. Волнение сменяется радостью. И люблюсь им, пока идет.

— Тина, что ты тут делаешь? — он взял меня под локоть и отвел в сторону от любопытных сканирующих глаз администратора.

— Вот.

Открыв пакет, показала контейнеры с едой.

— Что это? — он заглянул туда.

— У твоей мамы сегодня, как она сама сказала «мучное безумие». Просила передать. Это пироги.

— Узнаю свою маму, — он улыбнулся. — Вот только зачем сюда?

Я пожалала плечами. Не признаваться ведь, что хотела видеть.

— И куда это деть?

— Можешь отвезти в квартиру? Некогда сейчас... Буду через пару часов примерно.

Предполагала, что так будет. И меня отправят отсюда. Но Гена уехал... Придется теперь самой.

— Конечно, — не стала озвучивать этот факт, отвлекая по ерунде. Не переломлюсь.

— Тогда пока, — Ян похлопал меня по плечу, развернулся и ушел.

А девушка за стойкой тоже провожала его взглядом. Нельзя не заметить, как она смотрит на него. Хотя чему удивляюсь — видный мужчина, наверняка много поклонниц. И я в их числе, разбавляю список своей неприметностью и не рассчитываю на взаимность.

Оказавшись в квартире, первым делом убрала пироги в холодильник.

И что поразило, так это обилие продуктов. Утром их не было. Когда только Ян успел сделать запасы с его занятостью? В принципе, это мог сделать Геннадий.

— Даже шампанское стоит... — пробубнила я, подумав о том, что если его не собираются пить, то какой смысл ставить бутылки охлаждаться.

«Что же ты собираешься делать сегодня?» — вспомнился разговор про свидания и особое назначение этой квартиры.

«Дура, ты просто дура, он имеет право на это, а ты — никто, пустое место. Идиотка влюбленная» — дала себе мысленный подзатыльник.

Раздраженно хлопнув дверцей холодильника, вышла из кухни, поднялась на второй этаж, в комнату, где мы спали вместе. Легла на кровать, на подушку, которая пропахла им. Прикрыв глаза, думала о прошедшей ночи и его руках, которые крепко обнимали меня...

Незаметно для себя уснула.

Проснулась от смеха. Мелодичного. Женского.

Испугавшись, что меня застанут тут, быстро встала и поправила постель. Но ведь еще надо выйти... А незаметно улизнуть вряд ли получится.

Глубоко вздохнув, открыла дверь комнаты и спустилась вниз. Увиденное зрелище заставило остановиться. Ноги чуть не подкосились. И что бы не упасть, схватилась за перила

лестницы.

«Отвернись, отвернись, отвернись...» — шептала сама себе. Но не могла...

Одно дело подумать об этом и совершенно другое — видеть своими глазами. Ян страстно целовал свою спутницу. А я представляла на ее месте себя.

Как же больно...

— Кто это?! — девушка заметила меня.

Ян обернулся.

— Ты еще тут? — на лице недовольство. Конечно, ведь я мешаю.

— Ян? — возмутилась девушка, ее вопрос остался без внимания.

— Это помощница моей мамы.

— Простите, уже уйду. На втором этаже порядок наводила, — сказала первое, что пришло в голову.

На слабых ногах дошла до входной двери. Обулась. Схватила куртку. И быстро покинула квартиру.

Слезы душили меня... И скрывшись в лифте, позволила себе расплакаться. Напротив меня зеркало, оно отражает больше, чем хочется. Там была правда, моя правда.

«Где я и где он, кто я и кто он» — смотрела на себя и все понимала.

«Ты просто очередная благотворительность» — очнулся голосок внутри и травит своим ядом.

«Он проявил внимание и заботу, а ты растаяла и на что-то рассчитывала? Глупая наивность!».

«Да, да... Смотри на себя и запоминай это выражение лица. Ты не нужна ему».

«Видела, какая роскошная девушка была с ним? Вот такие нравятся Яну. А ты... Что ты? Девчонка!»

«Забудь!»

Пришла домой и, не раздеваясь, легла в кровать. Старательно пыталась заснуть, но продолжала видеть ту сцену... Да, мне было неприятно. Гнала все мысли и чувства. И снова мечтала...

Так не должно быть!

Я дала себе обещание: выкинуть его из головы.

Утром я уехала в деревню.

Ощущала себя паршиво. Вспомнилось выражение «на душе кошки скребут» — никогда не понимала глубину этих слов, зато сейчас в полной мере почувствовала... Теперь знаю, какого это — страдать, причем молча и в одиночку. И ведь виновата сама: позволила себе увлечься им. Окрыленная, взлетела вверх, на вышину своих зародившихся чувств и не подумала — подать всегда больно, когда под ногами исчезает опора, а крылья отрезаны ловким движением его величества правдой жизни.

«Наслаждайся» — вмешался внутренний голос, который ненавидела уже. Но заткнуть не получалось. Он жил своей жизнью. А другая часть меня опять лезла с мечтами о несбыточном и запрещенном... Будто на куски разорвали — именно такое определение лучше всего характеризует мое состояние...

Вставив наушники и включив громче музыку, пыталась заглушить поток бредовых мыслей. Отвлекалась созерцанием зимнего пейзажа за окном автобуса, прижавшись лбом к прохладному стеклу. В городе такой красоты не увидеть. Раньше рисовала и частенько выезжала на природу в поисках вдохновения, но как папа слег свободного времени не осталось.

«Может, снова начать творить?» — помнится, мои работы хвалили, и все они разошлись по родственникам, друзьям и знакомым. Да, пожалуй, это хорошая идея. Как вернуться: куплю все необходимое. И это отличный способ восстановить душевное равновесие — выгнать кошек, что нагло поселились там и скребутся...

Воодушевленная новой затеей, я представляла, что хочу написать. Так время в пути пролетело незаметно. Выйдя на нужной остановке, добралась до дома папиной сестры.

После обеда, пошла прогуляться, заодно хотела заглянуть к друзьям детства, кто не покинул родные места в поисках лучшей жизни. Раньше я часто тут бывала, особенно летом. Чем мы только не занимались... Веселые были времена...

Когда возвращалась обратно, еще издалека заприметила машину, стоящую возле тетиного дома. Было темно, но в свете одинокого фонаря проглядывались ее очертания. Черный внедорожник. Такой, как у...

Сердце волнительно пустилось вскачь, разрушая ту маленькую стенку, что успела выстроить за сегодняшний день.

Я ускорила. Уверенность, что это Ян только усилилась. Нет у моих родственников знакомых с дорогими машинами, не говоря о них самих (отечественный автопром — предел мечтаний).

Все подтвердилось. Проведя рукой по капоту, сообразила: приехал он совсем недавно — двигатель не успел остыть.

«Что ему надо?» — сомневаюсь, что хочу знать, как и то, сколько информации обо мне ему известно, раз без труда нашел.

Зайдя в дом, я наткнулась на маму. Она поджидала меня.

— К тебе приехали, — торопливо заговорила она.

— Я уже поняла... — намекнула на машину, мимо которой не пройдешь.

— Кто он?

— А Ян разве не представился?

— Ну, так... Сказал, ты работаешь в его доме... И что помогает тебе. Но я не поняла какого рода помощь... Зачем приехал — тоже.

«Благотворительность... Утереть бедняжке сопли — вот, какая помощь...» — впрочем, маме не обязательно это знать.

Я прошла в комнату. Ян сидел в кресле, мило болтал с тетей и ее мужем, попивая чай. Он обернулся. Губы чуть улыбнулись.

— Привет.

— Здравсти... — меня передернуло от этого слова, которое вырвалось само, сказала от злости. — Что ты тут делаешь?

— Выйдем? — Ян поставил чашку на столик, а подойдя ко мне, увлек за собой.

Мы вышли во двор.

Я подняла голову в небо, не желая смотреть на него. Уж лучше звезды разглядывать (в городе их почти не видно, а тут такая возможность).

— Так зачем ты приехал? — повторила вопрос.

— Ты не сказала, что уедешь? — встречный вопрос, да еще с обвинительными нотками.

— Вообще-то сказала. Виолетте Павловне.

— Я твой работодатель, а не она.

— Угу, — я продолжала смотреть на звезды.

— Тина?

— Ммм?

Он подошел ко мне и заглянул сверху, поймав мой взгляд (с моим ростом это не сложно). Отступив на несколько шагов назад, снова поинтересовалась:

— Ты приехал, чтобы это спросить? — его поведение удивляло.

— Я приехал рассказать новости. Твой телефон не отвечает...

«Да, выключила, чтоб никто не беспокоил меня. Особенно, ты» — но молчу, жду, что скажет дальше.

— Я чем-то тебя обидел?

«Обидел? — нет, это неправильная формулировка. Сделал больно — так будет точнее. И поэтому злюсь, причем на саму себя».

— Нет. С какой стати мне обижаться и на что? — нагло вру, но кажется, голос предательски выдает меня. Еще не хватало расплакаться у него на глазах. Не нужна его жалость. Пусть лучше грубит и кричит — это отрезвляет от навязчивых желаний.

Скрипнула дверь. Показалось лицо тети Раи.

— Пойдемте ужинать, пока горячее все.

— Да, спасибо, — тут же ответил Ян.

— Ты сядешь за один стол с моими родственниками? — лично я рассчитывала, что он уедет, как только поведаст свои новости.

— Тебя что-то не устраивает? Ты против?

— Нет... — Представив Яна и всех нас, подумала, что не вписывается он в эту компанию. Антураж не тот. Ему бы ресторан, да рядом шикарную даму.

— Вот и замечательно. Есть хочется. Пошли.

— Еда самая простая, — все-таки добавила я, высказывая свои сомнения.

— Я не гурман.

«Ну-ну, а еду из ресторана заказываешь...»

Конечно, Ян стал объектом внимания во время ужина. Мама и тетя активно

интересовались им, а дядя пытался зазвать на рыбалку, рассказывая свои бесконечные истории. И даже успел затопить баню.

Меня начала раздражать эта семейная идиллия. Хотела встать, но Ян остановил, положив свою руку на мою. От этого простого жеста меня бросило в жар.

— Я же так и не сказал, — обратился он ко мне. — Что бы в институте не возникло проблем на время отсутствия, ведь ты никого не предупредила там и заявлений не писала, договорился со знакомым врачом, выпишет справку, послезавтра он ждет тебя.

В очередной раз поразила, что он слишком много знает и лезет не в свое дело. Делает, как пожелает, не спросив чужого мнения... Поэтому киваю в ответ, соглашаясь. Я ведь действительно не подумал об этом.

«Ах, да, благотворительность...».

— Ян, постелю вам на диване, — с этими словами тетя вышла из кухни.

— Что? — посмотрела на него. — Ты же не собираешься остаться?

— Почему не собираюсь? Именно это планирую сделать. А завтра, после поминок, уедем вместе.

Вот так заявление.

— Дочка, что ты такое говоришь? Как так можно... На ночь глядя... — укоризненно произнесла мама. И стала убирать со стола.

— Баня готова! — крикнул дядя Миша.

Н-да... чудесный вечерок...

Всю ночь я ворочалась. Заснуть не получалось, зная, что через стенку спит моя мечта. И, как мазохист, продолжаю думать о нем.

Не выдерживаю и встаю, чтобы выпить воды. Делаю это специально. Ведь зал был проходной комнатой, и я могу посмотреть на него. Задерживаюсь возле дивана. Потом присаживаюсь на самый край.

Яркий свет луны падает на его лицо, обнажая, делая каким-то незащитным, нежным, лишая властных черт и внешней холодности... Я даже завидую ей — у нее есть возможность прикоснуться.

Тут он шевелится и отворачивается, будто чувствует пристальный взгляд, а может свет мешает. Подхожу к окну и тихо задергиваю шторы. И снова даю себе мысленный пинок убраться отсюда.

После посещения кладбища и поминок, мы уехали.

Мама осталась в деревне, сказала, что хочет пожить там немного. Так даже лучше, ей не дадут скучать и впадать в уныние. Это я люблю страдать в одиночку...

Добираться до города около двух часов. И это время я планировала провести в молчании, думая о будущих картинах, но разве кто-нибудь спросит, чего мне хочется.

— Ты похожа на отца, — прервал мои мысли Ян.

— Да...

— Те же серо-зеленые глаза.

«И когда он успел разглядеть?» — обычно никто не замечает оттенок зеленого в моих глазах.

— В какое время мне надо быть у врача? — игнорирую комментарий про цвет, не хочу развивать в себе ненужные эмоции.

— В любое, до шести вечера.

— Хорошо... — обняла себя руками, отчего-то было холодно, хотя в машине достаточно

тепло.

— Замерзла? — замечает Ян.

— Не так что бы...

— В бардачке есть фляжка с коньяком. Можешь выпить немного, разогнать кровь, — смеется.

— Мне нельзя.

— Почему?

— Непереносимость алкоголя.

— Поэтому на поминках не пригубила даже?

— Да. Буквально несколько глотков, а ощущения: словно целую бутылку выпила.

Становится плохо, кожа покрывается пятнами и зудит... Теряю контроль... Мне не потребовалось много времени, чтобы понять причину такой реакции. Попробовала раз, два, три и быстро расхотелось издеваться над собой.

— Никогда не встречал подобного, хотя слышал.

— Здоровее буду.

— Послезавтра Гена заберет тебя после учебы.

— Конечно...

Неделя пролетела быстро. В субботу однокурсники собирались отметить выход на преддипломную практику, хотя я сомневалась в нужности этого мероприятия. И, тем не менее, согласилась на уговоры, ведь увидимся мы через три месяца.

Я заказала себе два безалкогольных мохито. Большинство знали, что не пью и уже привыкли к этой моей особенности. Зато остальные успели порядком опьянеть. От таких мероприятий я быстро устаю. Общение постепенно перетекает в бессмысленную болтовню. И связь теряется.

Планировала уже слинять незаметно. Но тут нашу компанию пополнили парни с параллельного курса. Один из них подсел вплотную ко мне, по-хозяйски закинув руку на спинку дивана.

— Тина... — дыхнул перегаром Артем, я отвернулась от тошнотворного запаха. — Поймать в институте тебя непросто.

— Зачем ловить? — не нравилось мне, куда он клонит. Раньше, еще на первых курсах, он активно проявлял свое внимание, такая навязчивость раздражала, особенно когда в тысячный раз приходилось объяснять: между нами ничего не будет и зря теряет время. Он отстал, но то ли в шутку, то ли нет, пообещал, что пожалею.

— Ты как будто расцвела... У тебя кто-то есть?

— Тебя это не касается.

— А может сделать, чтоб касалось? — приблизив свое лицо, хотел поцеловать.

— Артем! — я оттолкнула его.

— Ну почему ты такая упрямая...

— Тебе женского внимания не хватает?

Нашу перепалку слушали все сидящие за столом. Бесплатный концерт по заявкам...

— Хватает. А я хочу твоего внимания.

Артем неплохой парень, но очень уж избалован родительскими деньгами, своей популярностью у противоположного пола и ощущением вседозволенности. Не мой человек.

— Ты пьян...

— Я пьян от твоего присутствия, — не успокаивался он.

— Дай мне выйти.

— Тина, пожалуйста, посиди еще немного. Обещаю не приставать, — тут же сменил тон. Но что-то в его взгляде мне не понравилось — какой-то хищный блеск...

— Мне нужно в туалет. Пропусти.

— Но ты вернешься? — ухватил меня за руку и улыбнулся, обнажая свои белоснежные тридцать два... — Или могу проводить...

— Тина, правда, полчаса и вместе пойдем, нам ведь по пути, — вмешалась моя однокурсница Таня, а глазами показала на Артема, ведь если сейчас уйду, то он потеряет всякий интерес быть тут. Зачем только ей парень, которому не нужна. Глупые надежды и ожидания...

Тут же проснулся голосок внутри и напомнил, что сама в такой же ситуации. Грежу о несбыточном. Хотя должна забыть. Навсегда.

— Хорошо, — все же согласилась я, давая Тане маленький шанс быть замеченной объектом симпатии.

Вернувшись, не обнаружила однокурсницу за столом, а большая часть компании танцевала. Тут сидело двое. От меня не ускользнуло их поведение. Заметила такую странную картину: Артем пересел и о чем-то перешептывался со своим другом, при этом косился на меня, вел себя подозрительно.

Не желая вникать в это, потянулась к своему коктейлю и глотнула... Горькая жидкость обожгла горло. Сразу поняла, что там водка. И кто подлил ее в мой напиток — тоже нет сомнений.

Насмешливый взгляд Артема сосредоточился на моем лице. И злорадно говорил: «я же обещал, что ты пожалеешь?».

Я схватилась за край стола, чувствуя, как голова поплыла в безумном вальсе, дыхание перехватило, а по телу пробежала волна жара, словно окатили горячей водой... Реакция организма была мгновенной, уже забыла это мерзкое ощущение.

Артем снова подсел ко мне, захватывая в кольцо своих рук. Вырваться, оттолкнуть или уйти — не в состоянии. Еще немного и я стану похожа на безвольное существо. Если мне никто не поможет, отключусь прямо тут.

— Ну что, сейчас ты будешь сговорчивее? — изощренный способ он выбрал для соблазнения.

Ничего не ответила. Прикрыв глаза, пыталась контролировать себя, но продолжала слабеть с каждой минутой. В следующий момент его губы накрыли мой рот. Стало противно и тошно вдвойне. Промычала что-то несвязное в попытке привлечь внимание. Услышал и отстранился. И, кажется, сам не ожидал такой реакции.

— Черт... — выругался он, похлопал меня по лицу и выпустил из объятий.

Опустила голову на стол, подложив руки. «Мне надо домой».

Рядом послышалась возня... Кто-то из однокурсников подошел...

— Тём, ты дурак, совсем мозги пропил? Ты нахрена ее напоил?! С такими вещами не шутят.

— Эй, Тина, — не разберу, чей голос, — телефон в сумке?

Не могу ответить, язык, словно онемел, поэтому опять мычу. Главное, не терять связь с реальностью.

— Кому позвонить? Кто тебя может забрать? — меня тормошили за плечо.

«Ну вот, сразу желающие закончились доставить домой».

— Я отвезу, — это точно Артем.

«Только не он!» — хотелось кричать.

— Ага, еще что-нибудь вытворишь в духе альфа-самца?! — голос кого-то из однокурсниц. — Тина, кому звонить?

В моих мыслях только Ян. Больше некому. Но станет ли он возиться со мной?

— Я...н... — тихо говорю, в надежде, что они поймут. В списке вызовов его номер последний.

Через некоторое время, где-то на задворках сознания, слышу громкую матерную ругань. Суть не улавливаю, но становится спокойнее от звучания знакомого голоса.

Чувствую, как меня бережно берут на руки, прижимая к груди. Куда-то несут. Мне уже все равно, я просто отключаюсь...

Пробуждение выдалось на редкость отвратительным. Я открывала на несколько секунд глаза и проваливалась в сон снова — меня засасывало, как в бездну, где кроме темноты ничего нет...

Очередная попытка увенчалась успехом.

Голова безбожно болела. И неважно, что во мне оказался лишь глоток алкоголя, похмелье самое привычное для многих, кто перебрал с выпивкой... А я вовсе не дружу с этим. В животе еще поселились неприятные ощущения, одновременно граничащие с тошнотой и необходимостью поесть.

Комнату узнала сразу. Я находилась в квартире Яна.

«Все-таки он забрал меня» — облегченно вздохнула. Но тут же стало неудобно, что его потревожили. А благотворительность не может длиться вечно.

«Надо уходить. Лучше по-английски... Поблагодарю потом».

Резко села. И сразу пожалела, рухнув обратно на подушку. Боль в висках усилилась. Я тихо застонала, сворачиваясь в позу эмбриона. Но помня о том, что мне стоит покинуть его квартиру, аккуратно, без лишних движений, встала.

Оказалось: одежды на мне нет, только нижнее белье... Задвинув стыд на задний план, что кое-кто раздевал меня, огляделась в поисках вещей. Они лежали на стуле. Пожалела, что не джинсах ходила в бар, сейчас в них было бы комфортнее. Короткая обтягивающая юбка только доставляла неудобств.

Я оделась и вышла из комнаты, медленно спускаясь по лестнице.

Ноги дрожали... Сердце учащенно билось... Тошнота подкатывала... Голова кружилась... А перед глазами все расплывалось... Так плохо мне не было никогда.

Опираясь на перила, а потом стены и мебель, дошла до прихожей. Из зеркала на меня взглянула помятая, лохматая и не очень привлекательная девушка, будто трактор переехал...

«Хватит пялиться на себя! Пора уходить» — шепнул голосок.

Но возникла другая проблема: обуви нигде не было, верхней одежды и сумочки тоже...

«Что же делать? Сколько вообще времени?».

Обернувшись, испугано подскочила. И причина тому — Ян. Он стоял, привалившись плечом к дверному косяку, и наблюдал за мной. Видимо, ждал, пока замечу.

— Далеко собралась? — недовольным тоном сказал он.

— Э...э... — неуверенно пожала плечами.

— В постель. Быстро.

— Мне домой надо.

— Не надо. Я тебя не отпускал.

— Ты не можешь держать меня насильно, — поразила его наглости.

— Хм... Насильно... — повторил за мной, эффектно изогнув бровь. — Это мысль.

— Что? — я отступила на несколько шагов, пока не ощутила спиной входную дверь.

Мне не понравилась решимость, которая отразилась в его льдистых глазах. Он тут же стал приближаться. Я ощутила себя жертвой, загнанной в угол, под грозным взглядом палача. Рядом с ним никогда не будет выбора, он так привык, по-другому не умеет...

— Боишься меня? — Ян уперся руками по обе стороны от моего лица, потом нагнулся и прошептал прямо в ухо. От его дыхания по телу пробежали мурашки. Видит ведь, как влияет

на меня. Все настолько очевидно.

— Нет... — тихим голосом отвечаю. Скорее: опасаясь, не зная, чего ждать от него.

— Нет? — его рука обхватывает мой подбородок, заставляя смотреть в глаза. —

Маленькая врушка.

— Я не маленькая...

— Серьезно? — загадочно улыбается, блуждая взглядом по моему лицу. А в следующую секунду проводит большим пальцем по губам, вызывая трепетное волнение. — Не маленькая, но все же врушка...

— Перестань это делать, — прошу или умоляю, даже не знаю, какое из определений лучше подходит в данной ситуации. Не могу отделаться от мыслей, будто он играет со мной. И, да, от его близости схожу с ума. Даже забыла о плохом самочувствии.

— Что именно? — делает вид, что не понял.

— Издеваться надо мной, — смело озвучиваю.

— Что угодно, Тина, но издеваться — никогда... — Ян отступает, освобождая проход. — Теперь: марш в постель. Все равно без меня не сможешь выйти. Отпущу, когда сочту нужным. Помни, я...

— ...не обсуждаешь своих решений... — перебиваю, обреченно вздохнув, заканчиваю за него фразу и плетусь обратно в комнату.

А в спину слышится сдавленный смешок.

Оказывается, я собиралась сбежать глубокой ночью. И что, спрашивается, стала бы делать на улице в такое время...

«Одна непутевая девчонка» — так меня однажды назвал Ян. Точнее не придумаешь. На удивление уснула довольно быстро.

Когда день был в самом разгаре, лениво открыла глаза. Вместе со мной проснулся желудок и активно требовал еды — хороший знак. Впрочем, головной боли тоже не было. Осталось освежиться и привести себя в нормальный вид.

Вылезла из постели. Натянула одежду. И собравшись с мыслями, вышла. Морально готовилась к расспросам с пристрастием...

В ванной комнате на втором этаже слышался шум воды. Фантазия сразу подкинула картинку, как он стоит обнаженный, намывает свое тело, касаясь руками... Вода ласкает его кожу...

«Ууу... Идиотка! Брысь отсюда. Ты же собиралась выкинуть глупые мечты? Думаешь, вчерашнее что-то значит?» — напомнил о себе голосок.

«И тебе привет. Соскучилась до невозможности» — ответила ему. У меня так скоро раздвоение личности начнется от подобных бесед.

«А может, уже?» — начал, было, он...

«Заткнись!» — оборвала любые попытки развить мыслительный сценарий.

Окончательно разозлившись на себя, спустилась вниз и решила воспользоваться свободной ванной. Тщательно смыла остатки макияжа, почистила зубы пальцем, выдавив на него пасту, и воспользовалась найденным ополаскивателем для полости рта.

«Лучше чем ничего...» — констатировала я, глядя на себя.

А сейчас пора заняться завтраком для хозяина этого гостеприимного дома.

— Яичница, бекон, тосты, брусничный джем и кофе... Ты советовалась с моей мамой? Она сдала меня с потрохами, и теперь ты знаешь рецепт моего идеального утра, — Ян, как всегда, любит подкрадываться неожиданно. Настроение у него явно хорошее.

Улыбаюсь в ответ и рада, что не дергаюсь испуганно при его появлении. Это входит в привычку. Могу поспорить, он рассчитывал на эффектное появление.

— Привет, — говорю и ставлю перед ним тарелку. — Уже обед. А сдал тебя холодильник, в нем несколько упаковок яиц и бекона. Брусничный джем добавила от себя — сама люблю. И это самая быстрая еда, на которую способна сейчас.

— Вижу: неплохо себя чувствуешь. Мне нравится твой настрой, чего не сказать о вчерашнем вечере или когда собиралась сбежать ночью. Кстати, об этом...

— Началось... — вздыхаю я.

— Я не начинал еще... Только поверхностно разобрался с тем придурком, — на этой фразе он сжал кулак до хруста. На костяшках пальцев виднелись красные следы.

— Что ты ему сделал?

— Беспокоишься о горе-ухажере?

— Нет, мне все равно, — честно ответила я. Наверное, Артем заслужил. Очень неудачно он решил проверить мою непереносимость алкоголя в действии, рассчитывая, что стану вести себя доступно и распушенно...

— В следующий раз будь внимательней, если рядом окажется тип с грязными замыслами. Я ведь могу не успеть...

«Он, что, планирует всегда меня спасать?» — это, как минимум, странно и неожиданно звучит.

— Чувствую себя ребенком... Следующего раза не будет... папочка... — на слове «папочка» я сделала акцент, намекая, что им он не является, и не стоит так опекать.

— Не язви, тебе не идет, — Ян покачал головой. — Ладно, сделаю вид, что поверил. Должна будешь...

— Должна?

— А ты хотела бесплатно отделаться? Не дождешься. Будешь развлекать меня сегодня — это твоя плата.

— Развлекать? В каком смысле?

— Хватит удивляться и задавать ненужные вопросы. Сказал же: отпущу, когда захочу.

«Теперь я в рабстве... И придется вымалывать вольную...» — но лучше промолчу, чтобы не нарваться на его комментарии.

— Мне надо в душ...

— Иди.

— И еще...

Хотела добавить, что мне необходимо переодеться во что-то удобное и практичное, конечно, если «развлекать» не подразумевает смотреть на мои мучения, а узкая юбка порядком надоела.

Договорить не успела. В кармане у него зазвонил телефон. Нахмурившись, он явно не желал говорить, и все же ответил:

— Да... Привет... Нормально... Ты как?

Я решила уйти и не мешать, но Ян перегородил мне дорогу, ухватив за плечо, а пальцем стал выводить невидимый узор на моей шее, что только раздражает сейчас. Зачем он заставляет слушать этот разговор? Судя по голосу, доносившему из трубки, звонила девушка.

Он продолжал беседу, не обращая внимания на мои попытки скинуть ладонь, настолько сильно вцепился и держит. Поэтому ничего не оставалось, как скрестить руки на груди и ждать, когда закончится эта бессмыслица.

— Лера, я занят сегодня... Нет... Когда... Хм... Сам позвоню... Извини, некогда... Пока...

И отключился. Следом пришло сообщение, которое даже не открыл. Просто убрал телефон обратно в карман джинсов.

— Не прочитаешь?

— Нет.

— Если ты меняешь планы из-за меня, то не стоит...

— Не преувеличивай свою значимость... Мы всего лишь погуляем.

«Да, знаю, что я — благотворительность для тебя и не более...».

Схватив меня за руку, потащил на второй этаж. Мы зашли в его спальню. На комод лежал пакет из магазина одежды с известным названием, который мне и протянул.

— Что это?

— Посмотри.

Там оказались черные джинсы, кашемировый свитер терракотового цвета, носки и кружевное нижнее белье...

— Я заказал утром для тебя в инренет-магазине. Надеюсь, подойдет.

Достав трусики, с сомнением посмотрела на них. Никогда не носила столь сексуально-откровенного белья.

— Не такие милые, как твои... И без рисунка с котятками... — усмехнулся Ян, а в глазах плясали бесенята, они словно говорили: «покажешь для сравнения, как новые будут сидеть». Или это моя фантазия опять разыгралась...

О, Боже...

Я готова была провалиться сквозь землю от стыда. Выдавив из себя улыбку, пошла в ванную. И только стоя под струями воды, смогла остыть.

Что он творит со мной...

Четких планов у Яна не было на день. Ему просто хотелось провести время, как это делает большинство людей. Я предложила стандартную схему для бюджетных отдыхающих, и начать с кино. Возражений не последовало. Он позволил решать самой!

Правда полсеанса я проспала, удобно устроившись на его плече. Ну не люблю боевики, о чем запоздало сказала. Ведь сегодня всё, как хочет он. Кстати, заплатила за билеты сама. Ян долго сопротивлялся, но в итоге согласился. Даже попкорн купила для него. Столько растерянности его лицо никогда не отражало. До чего ж приятно, оказалось, ставить в неудобное положение человека, привыкшего верховодить везде.

Когда Ян поинтересовался моими желаниями, я попросила отвезти в специализированный магазин, где продается все для рисования, он немало удивился и поинтересовался этой стороной моей жизни (хоть что-то он не успел узнать обо мне из своих надежных источников). Пришлось пообещать в подарок картину, но говорить, что хочу: попробовать написать его портрет — не стала. Придется еще уговаривать. И самой потренироваться не мешает, вспомнить — каково это держать карандаш и кисти в руках... Хотя важнее, чтобы модель согласился позировать.

Ян предложил поужинать.

И, признаться, была голодна, вот только хотелось не ресторанных изысков, а съесть бургер, картошку-фри и все запить ледяной колой... На что мне сразу сказали: «даже не мечтай, я не стану есть эту гадость, а ты тем более».

Лимит поблажек в принятии решений исчерпан. Не сомневалась, что так и будет.

Поэтому сидим в кафе, как сказал Ян, одно из его любимых.

— Станный все-таки выбор — учиться на юридическом факультете, — в который раз сказал он, — если у тебя за плечами художественная школа, и хорошо рисуешь, то почему не архитектор или дизайнер?

— Папа был практичным человеком, а я имела склонность слушать его. Он убедил, что получить специальность, с которой не пропадешь лучше, чем «спиться в поисках вдохновения или отсутствия работы» — почти цитата.

— Спиться тебе не грозит... А завтра, значит, практика?

— Да, вчера именно это отмечали.

— Твои однокурсники были очень откровенны и поведали все подробности...

Я потупила взгляд. Вспоминать не хотелось.

— Получишь ты диплом через несколько месяцев. Что дальше?

— Честно, не знаю. Не мое это...

— Если понравятся твои картины, то могу организовать выставку.

— Ох... Так неожиданно...

— Зато заниматься будешь любимым делом. Подумай об этом, времени достаточно.

«Мне не надо думать...»

Я не успела озвучить свою мысль.

Возле нас стояла девушка. Та самая, что была в квартире Яна. Впрочем, она тоже, кажется, узнала меня.

— Ян? — она уперлась руками в бока. — Потрудись объяснить!

— Только давай без истерик на публику, ладно? — спокойным голосом ответил он и встал из-за стола.

— Вчера ты отменяешь встречу, ссылаясь на важные дела, сегодня игнорируешь меня, а сам развлекаешься в обществе служанки?! С каких пор тебя потянуло на низкий сорт?!

— Ну, все!

Он хватает девушку под локоть и уводит куда-то. Растерянно смотрю им вслед.

Его нет десять минут, двадцать, полчаса...

За это время я успеваю обдумать многое, некоторым вещам не могу найти объяснений, поведение Яна нелогично. Выходит вчера, он поменял свидание с ней, на возню со мной, а сегодняшней день захотел опять-таки провести в моей компании...

«Если человек безразличен, то встреч с ним не ищут... Или не так?» — я запугалась. И голосок молчит и не лезет со своими дурацкими советами, даже у него нет вариантов.

Хотя и без посторонних мнений накручиваю себя со скоростью света: вижу картины долгих объяснений, признаний, а в довершении — сцены жаркого примирения в туалетной комнате или машине.

«Нет! Я не буду его ждать, как верная собака своего хозяина».

Встаю и быстро ухожу.

Погода отличная. Потеплело. И я решаю пройтись пешком какое-то время. Снег падает крупными хлопьями, липнет на волосы и ресницы. Шапку забыла в машине Яна, но ее отсутствие сейчас не волновало.

Телефон надрывается, не прекращаясь... Это звонит он. После очередного звонка

— выключаю полностью. Снова погружаюсь в свои нерадостные мысли.

«Ну, почему я такая беспробудная дура, когда дело касается чувств? Неужели, всерьез полагала, что наши отношения могут быть другими? И все, что он делает абсолютно

искренне с его стороны, а не благотворительность».

Не верю в сказки. Наелась ими в детстве. Реальность всегда сложнее. Принц не женится на Золушке. Правда жизни побеждает опять... И так всегда. Перед лицом судьбы мы бессильны.

Сколько бродила по улицам? — не знаю. Завернув в родимый двор, замерла. Возле дома стоял внедорожник Мацейчука...

Я и не рассчитывала на спокойное завершение дня.

Спрятаться и дожидаться, пока уедет? Нет, не выйдет...

Во-первых — это глупо, он меня уже заметил, вышел из машины и хмуро смотрит, ждет, когда подойду; во-вторых — устала; и, в-третьих — не хочу бегать от него.

— Нагулялась? Садись, — приказывает, не просит и не предлагает, а именно приказывает. Он зол и не пытается этого скрыть.

— Отпусти меня... — не знаю точно, что больше стоит за этими словами: желание избавиться от болезненных чувств навсегда или намек, чтобы не отпускал никогда.

— Я с тобой еще не закончил...

Подходит очень близко, одной рукой обхватывает мою талию, а второй — сжимает затылок.

Упираюсь в его грудь, не понимая столь резкой перемены.

Смотрю в глаза. Они похожи на растаявший лед. Там плещутся противоречивые эмоции: гнев и радость, уверенность и тревога, жестокость и нежность...

Ян прижимает к своей груди, облегченно выдыхает, согревая своим дыханием замершие щеки.

«Неужели, волновался?» — пролетает запоздалая мысль.

— Девчонка ты, глупая девчонка...

Ласково шепчет и целует в висок.

Целует в висок...

...А так хочется, чтобы его губы продолжили путешествие вниз, прикоснулись настоящим поцелуем, но Ян отстраняется и ведет меня к машине. Заботливо пристегивает ремнем безопасности, при этом избегает смотреть в глаза. Пытаюсь поймать его взгляд — мне так нужно видеть, что не обманываюсь. И подаренная надежда не растворится в запоздалых сожалениях...

Все равно не знаю, как реагировать на произошедшее только что между нами. Хочу спросить, но боюсь испортить, услышав что-то вроде: «я просто проявил элементарное внимание, не выдумывай лишнего». А если промолчать — буду страдать от неизвестности.

Откидываюсь головой на спинку сидения, мучительно прикрыв глаза. Веду внутреннюю борьбу с собой: то подталкиваю себя заговорить, то задвигаю все мысли назад...

Чувствую: если это затяжное тягостное молчание не прекратится, то расплачусь. В какой-то момент думаю, что лучше бы он не приезжал, не обнимал, не наводил сомнения своей жестокой нежностью... Другого сравнения не найти...

— Ян? — не выдерживаю.

— Не надо... — звучит в ответ.

И молчание продолжается.

«Что творится в его голове? Что чувствует? Что все это значит?!» — не могу, не могу, не могу... Хочется выть и биться о стену, за которой он прячется, чтобы услышал, чтобы не наказывал убивающей тишиной...

— Останови машину, — неуверенно прошу, заранее зная, что откажет. Голос предательски дрожит. Я начинаю ненавидеть себя за слабость, которой наградила меня любовь, и желание получить кусочек его тепла.

— Нет, — говорит спокойно.

Отворачиваюсь к окну и вижу, что скоро окажемся возле его дома, а потом в квартире... Но как мне выдержать?! С силой сжимаю кулаки, впиваясь до боли ногтями в кожу.

Ян заезжает в подземный гараж. Паркуется на личном месте. Идем к лифту. Заходим. Начинаем подниматься. Поворачиваюсь к нему спиной (раз уж меня игнорируют) и жду нужного этажа, следя за цифрами. Хочется сбежать, но понимаю, насколько это бессмысленно: найдет, вернет, посадит под замок и будет медленно, с наслаждением, наказывать... О чем я?! Чертова фантазия!

Зачем тогда нужна ему?

Бегло оборачиваюсь. Ловлю его пристальный прожигающий насквозь взгляд, отчего бросает в жар и учащается дыхание. Нервно сглатываю и с трудом отворачиваюсь.

Мое состояние для него не секрет. И изощренная пытка продолжается...

Ян приближается сзади. Воздух вокруг нас моментально электризуется. Он касается моей ладони, поглаживая ее изнутри. Всего лишь невинная ласка, но этого достаточно, чтобы потерять голову. Прислоняюсь затылком к его груди. Свободной рукой он гладит мои волосы. Потом собирает их в пучок и тянет на себя, заставляя выгнуться. Проводит щекой по шее, царапая кожу отросшей щетиной. Громко вдыхает мой аромат. И тут же отпускает, полностью разорвав контакт...

Я покачнулась вперед, чуть не потеряв опору.

Мы едем не больше минуты, но, кажется, она длится вечность — потеряла счет времени. Не хочу, чтобы это заканчивалось.

Двери лифта разъезжаются, выпуская нас из сладкого плена. Ян переплетает свои пальцы с моими, и ведет за собой. Быстро открывает квартиру. Бросает в мою сторону короткий взгляд и уходит наверх.

Меня накрывает разочарование. Разве можно делать вид, будто ничего нет? Игнорировать очевидное... То притяжение, что есть между нами...

Иду на кухню. Наливаю воды. Делаю небольшой глоток. В голове прокручиваю последние кадры. И решаюсь на откровенный разговор. Пусть молчит, если ему угодно, пусть кричит, но я так не могу. Хуже уже не будет...

Внезапно включается свет. Я вздрагиваю, и стакан выскальзывает из рук, разбиваясь на мелкие кусочки... Взволнованно смотрю на вошедшего Яна, он на меня. Терзаем друг друга взглядом.

Понять его мысли сложно...

Опускаю глаза на пол, вспоминая про битое стекло. Собираюсь убрать. Направляюсь в хозяйственную комнатку. Прохожу мимо Яна, задевая плечом. Он резко хватает за локоть. Прижимает своим телом к стене, обняв мое лицо ладонями. И начинает говорить, убивая мечты...

— Не так быстро... — его голос звучит хрипло. — Тина... Сделай правильные выводы из того, что услышишь... Я не тот, кто нужен тебе. Сломаю, переступлю и не замечу... Ты поймешь со временем, будешь страдать от душевной боли и проклинать день, когда встретила меня. Я не умею любить... Слышишь? — он трясет меня, видя шок в моих глазах. — Хочу, чтобы ты знала это, прежде чем согласишься на близость со мной. Только секс и всё... Никаких совместных планов на будущее, ничего личного... И как долго продлится эта связь, обещать не могу. Понимаешь?

Слабо киваю головой. Хочу кричать ему в лицо, что не верю, что он прячется за маской притворства, что видела его настоящим, а сейчас словно боится признаться самому себе, но не могу отойти от потрясения. Это какой-то бред...

— Проблема в том... — продолжает он и грустно вздыхает. — Проблема в том, что других отношений, кроме как серьезных, ты не заслуживаешь. Но я не смогу это дать. А теперь скажи мне, только честно, хочешь видеть рядом такого, как я — эгоиста и циника?

Я знаю лишь один ответ — этот факт уже не изменить.

Убираю его руки от себя. Иду к лестнице, чувствуя, как слезы текут...

Поднимаюсь на несколько ступенек, и, не оглядываясь, говорю:

— Я... просто... люблю тебя, Ян...

— Тина!

Он срывается на мат... Уходит... Его гневная тирада отражается от стен и ударяет в спину невидимым хлыстом. Слышу, как на кухне что-то летит на пол и звонко бьется.

Затыкаю уши. Быстро скрываюсь в комнате. Поворачиваю ключ в замке, падаю на кровать и, не стесняясь эмоций, плачу навзрыд. Больше всего хочется, чтобы он пришел, выбил дверь ногой, обнял и сказал, что все не правда...

И да, Ян, как всегда прав, мне уже больно...

Сон не принес облегчения.

Чувствую себя разбитой, обессиленной, опустошенной...

Первый день практики решаю пропустить. Не в состоянии даже подняться с постели. И,

кажется, все равно проспала. Впрочем, плевать... Хотя в любом случае надо вставать и уходить отсюда. Держать он не станет. А после того, как карты раскрыты в этом нет больше смысла.

Прислушиваюсь к звукам в квартире. Тихо. Похоже, я одна. Сейчас это угнетает. Несмотря на просторное помещение, стены давят, а воздух тяжелый, удушливый, словно пропитан ядом — он забирается внутрь и травит, травит, травит...

«Почему любить — больно? Или это я такая невезучая?» — вспоминаю вчерашний день и отказываюсь верить. Но как же глупо...

Не желая впасть в уныние, встаю и плетусь на кухню. Там царит полнейший бардак. К моему разбитому стакану, добавилось почти все, что стояло в открытом доступе. Откуда столько злости, если ему нет до меня никакого дела?

«Ах, ну да, это просто желание получить новую игрушку, чтобы потом забросить в чулан, как только та надоест» — он же ясно дал понять, в какой роли меня видит. И я согласилась бы, в надежде, что со мной все будет по-другому. Но чудес не бывает... Пронесся бы огненным смерчем, а после него — только выжженная земля и пустота...

Все его слова — попытка достучаться до меня, остановить от неминуемой ошибки, уберечь сердце и душу...

«Беги, пока не поздно!» — кричали глаза Яна.

— Спасибо за правду... — тихо говорю вслух. Иду за веником с совком и начинаю убирать.

Гена забрал меня от здания суда, где должна отрабатывать практику. Приехала сюда специально. Не хочу лишних вопросов, поэтому вру, что все хорошо. Делаю усталый вид и даже сплю немного по пути.

Весь оставшийся день я провела в поселке. Работу никто не отменял. И это лучший способ не думать о глупостях. Виолетта Павловна тоже положительно влияет на меня, отвлекает неспешными разговорами за чаем, когда все сделано.

— Я вот, что хотела спросить, — она поймала мой задумчивый взгляд. — Не знаю, согласишься ли... Но у Яна совершенно нет времени...

Упоминание о нем отозвалось внутри ноющей болью.

— Что-то хотели? — уточняю из вежливости и уважения к этой женщине, если речь пойдет о Яне, то откажу, как бы хорошо не относилась к ней.

— Да. Хочу уехать на пару недель — навестить дочку, она учится в Лондоне, как ты знаешь... но...

— Но, что? — Ох уж это «но». Жду следующий вопрос.

— Ты могла бы пожить это время тут? Мои многочисленные цветы и растения требуют каждодневного ухода. Никому не могу доверить, а у тебя рука легкая... Попрошу сына увеличить жалование. Гена будет всегда на месте, отвезет и привезет куда надо, я же понимаю, что у тебя своя жизнь... Так как?

Ее просьба застала врасплох. Казалось, должна быть только рада дополнительному заработку... Но, но и еще раз но...

— А ваш сын? — мне нужны уточнения, поэтому интересуюсь, если он собирается тоже жить здесь, то сразу «нет». Надеюсь, оценит мои старания по удалению его же «психов» в квартире и необходимости возвращаться в поселок не будет.

— Ян будет в городе, говорит: много дел накопилось. И мои цветы он только погубит... Я рассказала о своих планах — поддержал во всем.

— Когда хотите уехать?

— По возможности, через три дня. Но если честно, билет уже забронирован, — мягко улыбается и ждет мой ответ.

— Виолетта Павловна, я согласна. Можете ни о чем не волноваться.

— Спасибо, милая. Только тебе могу довериться дом.

В ее словах ни капли лести, что приятно. Улыбаюсь в ответ. И невольно сравниваю мать с сыном, настолько разные у них характеры, хотя внешне похожи. Вероятно, Ян, своей жесткостью, пошел в отца, что для мужчины, безусловно, плюс. Но исключения тоже надо делать — чем он пренебрегает...

«А ты тут причем?» — очнулся мой вредный приятель.

«Все верно, не причем. Сегодня не буду с тобой спорить. Скажу больше: как только Виолетта Павловна вернется, подниму разговор об уходе».

Решение, которое пришло само собой и быстро, наверное, самое правильное. В этот момент можно ощутить: как тяжесть проблем спадает с плеч, принося желанное освобождение.

Но это не про меня.

Пытаюсь найти повод передумать и остаться, которого, конечно же, нет и быть не может. Мое желание иногда видеть Яна — не в счет. И стоит ли уточнять, что с того вечера мы не пересекались. Видимо, после признания избегает меня или не дает разувериться в твердости сказанных слов.

Я приехала накануне отъезда Виолетты Павловны. Она провела тщательный ликбез с своих любимцах, показала: где, что и как... А уже утром Гена отвез ее в аэропорт. Меня же подкинул на практику.

День обещал быть насыщенным и продуктивным.

Старалась вникать во все, но мне совершенно не нравилось то, чем нагружали. Если раньше была тень сомнения, то сейчас она развеялась. Ради памяти отца, я получу этот диплом. И займусь творчеством. Жалко только, что все принадлежности остались в машине Яна. Мы просто забыли о них. Хотя все равно не стала бы брать купленное им.

Из принципа.

«Не нужны его поделки...» — неважно насколько благие цели он преследовал.

Поэтому прошу Гену остановиться возле нужного магазина. Покупаю лишь карандаши разных видов и листы для рисования. Столько свободных денег на все не хватит.

Размеренная загородная жизнь в одиночестве длилась недолго...

На следующий день он напомнил о себе.

Я рисовала, устроившись в зимнем саду. Это место в доме нравилось больше всего. Здесь такое разнообразие растений: больших и маленьких, экзотических и привычных глазу, цветущих и нет. И главное, натурщики не против моей компании, молчаливо соглашаясь позировать.

Громкий хлопок дверью известил о его приходе. Не сомневалась ни секунды, кто пришел, хотя ключи, помимо меня, были еще у Гены и охраны поселка. Только Ян мог так заявить о себе.

Собрала спешно рисунки в папку, прижала к груди и сидела, не шелохнувшись. Просто ждала, что будет дальше: поднимется к себе, станет искать меня или сделает вид, будто не существую? Волнение постепенно овладевало мной, а сердце бешено колотилось — казалось, его удары отзываются эхом.

Вот он вваливается в оранжерею. Помятый, с расстегнутой рубашкой, из кармана брюк торчит галстук, волосы взъерошены... В пьяном состоянии... Взгляд фокусирует в моем направлении. Потом ухмыляется. И медленно подходит, не отрывая глаз.

Машинально встаю с небольшого диванчика. Мне сложно понять степень опьянения, так или иначе его присутствие пугает больше, чем находиться в этом доме одной.

Стою и жду. Не делаю резких движений.

Вырывает папку из моих рук, откидывая ее в сторону.

— Ну, что... Рада мне? — голос звучит внятно. Очень рассчитываю, что разум тоже не затуманен алкоголем.

Не знаю, какой ответ ему нужен? Скажу: «да, рада» — разозлится. Скажу: «нет» — разозлится вдвойне и будет доказывать, чтобы стало «да». Неуверенно пожимаю плечами и делаю шаг назад, надеясь, что он не заметит моего желания уйти. Пусть выпится и если захочет — поговорим позже.

Отступаю ещё немного назад и в сторону.

Это движение не остается без внимания.

— Хочешь уйти? — щурит глаза и наступает на меня.

Я же двигаюсь к выходу из зимнего сада, чувствуя себя беспомощной овцой перед голодным волком. Игра приобретает опасные нотки и похожа на охоту. Но не могу сказать, что это странное ощущение мне не нравится, скорее оно волнует, вызывая возбуждение.

— Сделаю кофе? — предлагаю, а вдруг согласится.

— Не хочу, — четко отвечает он, и губы растягиваются в улыбке, напоминающей звериный оскал.

«Я попала!» — смотрю на него и каждой клеточкой тела понимаю, он пойдет до конца.

«Выбор за тобой: остановить меня или поддаться» — говорят его глаза.

«Пожалуйста...» — умоляю взглядом. И не знаю, каких эмоций больше вкладываю: в пользу «да» или «нет».

«Останови меня» — делает шаг в мою сторону.

«Пожалуйста...» — отрицательно мотаю головой.

Прикрывает глаза на секунду, шумно втянув воздух, чтобы тут же сказать вслух:

— Беги!

Срываюсь, воспользовавшись предложенной форой, и бегу в комнату, которую мне любезно выделили. В ушах гул от напряжения, а к горлу подкатил комок...

Позади меня слышится уверенный стук каблуков... и... смех?

Закрываюсь на ключ. Но вряд ли это поможет. Не спасет перед лицом стихии по имени «Ян». В подтверждении мыслей, дверь с грохотом слетает с петель, чуть не задев мое тельце.

— А теперь, ты рада меня видеть?

Неосознанно киваю. По сути, это правда.

Ян сокращает расстояние между нами настолько быстро, что не успеваю отреагировать. Закидывает меня на плечо, крепко обхватывая руками, и куда-то несет.

— Ты ненормальный! — колочу по спине кулаками, но это только больше веселит и провоцирует его.

— Кажется, я предупреждал, что не подарок.

— Ты выпил...

— Совсем немного. Для храбрости...

С этими словами, он пинает еще одну дверь. И вместе со мной падает на кровать. Под

тяжестью его тела, вжимаюсь в матрац. Дыхание перехватывает от нахлынувших ощущений.

Он сжимает мои запястья и заводит руки за голову, полностью меня обездвигив.

— Пусти... — делаю слабую попытку вырваться, но тщетно. Не хочу сопротивляться.

— Тинаааа... — никогда не думала, что мое имя может звучать так красиво... Или таким особенным его делает любимый голос?

— Ян...

— Молчи.

Теплые губы касаются моих страстным жадным поцелуем. И я таю под этим властным натиском, забывая обо всем. Есть только он и я. Остальное — неважно.

Выгибаюсь навстречу, желая обнять, раствориться в нем... Он чувствует меня, понимает... Не переставая целовать, отпускает мои руки, и я сразу зарываюсь ими в его короткие волосы. Тяну на себя, вызывая тихий стон, похожий на рычание, от которого по телу у меня пробегает трепетная дрожь, а низ живота сводит в тянущей томительно-сладкой боли...

Ожидание близости расплывает, я стягиваю рубашку с его плеч... Хочу касаться кожи, узнать каждый участок совершенного тела. Мои руки, с наслаждением, гуляют по нему.

Не узнаю саму себя. Куда делать та стеснительная девчонка? Меня словно подменили.

— Твою ж... — ругательство срывается с губ Яна, когда нежно покусываю ее. — Как я хочу тебя... Но на тебе слишком много одежды...

Он раздевает меня, попутно исследуя тело руками и губами. Извиваюсь от удовольствия и не могу сдержать стон...

Вспоминаю: должна сказать, что никогда еще не... Но Ян поражает своим заботливым отношением, как будто знает этот факт обо мне или чувствует интуитивно... И тихо просит на ухо довериться ему...

...Засыпая в его объятиях, не верила своему маленькому счастью. Пролистывала в голове все события и млела в надежных руках...

Но... Может, показалось, а может, нет — не знаю. Когда погружалась в сон, краем уха услышала, как Ян обреченно вздохнул и прошептал:

— Что же ты натворила, девочка...

— Тина, просыпайся...

Чувствую, как спину покрывает множество порхающих, словно крылья бабочки, поцелуев. А по телу разливается приятная истома.

Просыпаться совсем не хочется. Нежусь еще с полминуты. И лениво открываю глаза. Поворачиваюсь к источнику, дарящему эти невероятно приятные ощущения.

Ян как-то странно смотрит, что я не могу определиться: нравится мне этот взгляд или нет. О чем он думает? По лицу не понятно — опять скрылся за маской, название которой «не лезьте в мою душу и будет вам покой».

Но все же думаю...

Точно! «Затишье перед бурей» — вот, на что это похоже. Но чтобы не накручивать себя раньше времени и без повода — гоню эти мысли сразу прочь.

— Привет... — приподнимаюсь на локтях и трусь носом о его грудь.

— Привет. Надо подниматься, — говорит он, целуя меня в макушку.

— Сегодня суббота... Торопишься? Работа?

— Нет. Хочу использовать день с максимальной отдачей.

— У тебя планы? — аккуратно интересуюсь.

— Не у меня, а у нас, — поправляет мои слова. Потом встает, не стесняясь своей наготы.

Сажусь, сгибая колени и натягивая одеяло чуть ли не до ушей. Смотрю на Яна. Не могу оторвать глаз. Любуюсь его обнаженным телом, над которым, вероятно, регулярно трудится в спортзале. При каждом движении — мышцы перекачиваются под кожей, при этом перекаченным он не выглядит, просто красивый рельеф там, где нужно. Вкупе с платиновой шевелюрой и глазами редкого оттенка голубого цвета — похож на божество, сошедший с небес искушать собой невинных дев.

«И этот мужчина мой... Не отпущу и буду бороться» — Внезапно пронзает мысль, а сердце охватывает нежность. Я твердо решаю ему показать: он достоин любви, в которую почему-то не верит и думает, что не способен на чувства. Буду доказывать день за днем, пока не сдастся окончательно. Все сказанное им тогда — не более чем привычка закрываться от внешнего мира, за этим кроется какая-то тайна... Не мог человек стать таким без всяких причин. Может, бывшая жена виновата? Или все гораздо глубже?

Ян надевает пижамные штаны, стоя ко мне спиной. И не видит, как пристально разглядываю его. Мои щеки покраснели от воспоминаний прошедшей ночи. Она того стоила — ждать до двадцати трех лет, чтобы испытать настоящую феерию эмоций и ощущений.

— Тина, у тебя такой взгляд... — не замечаю, как он поворачивается.

— Что? — выпрямляю спину и не осознанно отпускаю одеяло из рук, оно сползает, обнажая мою грудь.

— Ты так смотришь... — Ян подходит и наклоняет ко мне. — ...будто собралась меня съесть на завтрак.

— Хотелось бы... — вырывается у меня, и тут же прикрываю ладонью рот, понимая, как это звучит.

— Тина... — он убирает мою руку и целует губы быстрым, но смачным поцелуем. Отстраняется. — С поеданиями друг друга придется немного подождать, твоему организму

надо дать время на отдых... от меня...

— Наверное, ты прав... — прислушиваюсь к себе, в теле, действительно, чувствовалась легкая боль, не скажу, что меня это беспокоило, но если он так говорит — то я не против.

— А мне, — добавляет он и проводит рукой по моей щеке, — надо привыкнуть к факту, что обесчестил невинную девушку... Признаться, удивлен... Как будто сам девственности лишился... Ведь для меня это тоже впервые, в моей постели были только опытные женщины. Вот это признание!

Прячу стыдливо лицо в одеяле от столь откровенных разговоров. И думаю, на что отвлекусь... Мысли текут вяло...

«Надо заняться завтраком!» — урчание в животе лишь подтвердило это желание. Вылезаю из постели, позабыв о нагоде, но тут же смущенно прикрываюсь руками.

— Ой...

Ян по-доброму усмехается.

— Никогда... Не закрывайся от меня, — он убирает мои руки, — у тебя красивое тело. — Еще раз целует, проведя ладонью по спине, оставляя дорожку мурашек. — Я в душ. Предложил бы сделать это вместе, да не смогу сдержаться... Воспользуйся другой ванной...

Он скрывается за дверью и вода шумно льется.

«У тебя красивое тело» — крутится в голове его фраза.

«В каком месте?» — хочется спросить, и разглядываю себя в зеркале.

...Невысокая, худенькая, но не костлявая... Небольшая грудь, плоский живот... Слегка выпирающие ребра, что, впрочем, не портит внешний вид... Роскошных изгибов и округлостей, как таковых, нет... Хотя попка мило выделяется...

«И что же из этого великолепия ему нравится?» — продолжаю размышлять. Я-то привыкла к себе. А может, не так и не туда смотрю? Помнится, та девушка, что была с ним, выглядела иначе... Если взять сравнения из сказок, то я Золушка, а она Принцесса...

Вглядываюсь в лицо, в надежде увидеть там ответ: никогда не считала себя красавицей, просто симпатичная, с правильными аккуратными чертами, немного вздернутым носиком, миндалевидным разрезом глаз и пухлым ртом. Вот волосы — моя настоящая гордость! Длинные, густые, темно-каштановые, нетронутые химией...

Заметила еще кое-что: во мне появилась особая женственность, мягкость и плавность движений. Это и есть сексуальность, которая проснулась, наконец. Новая «я» мне определенно нравилась.

А причина тому — моется и, кажется, напевает что-то в душе.

Н-да... Непростая натура... Резкая смена настроения и поведения не перестают меня удивлять. Сначала гонит, потом приходит сам; дает выбор, заранее лишая его; говорит «не умею любить» и тут же делает обратное...

Я уверена, что не безразлична ему. Остается только ждать, поэтому наберусь терпения, и просто позволю быть себе счастливой.

Сколько же времени потребуется, чтобы раскрыть загадку по имени «Ян Мацейчук»?

Выйдя из душа, застала Яна в оранжерее разглядывающего не без интереса мои рисунки. Его лицо менялось, в зависимости от эмоций и мыслей, что пролетали в голове. Наблюдать за ним было приятно. Такой настоящий...

И весь мой!

— Долго будешь подглядывать? — не отрываясь от рисунка, сказал он.

— И все ты видишь... Вроде стою тихо как мышка.

— Когда ты заходишь в помещение, то воздух сразу наполняется сладким цветочным ароматом... Не знаю: шампунь, гель, мыло или духи — чем пользуешься. Поэтому твое приближение или присутствие несложно угадать.

— Ого, вот это обоняние, — подхожу к нему.

Переводит взгляд на меня. Оценивает внешний вид, блуждая глазами по фигуре и лицу.

Я надела клетчатое платье из тонкой шерсти чуть выше колена, собрала волосы в высокий хвост и нанесла легкий, едва заметный макияж. Хотелось выглядеть женственно.

— Знаешь... — Ян притягивает меня к себе, обхватывая за талию. Он сидит на диванчике, поэтому я возвышаюсь над ним. Так необычно смотреть на него сверху вниз. — Твой запах меня сводит с ума...

— Ян...

Вжимается лицом в мой живот и вздыхает.

— Не надо говорить ничего сейчас... Я и так с тобой откровеннее, чем всегда и с кем-либо. Дай мне время. Не торопи... И может смогу стать тем, кто нужен тебе. Может не стоило всего говорить тогда... Только напугал... Не привык обнажать душу... Пока я лишь жалкое подобие достойному тебя.

Ничего себе! Даже не верится. Я не рассчитывала на такое быстрое развитие событий, и не планировала поднимать этот разговор, чтобы не спугнуть, не ставить Яна своими вопросами в трудное положение, ведь он мог не ответить или повторил бы легендарную речь...

Поэтому молчу, как он просит, и не могу сдерживать ликующей улыбки.

Глажу его волосы.

А в голове пульсирует одна мысль: «мой, мой, мой...».

— Расскажешь, куда мы собираемся?

— Да, кстати! — он встал и, удерживая меня за талию, положил папку на диванчик. — С тобой забуду обо всем... Пошли. Поедим в кафе. Не станем терять время. По пути расскажу.

Внедорожник стоял во дворе. Но если он выпил вчера и неважно сколько, то — как приехал? Видимо, мое лицо отразило вопрос настолько явно, а вернее страх за него, что сел в нетрезвом состоянии за руль.

— Каюсь... — говорит он.

— Ты хоть понимаешь, что мог...

— Более чем... Знаю, дурак. Я не собирался приезжать. Вернее, хотел, но находил причины не делать этого. А как выпил — меня понесло...

— Это хорошо, что ничего не случилось... Пообещай...

— Так, хватит, — он открыл дверь машины для меня. — Садись. И не развивай мрачный сюжет в своей прекрасной головке.

— Ян, но...

Приложил палец к моим губам, не желая слышать очевидные слова.

— Обещаю. Довольна?

Оказывается, сегодня вечером было открытие очередного фитнес-клуба в новом торговом центре. И Ян, как владелец этой спортивной сети, конечно, обязан быть там. А до этого надо подготовиться, то есть купить подходящую одежду, которой у меня нет, и навести марфет.

Опять у нас возник спор по поводу еды...

Я предложила для удобства заехать в одно место, где есть множество нужных магазинов и фуд-корт.

— Как это можно есть? — Ян крутил в руках гамбургер, на который уговорила. Потом глотнул кофе: — Отвратительный вкус...

— Привереда... Есть надо: молча и с удовольствием, — откусила кусочек и демонстративно стала жевать, показывая всем видом, что это вполне съедобно. Я сама не часто ем «фаст фуд». Сегодня исключительно из-за нехватки времени.

— Тина, ты нарываешься, когда язвишь.

— И что я сделала такого? — провоцирую его специально. Улыбаясь, беру картошку, макаю в соус и блаженно мычу.

— Молча и с удовольствием, говоришь? — он подсаживается ближе. — Тогда вечером, как вернемся, я, молча и с удовольствием, нарушу твое личное пространство, буду долго-долго наказывать за несдержанный язык... А ты, молча и с удовольствием, извиваться подо мной...

— Почему молча? — уставилась в его наглые игривые глаза.

— Если ты обо мне: «молча» — потому что не спрошу твоего разрешения. Что касается тебя... — он многозначно окинул взглядом. — Свяжу, а в рот засуну кляп... Останется мычать, если захочешь... Хотя у тебя это неплохо получается, — намекает на то, как сейчас ела картофель. — Про удовольствие будешь уточнять?

Я залилась краской от столь эротичного описания. Стало жарко, а дыхание участилось. Могла ли представить когда-нибудь, что услышу подобное? Да еще от него!

Смотрю: еле сдерживается от смеха, прикрываясь рукой.

— Играешь со мной? Так не честно, — я не обижаюсь, просто не могу понять, когда он серьезен, а когда шутит. — И ты сказал, моему организму нужен отдых, — возмутилась для вида, хотя совсем не против его «угроз».

— Поверь мне, Тина, — откидывает мои волосы на спину и шепчет в ухо вкрадчивым голосом. — Все, что я озвучил — не игра, и это далеко не все, что мы сделаем...

— Ох... — вырывается у меня.

Ян приближается и касается губ легким поцелуем.

— А теперь ешь. Я тоже рискну попробовать. Надеюсь, выжить после этого, — кусает бургер и забавно морщится.

«Я люблю тебя» — шепчу ему мысленно. И мечтаю, чтобы он всегда был таким естественным, как сейчас.

Не люблю я все-таки сборище народа...

А тут еще такая публика собралась, которую раньше обслуживала. Теперь почти слилась с ними. Мой наряд полностью отвечает требованиям собравшегося тут общества, вот только внутренне некомфортно и хочется снять с себя эту искусственность, натянуть простые джинсы и майку, а обувь не на таком высоком каблуке.

Ян «оторвался на мне» в магазине, подбирая одежду на свой вкус. И, как сказал сам, платье должно быть таким, чтобы его хотелось снять с меня... «Скрытая сексуальность» — вот название тому, что он выбрал. Длинное платье, из струящейся ткани, нежного кремового цвета, с открытой спиной (именно эта пикантность придавала ему легкую безрассудность).

И все же чувствую себя куклой, на которую все смотрят: мужчины с нескрываемым интересом, а женщины — пренебрежительно, сравнивая с Яном, что так заботливо держит меня за руку. И у всех без исключения читался в глазах немой вопрос «кто с ним?».

— Не дергайся. Расслабься. И больше улыбайся, — говорит он и привлекает к себе, когда звучит приятная медленная композиция.

Шепчемся во время танца:

— Не по мне все это... — начинаю я, оглядываясь по сторонам.

— Поверь, я тоже не в восторге, но без подобных мероприятий никак.

— Все эти люди... Так смотрят...

— Ты тут новое лицо. Завтра еще во всех таблоидах напишут.

— Зря ты взял меня... Всем всё станет известно... о нас...

— Пусть, — одно его уверенное слово и я больше не ощущаю себя лишней на этом празднике жизни. Прижимаюсь. И согласна на все, лишь бы это мгновение не кончалось...

Как по заказу, рядом с нами раздается щелчок и вспышка фотокамеры.

Мы одновременно поворачиваемся в сторону стоящих рядом журналистов.

— Ян Брониславович, позвольте задать вам несколько вопросов? — спрашивает молодой парень и смотрит с надеждой.

— Через пять минут. В моем кабинете, — недовольно отвечает он, уводя меня из танцующей толпы.

Вдоль одной из стен стоят фуршетные столы. Подходим сюда. Ян быстро берет чистую тарелку и накладывает в нее разные закуски. Протягивает мне.

— Поешь пока. Я на полчаса отойду, плюс-минус... Только никуда не уходи... Лучше дать интервью и отвязаться, иначе, эти назойливые мухи не отстанут, — комментирует журналистов.

— Хорошо, — киваю.

Мой ответ вызывает его улыбку.

— Никак не решу, что мне больше нравится, когда язвись или соглашаешься.

Не успеваю ничего сказать, со словами «я быстро» Ян уходит.

Еда кажется безвкусной... Жую и не понимаю, что ем. По правде говоря, не особо голодная. И тарелка оправляется на столик с грязной посудой. А вот пить очень хочется. Тщательно проверяю напитки на столе, чтобы случайно не нарваться на алкоголь. Нахожу клюквенный морс. И с жадностью выпиваю целый стакан.

Мероприятие порядком надоело и хочется уйти. Жду Яна. Надеюсь, он того же мнения. Да и прошло уже пару часов с момента начала.

Почему-то резко разболелся низ живота, и эта боль становится навязчивой — тянет и ноет... Таблеток у меня нет с собой, поэтому приходится терпеть.

Оглядываюсь по сторонам. Замечаю несколько свободных диванов. Иду туда. Сажусь, с наслаждением вытягивая ноги и блаженно прикрыв глаза.

«Какой же садист придумал эту обувь?» — ноги устали от туфель, вернее высоты каблучков.

Не замечаю, в какой момент ко мне подсаживается девушка. И выливает на меня красное вино... Случайно? — Не думаю...

Вскакиваю с дивана, пытаюсь стряхнуть хоть немного жидкости. Но светлая тонкая ткань быстро покрывается бурыми пятнами.

— Упс... Какая я неловкая, — издевательским тоном произносит она, театрально изобразив удивление.

Поднимаю глаза на нее. И узнаю. Администратор из центрального спорткомплекса. А ей-то что надо? Понимаю, нравится начальник, но сильно сомневаюсь, что у них что-то

было... Не похож он на того, кто спит со своими сотрудницами. Только проблем себе наживешь от подобных связей.

«Ну, почему все ревнивые бабы — такие дуры, и похожи друг на друга? Неужели, тоже стану такой, если Ян даст хоть малейший повод...» — нет, не буду думать об этом и портить настроение.

Смотрю на испорченное платье. Потом снова на нее.

— Извини. те... — взгляд насмешливый и злой. — Помочь?

«Хоть бы бокал уронила для вида, было бы правдоподобнее...»

— Справлюсь... — спокойно отвечаю. Она, вероятно, ожидала истерики, слез и моего быстрого ухода.

«Надеялась подобраться к Яну? Не дождется!»

Задеваю ее плечом, специально выбив из рук бокал. Тот звонко разбивается.

С гордо поднятой головой ухожу, направляясь в сторону туалетов. Отправляю Яну сообщение, чтоб не терял. А через некоторое время слышу в коридоре его коронную ругань. И на душе становится так хорошо. Пришел выручать свою непутевую девчонку.

Улыбаюсь, как безумная...

«Мой, мой, мой...» — не перестаю говорить сама себе.

Я стояла возле раковины в тот момент, когда дверь женского туалета открылась, выпуская раздраженного Яна. Он сразу подходит и кладет свои руки мне на плечи. Ловит мой взгляд в зеркале. И выражение лица тут же смягчается, видя, что я в порядке.

Улыбка, словно приклеилась, не могу остановиться — меня переполняют эмоции. Губы еще больше растягиваются, потому что моя реакция ставит его в тупик.

— Чего улыбаешься? Думал, застать тебя в слезах.

— С какой стати?

Хотя с точки зрения любой девушки и женщины есть, отчего расстроиться. Платье испорчено безвозвратно — его можно выбросить, оттирать бесполезно, если только до дыр. И все потому, что одна ревнивая особа посчитала меня не подходящей кандидатурой для мечты многих дам — чем не повод?

Но все это не имеет значения, ведь он со мной.

— Это женский туалет... — пытаюсь отвлечь его.

— Плевать... Лучше скажи, что сделать с твоей обидчицей? — его пальцы сжимают мои плечи.

— А что ты можешь? — уточняю из банального интереса. Скорее, мне ее жаль, она сама себя уже наказала...

— Найду и уничтожу, — без шуток отвечает он. — Кстати, запомнила, кто это?

«О, еще как запомнила! Когда впервые увидела, какими глазами она пожирает тебя».

Вместо этого спрашиваю:

— Это всего лишь платье... Уверен, что станешь разбрасываться ценными кадрами?

— вопрос провоцирующий, сейчас он поймет, что это кто-то из его сотрудниц, удивится, а может — нет, а я посмотрю, как отреагирует.

Но он остается невозмутимым. Никаких перемен не заметила.

— Уволю, не раздумывая, — говорит решительно и быстро. — Когда ты успела познакомиться с кем-то из моего персонала?

— Когда приезжала, чтобы отдать пироги...

Конечно, он понял, о ком я... Ведь дальше холла не проходила. А значит...

— Она точно специально облила? — вообще-то в сообщении я подробно указала причину своей необходимости покинуть торжество.

— Ян... По-твоему, я вру?

— Извини... Ну, что ж... Так даже лучше, она давно числилась в моем списке на кардинальные меры... Увольнение — будет кстати.

Интересно, чем же она отличилась... Похоже, эта девушка перешла допустимые границы. Может откровенно вешается на Яна? Позволяет больше чем включает понятие делового общения и субординации? И сколько еще таких, жаждущих его внимания?

— Тина, не знаю, о чем думаешь... — он потерся щекой о мое лицо. — Но когда ты так затихаешь, мне кажется, готовишь план по завоеванию мира.

— Скажешь тоже... — поворачиваюсь к нему лицом. — В моих мыслях только ты...

— А хочешь знать, о чем я думаю? — Ян приподнимает меня и сажает на стойку раковины, устраиваясь между моих ног и крепко прижимая к себе.

— Конечно... — чуть ли не мурлычу от удовольствия в его руках.

— Я рад, что уволил тебя из клуба... Своей репутацией дорожу. Так что меня никто не обвинит в связи с сотрудницей.

— Но ведь я работаю в твоём доме.

— Это не считается.

Больше он не позволяет ничего сказать. Захватывает в плен своих губ и целует, не давая возможности перевести дыхание. Тем самым говорит, что разговор окончен.

Кто ж против...

К моменту возвращения, ноющая боль в низу живота усилилась. Утром такого не было, какая-то запоздалая реакция у моего организма.

Ян замечает мое состояние и бережно, словно я хрупкая ваза, несет в комнату. Раздевает, а после заворачивает в плед. Приносит обезболивающие таблетки — выпиваю сразу две.

Потом он наполняет ванну теплой водой, и мы вместе нежимся в ней. Я лежу спиной на его груди, а он гладит мое тело массирующими движениями, целуя в изгиб шеи. Прикрыв глаза, таю от ласки и тепла, что разливается внутри. В какой-то момент понимаю: неприятные ощущения проходят, уступая место волнительным мыслям. Переворачиваюсь лицом к нему и тянусь получить свой поцелуй. Но Ян останавливает меня.

— Пожалуйста... — шепчу в губы. — Я хорошо себя чувствую...

— Тиинааа... — растягивает мое имя, в голосе звучит неуверенность и беспокойство за меня. Такая забота не может не нравиться, но мне он нужен целиком и полностью. Немедленно. Я чувствую его возбуждение и одновременно внутреннюю борьбу — нежелание причинить дискомфорт.

— Пожалуйста... — настаиваю и смотрю в глаза, сопротивление в которых отступает назад.

Начинаю целовать его шею, грудь, постепенно опускаясь вниз... Без стеснений касаюсь руками, где только захочу. Это моя маленькая пытка за то, что сомневается.

Конечно, он не выдерживает. Резко садится, хватая меня за плечи и притягивает к себе, впиваясь жестким, и таким нужным сейчас поцелуем.

— Ты уверена? — отрывается от губ на несколько секунд, чтобы только спросить. Его голос вибрирует от желания и нетерпеливости. Именно этого добивалась. План по соблазнению удался!

Киваю и, обвивая ногами его торс, победно улыбаюсь...

Понедельник наступил быстрее чем хотелось бы... А вместе с ним — суета рабочих будней... И нелюбимая практика.

Рано утром в дом зашел Геннадий.

Мы как раз завтракали. Он явно не ожидал увидеть нас вместе. Лицо отражало крайнюю степень удивления и растерянности. И, казалось, будто понимает, что между нами происходит.

«Я совсем забыла о нем. Собиралась уехать с Яном».

— Всем доброе утро, — приветствует Гена.

— Доброе... — говорим одновременно с Яном и, переглядываясь, улыбаемся. Мужчины жмут друг другу руки. И возникает затяжная пауза.

— Чай/кофе? — предлагаю я, нарушая молчание.

— Нет, спасибо, я позавтракал... Э...э... Я вообще нужен? — спрашивает Гена, присаживается и не перестает разглядывать нас.

— Да, забереешь Тину после практики. Сейчас сам отвезу.

Гена кивает.

— И еще... — добавляет Ян. — Там дверь в гостевой комнате сломана, вызови кого-нибудь. Если ремонту не подлежит, то закажи новую, такую же... Счет пришли мне.

Гена снова кивает. Уголок губ приподнимается, когда ситуация ему полностью ясна.

«Неужели, у нас все на лицах написано?»

Чувства Ян прячет глубоко... Когда-нибудь он откроется... А пока... Не лезу с вопросами, как он просил, мне достаточно того, что есть. И лично я ощущаю себя неприлично нагло счастливой, меня так и распирает от избытка эмоций.

Гена встает со стула и проходит в сторону гостевой — посмотреть на результат наших игр, хотя так сразу не скажешь причину, по которой она оказалась выбитой.

— Он все понял... — говорю, когда Гена скрылся из виду.

— Ну и что. Тебя это беспокоит? — Ян берет мою руку и, приблизив к губам, целует запястье.

— Нет, но... Непривычно просто...

— Девчонка ты еще... — Он допивает одним глотком остатки кофе и смотрит со всей серьезностью: — Кстати, записал тебя на прием к врачу. Сегодня после практики надо съездить.

— Врач? — непонимающе уставилась. Вроде здорова.

— Да. Надо решить вопрос контрацепции. Если уже не поздно... — еле слышно пробубнил. Я сначала не придала этим словам значение.

«Точно, о противозачаточных не подумала!»

— Как у тебя так, получается, помнить обо всем?

— Опыт, Тина... Заканчивай. Жду в машине.

«Если уже не поздно?» — вдруг прозвучала его фраза в голове. Это он что сейчас имел в виду? Беременность?

Хотела спросить, не послышалось ли, и я правильно его поняла? Но всю дорогу Ян обсуждал по громкой связи запуск новой линии безлактозной продукции. Поговорить не удалось.

После посещения гинеколога, я предалась размышлениям...

Вдобавок сильно расстроилась и поникла...

Врач отругала меня за незащищенный секс, и не беспочвенно, ведь я не планировала детей в ближайшее время, но так безрассудно поддалась новым для себя желаниям. Помимо всего прочего, она хорошо знала Яна, который приводил к ней всех своих многочисленных партнеров (об этом без грамма стеснений и какой-либо этики поведала мне, отчего стало неприятно).

«Десять — двенадцать в год?» — Seriously? То есть его связи делятся в среднем полтора месяца... И какой же срок он дал нашим отношениям?

«Молитесь, милочка, чтобы ваши два дня утех не окончились беременностью. Он ведь заставит сделать аборт! Уж я-то знаю. Сколько слез лили его барышни в этом кабинете, которые хотели удержать ребенком... А пока... Пока будем ждать конца месяца, сейчас беременность не определить. И вот уже там, если потребуется, назначу гормональные. До этого пользуйтесь презервативами» — были ее прощальные слова.

Может, она профессионал своего дела, но несколько грубовата — и для врача, и для женщины... Тем не менее: все верно. Я могу быть в положении... Хочу ли этого? — ответа у

меня пока нет... Но мысль об аборте противна и противоестественна. Наверное, больше пугает реакция самого Яна. Вряд ли врач стала бы лгать. Возможно, специально рассказала, чтоб обезопасить очередную пассию от ошибок. Ведь она восприняла меня именно как что-то краткосрочное...

А как на самом деле? Не знаю... Глупо надеюсь, что со мной он меняется, что дорога ему, что меня не коснется эта сторона его сложной натуры.

«Моя жестокая нежность» — вот кто он.

Конечно, настроение упало. Сначала я бесцельно бродила по дому, думая, чем заняться. Но в отсутствии хозяйки, казалось, и дел нет. Убрала на первом этаже. И потом занялась цветами.

К моменту приезда Яна, уже спала.

Хотя столько всего хотелось обсудить — пусть развеет сомнения. Но он прислал сообщение, что задерживается и будет не скоро...

Проснулась среди ночи от того, что внезапно включился свет.

Открыв глаза, увидела Яна. Он стоял возле кровати, засунув руки в карманы брюк. Злой, очень злой.

— Ты вернулся... — осторожно говорю.

— Какого черта, ты спишь тут?

Уснула я в гостевой комнате, а не на его кровати. Мне хотелось, чтобы он задумался о причинах такого поступка. Более того, уверена, что врач рассказала в подробностях мой визит.

— Двигайся, — говорит приказным тоном и начинает раздеваться.

— Собираешься тут спать? — спрашиваю, а сама отодвигаюсь к стене, освобождая место слева, как он любит.

— Но ведь ты спишь здесь! — в голосе слышится скрытая угроза.

— Хотела побыть одной...

— Не дождешься! — чуть ли не рычит, а потом более спокойно добавляет: — Ты не будешь одна, так ясно?

— Ян!

— Что?!

— Оставь меня! — удивляюсь тому, что осмелилась на подобную фразу. И буквально требую его уйти.

Он игнорирует мое заявление и ложится в постель.

Кровать небольшая. И я сразу оказываюсь плотно прижатой к его горячему телу. Упираюсь руками в грудь.

— Пусти, — пытаюсь вырваться из тисков.

— Своими телодвижениями ты только провоцируешь меня...

— Это твои проблемы, — огрызаюсь, и мне это нравится.

— Тина, послушай!

— Не хочу! Не буду!

— Ну, ладно... Сама напросилась...

Ян отпускает меня, быстро встает, роется в своей одежде. Снова приближается. Замечаю галстук в руках.

— Что ты делаешь? — вижу, как он развязывает его.

— Знаешь, чем мне нравится эта кроватка? — он ухмыляется, видя мою растерянность.

Отрицательно мотаю головой. — У нее кованое изголовье.

Оборачиваюсь назад. Действительно кованое. И что такого?

— А значит, привязать тебя к нему не составит труда. Теперь, понимаешь?

Не успеваю даже пошевелиться, а Ян уже сидит сверху, оседлав меня, как кобылу, и умелыми действиями связывает сначала запястья, а потом уже цепляет к изголовью.

— Ты что задумал? — я не боюсь его, знаю — не причинит вреда. Скорее обижает, что не слышит моей просьбы уйти.

— Ничего такого, что тебе не понравится, — звучит ответ.

— Это насилие! — возмущаюсь и дергаюсь, забыв на секунду, что привязана.

Ян приглушенно смеется.

— Помнишь... — он приближается и целует так, будто хочет съесть мои губы, но тут же отстраняется. — Я обещал связать тебя?

— Молча и с удовольствием? — спрашиваю и не замечаю, как начинаю улыбаться.

— С удовольствием — сколько угодно, а вот молчать — не надо. Кричи, не сдерживайся... Меня это заводит...

Он задрал вверх мою футболку, и натянул на лицо, полностью лишая меня зрения.

— Почувствуй иначе... — шепчет в ухо, вызывая волну желания. — Когда все ощущения на пределе... Обнаженная ласка... Сжигающая страсть... Становишься как натянутая струна... готовая лопнуть в любой момент...

— Ян...

От его слов жарко.

— Наслаждайся.

Дразнящей дорожкой из поцелуев он спустился от губ к шее, от шеи к груди, от груди к низу живота... Стянул с меня трусики. Коснулся рукой внутренней стороны бедра, заставляя выгнуться навстречу его пальцам...

...Дрожу от каждого движения его губ и языка. Внутри зарождается и нарастает напряжение, продвигая меня на вершину блаженства. Не могу спокойно лежать — извиваюсь змеей и, не переставая, шепчу его имя... Голос срывается от стонов...

Ян обрывает мое удовольствие в тот момент, когда готова взорваться. Переворачивает меня на живот. Встает. Слышится шуршащий звук. Потом ложиться на меня. В такой позе устраивается между моих ног, раздвигая их шире и приподнимая бедра...

...Мы становимся одним целым, это так правильно и естественно — невероятное ощущение наполненности. Я растворяюсь в этом блаженстве... Он кусает мои плечи, спину... Хрипло дышит в ухо... Ускоряется... Удовольствие накрывает нас обоих... Я содрогаюсь от мощного оргазма...

Мне настолько хорошо, что из глаз текут неконтролируемые слезы — от радости и счастья. Шмыгаю носом.

Ян резко выходит из меня. Переворачивает обратно на спину. Убирает с лица футболку, отвязывает от изголовья и освобождает руки.

— Тина? — судя по взгляду, он решил, что причинил боль, а я не могу ничего сказать, продолжая всхлипывать.

Смотрю в его растерянное лицо. Слова застряли в горле. Поэтому просто тянусь и обнимаю его за шею. Крепко прижимаюсь. Слезы еще текут...

«Без него, меня не станет...» — вот, о чем думаю.

«Люблю... Мой... Только мой»

— Что с тобой? — тихо спрашивает, приподнимается, заглядывая в глаза. — Я сделал больно?

Мотаю головой в разные стороны.

Он дает мне время успокоиться, ждет, целуя глаза и щеки.

— Ян... Не бросай меня... — вырывается мрачная мысль. Я так боюсь его потерять.

— Что за чушь? Откуда эта бредовая идея?

Он садится и устраивает меня на своих коленях, баюкая, как ребенка.

— Рассказывай, что тебя беспокоит? — голос мягкий и нежный.

— Сегодня, у врача... Я узнала не очень приятные вещи о тебе...

— А, понял. Маргарита Львовна. Не обращай внимания. Противная тетка. Пилит меня постоянно... Это подруга моей матери. Но как профессионалу — только ей доверять могу. И я говорил с ней...

— Она сказала...

Ян не дал сказать, перебив:

— Не надо расстраиваться из-за моего прошлого. Оно того не стоит. Я, как все, не идеален и совершал немало ошибок.

— У тебя было столько женщин...

— Так и я не мальчик.

— Она говорила ужасные вещи...

— Я не жалею ни о чем. Это прошлое — его не изменить.

— Я просто дура...

— Не говори так, — он крепко прижимает меня к груди. — Ты моя сладкая девчонка. С тобой становлюсь другим... Прежним что ли... И постепенно оживаю... И если тебе станет легче от этого, если тебе так надо это слышать... Я люблю тебя...

«Что?» — резко отстраняюсь, ловлю его взгляд и не могу поверить.

— Повтори.

— Люблю тебя.

Никто и никогда не говорил мне слов признания... Слезы навернулись опять. Я смаковала их мысленно, раз за разом шептала:

«Он любит меня... любит...».

Виолетта Павловна должна была вернуться через два дня.

Признаться, я волновалась, как она воспримет новость о нас с Яном. Что скажет? Очень не хотелось негатива. И совершенно неважно, что относится ко мне чуть ли не по-матерински. Когда дело касается сыновей: многих женщин переключивает, просыпается ревность и стержность — тогда жизнь превращается в сущий ад. Сама была свидетелем таких отношений: бабушка, мать отца, постоянно вмешивалась и вносила смуту в мою семью, но ей хватило мудрости принять выбор сына. Но «крови высосала» немало...

А Ян уже был женат, и я не говорю, что он собрался жениться, мне по правде это вовсе не нужно, наслаждаюсь тем, что есть. Я счастлива. Любима. Что еще нужно?

Хотя не скрою, меня интересовали причины развода, чтобы не повторить ненужных ошибок в наших отношениях. Я не стремлюсь к идеальной ванильной жизни, где все приторно сладко и скучно до тошноты... Но если есть возможность избежать их, то почему не воспользоваться этими знаниями?

— Тина? — Ян, как всегда, заметил мою глубокую задумчивость.

Мы как раз ужинали. И к еде я почти не притронулась.

— Давай, я не буду тянуть из тебя слова, и сама расскажешь, что не так? — тут же добавил он. — И все-таки поешь после, как снимешь груз проблем со своих хрупких плечиков.

Вздыхнула, собираясь с мыслями.

— Только пойми правильно... Я не лезу в твое прошлое, желая выпытать подробности жизни, но одно хочется знать: почему ты развелся?

— Не самая приятная тема для разговора... — у него даже лицо изменилось, ощущение, будто он испытывает отвращение и презрение к бывшей жене.

— Если не хочешь...

— Я расскажу. Никаких секретов тут нет. Банальное «не сошлись характерами» говорить не буду. Наш брак изначально был ошибкой... Мне было двадцать семь, когда мы познакомились. В то время я уже неплохо зарабатывал и мог позволить себе посещать дорогие заведения. Маша пела в одном из таких клубов... — он задумался ненадолго, вспоминая. — Да, она мне понравилась. Яркая, эффектная блондинка. Чуть старше, но этот факт не волновал. И она как-то сразу заметила меня. Два месяца мы провели, не вылезая из постели... Прости, что говорю об этом, но хочу, чтобы поняла истинные причины ее внимания ко мне. На протяжении всего времени, Маша постоянно грезилась о карьере певицы... А я должен был оплатить все ее задумки — о чем узнал позднее. Но как нормальный мужик и человек, я хотел семью. Когда она забеременела, думал: у нее мозги на место встанут. И ненадолго, действительно, успокоилась. Мы поженились. Хотя уже тогда знал: ничего у нас не получится... Настолько наши понятия о ценностях различались... Родился сын. И не поверишь, когда ему был месяц, моя жена сбежала. Она отсутствовала две недели. Терпеть такое не стал — подал сразу на развод. А когда вернулась, заявила, что уезжает в Европу с любовником. Карьеру певицы делать...

Ян замолчал, переживая внутренне эти события. Я не торопила его, ожидая продолжения.

— Я ей нужен был только, как кошелек, — продолжил он. — Ни грамма чувств, ни

совести, ничего... Хотел сына отсудить, но такого маленького мне не оставили, несмотря на множество доводов — адвокат ее любовника постарался... Живут они во Франции. Перебивается непостоянными заработками. По факту: соержу я. Карьеры не случилось у нее. Любовник бросил, нашел моложе и красивее. Слезно просилась обратно, обещала исправиться, сыном пугала, что не увижу и все в таком духе... Но ребенку лучше не видеть истинных отношений родителей. Я жду, когда он подрастет, чтобы не травмировать, предложу по-хорошему отдать его, или пожалеет... Не нужен он ей... Деньги — все, что надо таким... В общем, история без прикрас.

— Мне жаль...

— Не стоит... Правда... История прошлых дней.

«Зато сейчас многие вещи ясны» — пролетела мысль.

Я даже вспомнила день, когда мы столкнулись, и Ян сказал неприятную фразу: «Я знаю таких, как ты»; «Деньги. Это все, что интересуется таких, как ты». Неужели, он сравнил меня со своей бывшей женой? И почему? Но не стану спрашивать. Каждый может ошибиться.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Еще что-нибудь хочешь знать? — мягко спросил он, быстро отойдя от мрачных воспоминаний.

— Я не знаю, как вести себя с твоей мамой.

— А она тут причем?

— Если ей не понравится, что мы вместе?

— Уверяю: понравится. А вот тебя стает уговаривать бросить меня, зная мое непостоянство и недоверие к женщинам.

Хотела возразить, но не успела...

— Это в прошлом! Забудь! — твердо сказал он. — Ты другая... Знаю, у меня паршивый характер, но ты так умело меня успокаиваешь. Я твой ручной зверь.

Сижу и, молча, хлопаю глазами. Удивлена? — нет. Шокирована и поражена — так будет точнее.

— Иди ко мне, — отодвигается на стуле назад и протягивает руки.

Не думаю ни секунды, буквально срываюсь с места, сажусь к нему на колени, крепко обнимаю и целую.

Чуть позже, после приятных вещей (к чему пока не привыкну, вернее — своим ощущениям рядом с ним), мы расположились в гостиной для кино-марафона. Взяли много подушек и пледы, расстелив диван...

Но до этого, я вышла из душа и надела любимую пижаму, вид которой вызвал у Яна неожиданную реакцию.

— Тина, что это? — он откровенно ржал надо мной, именно ржал, а не смеялся: громко, переливисто, местами до икоты.

Я опустила взгляд на себя, оглядев сверху до низа. И не заметила ничего такого, чтобы так смеяться. Обычная пижама: штаны и футболка.

— Ян! — уперев руки в бока, недовольно уставилась.

— Тина, простииии, — он не перестает смеяться.

— Мне уйти? — я начала обижаться.

— Нет. — Он резко обрывает смех и подходит ко мне, но продолжает улыбаться. — Прости за мой смех, — прижав к себе, не дает отстраниться. — Но слоники... Эти слоники на пижаме... Твои трусики с котятами — еще ничего, даже по-своему милы, но слоники —

это перебор. Ты в детском отделе одеваешься?

Хотела оттолкнуть его, да не получилось. Крепко держит...

— Могу раздеться! — заявляю и понимаю, что такой вариант ему больше понравится. — Давай, сладкая моя... Я всегда готов, — целует шею, оттягивая края футболки.

— Ян!

— Да? — нагло улыбается, заглядывая в глаза.

Смотрю и не могу поверить столь явным переменам в жизни. Когда мы успели перейти от «я знаю таких, как ты...» до «давай, сладкая моя».

— Мы фильмы собирались смотреть... — говорю, еле сдерживая улыбку.

— Так я не против, полежим немного, а потом...

— А потом, спать будем! — смело заявляю я.

— Уверена?

— Нет...

Смеемся вместе и падаем на диван.

Сейчас Ян похож на мальчишку. И это что-то новое для меня. «Как же я люблю его!»

— Ян! Тина! Как это понимать?!

Звонкий голос врывается сквозь сон.

Первая просыпаюсь я. И, видя перед собой Виолетту Павловну, резко натягиваю на себя одеяло. И если бы не тот факт, чтобы мы обнажены, готова была соскочить с дивана. Ян лениво открывает глаза и, в отличие от меня, продолжает невозмутимо смотреть.

— Здравствуйте... — тихо говорю я.

— Доброе утро... Жду вас обоих на серьезный разговор.

С этими словами Виолетта Павловна уходит.

— Не дергайся, — подбадривает Ян, когда мы входим в столовую.

Легко сказать...

Его мама уже разливает кофе по чашкам...

— Садитесь, — обреченно вздыхает она.

Не могу понять ее настроение. И чувствую себя дискомфортно, будто мы малолетки, застуканные родителями.

Присаживаемся.

— Ян, — начинает Виолетта Павловна, — я понимаю твой интерес к Тине... И, по правде говоря, одобряю... Но, Тина, как ты могла? Ты совсем не знаешь моего сына! Он же...

— Мама! — резко обрывает ее Ян. — Все не так, все по-другому, я уверяю тебя, и беспокоиться не о чем!

— Не о чем? — переспрашивает она, удивляясь.

Я же предпочитаю молчать, опустив стыдливо глаза.

— Тина, не хочешь ответить? — не успокаивается она.

— Просите... — все, что я могу сказать.

— За что ты извиняешься? — моя реакция ее ставит в тупик. — Я переживаю за тебя... Вернее за то, что Ян... разобьет тебе сердце...

— Вообще-то я здесь, — возмущается он. — И никому сердце разбивать не собираюсь.

— Мне звонила Марго, — продолжает Виолетта Павловна. — Она сказала, что ты прислал девушку... Этому факту я перестала придавать значение, но когда прозвучало имя

«Тина», поменяла билет на более ранний вылет. Решила сделать сюрприз и не прогадала.

— Маргарита в своем репертуаре... — бубнит Ян и скучающе барабанит пальцами по столу.

— Ян! Я требую, чтобы ты женился на Тине!

— Нет! — возмущаюсь я. Только не в таком качестве, когда вынуждают.

Оба вопросительно смотрят на меня.

— Я... — теряюсь, что ответить. — Пожалуйста... Давайте, не будем торопить события?

— Девочка моя, — обращается ко мне Виолетта Павловна, — я хочу, как лучше, чтобы ты не страдала потом...

— Если вы действительно желаете добра, то позвольте нам самим решать...

Мои слова вызывают потрясение у обоих. Хотя Ян вряд ли бы стал прислушиваться к мнению матери настолько, чтобы делать, как она говорит. Сейчас его выражение лица мне не понятно.

— Ян... — вздыхает его мать, — если ты будешь таким идиотом, и потеряешь Тину, не знаю, что сделаю с тобой... Не позволю обидеть ее...

— Я люблю Тину... — отвечает Ян, и все доводы в дальнейшем разговоре пропадают. Виолетта Павловна охает и разливает чашку с кофе на белоснежную скатерть...

Приближался конец месяца...

Я стала рассеянной, думая все время о возможной беременности. Прислушивалась к ощущениям, пытаюсь заметить что-то непривычное и новое, но ничего... Ожидание нервировало, отчасти пугало. Не потому что Ян заставит сделать аборт, он уже устал объяснять мне который день подряд — примет любой результат и совсем не против ребенка.

Но я не хочу идти по такому сценарию и начинать с беременности. Ведь потом последует незамедлительная свадьба — к чему, без шуток, не готова и не тороплюсь увидеть себя в белом платье, я вообще никогда о нем не мечтала. А еще это так похоже на предыдущий опыт Яна, за исключением отсутствия корыстных и меркантильных целей у меня.

Мой цикл никогда не давал сбой, ровно двадцать восемь дней и никаких плюс/ минус день — два... Приближение я всегда ощущала: грудь становилась чувствительной, даже немного болезненной, едва заметно увеличиваясь в объеме. Но ведь такое может быть при беременности...

И тут, как назло, задержка два дня...

Просто не знаю, как к этому относиться. Хотя все тесты дали отрицательный результат, но ведь и прошло всего ничего... Завтра пойду к врачу и уже узнаю точно. Маргарита Львовна сама мне позвонила: поинтересовалась делами и сказала о приеме. Повздыхала для виду, услышав о задержке, но в целом общалась довольно мягко со мной, даже заботливо (не обошлось тут без Виолетты Павловны, которая уже поженила нас с Яном в своих мечтах).

— Тина, перестань мучить себя... — он знает, что я не хочу торопиться, но тут уж без вариантов. — Если все подтвердится, я буду рад, — Ян теребил локон моих волос, пока я предавалась мыслям, лежа на его груди. — Только представь, какая милая девочка могла быть у нас...

Я приподнялась и взглянула на него.

«Не обманывает. Действительно рад» — в его глазах искренность, уверенность и обещание надежности для меня. А я? Рада или нет? Не могу определиться. Все слишком

быстро.

— Ты хочешь дочь? — смотрю и понимаю: было бы приятно держать на руках кроху, похожую на него.

— Почему нет? Сын у меня есть и когда-нибудь он будет жить с нами. А для тебя, вероятно, пол первого ребенка не важен.

— Первого? То есть ты хочешь много детей? — никогда бы не подумала, что будем говорить об этом.

— Сомневаешься в моих способностях? — улыбается и переворачивает меня на спину, нависая сверху.

— Нет, ни капли, — Яну удалось меня отвлечь.

— Тогда давай разденем тебя... Хочу ласкать твое тело и слышать, как выкрикиваешь мое имя.

— Ян... позволь мне...

— Что? — он снимает сорочку и трусики, которые сам выбирал, приучая меня к другому гардеробу.

— Хочу быть главной сегодня, чтобы подчинился мне...

— Распробовала вкус удовольствия, моя сладкая? Знаешь, так приятно тебя искушать, видеть, как легко поддаешься и горишь в моих руках. От мысли: ты моя, только моя, принадлежишь всецело и телом, и душой — схожу с ума. Никогда не думал, что окажусь таким собственником. И мне это нравится, — с этими словами Ян склоняется, целует так долго и страстно, что я начинаю теряться.

Он отрывается от губ и ложится на спину.

— Я позволю...

Довольная и счастливая, сажусь сверху. Снимаю футболку с него, целуя каждый участок кожи. Блаженно вдыхаю аромат — терпкий, насыщенный, отдаленно напоминающий смесь горького шоколада и пряностей. Вывожу языком узоры на его торсе. Слышу учащенное дыхание. И сама возбуждаюсь от того, как он реагирует на прикосновения.

Стягиваю с него остатки одежды. Окидываю взглядом красивое тело, улыбаясь своим мыслям, что он принадлежит мне...

Облизываю губы...

— Тина... — шумно вдыхает Ян, видя мой голодный взгляд.

Провожу руками по своей груди — дразню его.

— Тина... — угрожающе шипит.

Наклоняюсь к нему... И ласкаю его возбужденную плоть: руками, губами, языком...

Ян присел и держит мою голову рукой, намотав на нее волосы. И двигается навстречу... Сдавленные стоны вырываются из горла. Он на грани...

Толкаю его обратно на спину. И сажусь на него...

— Презерватив, — напоминает.

— Какой в нем смысл сейчас... — шепчу.

Двигаюсь мучительно медленно, откинув голову назад. Он сжимает мою талию до приятной боли, желая ускориться...

— Черт возьми... Тина...

Рычит. И резко дернув меня, кладет на спину подминая под собой. Задает тот темп, который хочет. С каждым толчком, с моих губ срывается любимое имя. А через несколько мгновений отправляемся на вершину удовольствия...

Утро.

Открываю глаза.

Лежу и понимаю, что между ног течет, а низ живота разболелся знакомыми симптомами, только в удвоенном варианте.

— Ян... — тормошу, так как его рука лежит на мне, не давая встать.

— Ммм... — мычит, продолжая спать.

— Ян, — говорю громко и касаюсь его лица, пытаюсь разбудить.

— Тина? Что? — фокусирует взгляд на мне и приподнимается.

Ничего не говорю, откидываю одеяло и быстро убегаю в ванную комнату.

По красному пятну на простыне, он все понимает и плетется за мной.

«А я почти привыкла к мысли о беременности».

— Тебе помочь? — смотрит с беспокойством.

— Нет...

Я залезаю в душ. Теплая вода стекает по лицу, но успокоения не приносит. Живот ноет настолько сильно и непривычно, что становится тошно.

Завернувшись в халат, выхожу из ванной. Чувствую озноб. Хочется лежать и не двигаться. Что и делаю. Накрываюсь одеялом. Терплю боль, стиснув зубы.

Ян заходит в комнату. В руках стакан воды и таблетки.

— Выпей. Я вызвал Маргариту... Она скоро будет.

Киваю в ответ.

Засыпаю ненадолго, пока не накатывает очередная болезненная волна. К этому моменту приезжает Маргарита Львовна. Ее громкая речь слышится даже наверху.

«Хорошо, что мы в городской квартире...» — приходит запоздалая мысль. Ведь так она бы приехала позже.

— Здравствуй, Тина.

Они заходят в комнату.

— Здравствуйте, — присаживаюсь в постели.

— Ян, выйди, — говорит Марго и смотрит своим грозным взглядом.

Он не спорит и уходит.

— Так, так, так... — она подходит, ставя свой чемоданчик на тумбу. — Не знаю, поздравлять или нет по данному поводу?

— Все мое время, — отвечаю.

— Вот тут, ты права. Хотя... Когда Вита рассказала, что и как — не поверила, что Ян остепенился. Как тебе удалось приручить этого белокурого Дьявола... Давай осмотрю тебя и дам все рекомендации.

«Белокурый Дьявол?» — какое точное описание его натуры.

Два дня я пролежала в постели.

Ян не отходил от меня, хотя просила не переживать так, и вполне могла побыть одна, что не стоит бросать все дела, но он не слушал, отменив деловые встречи. Приносил мне бульончик, давал таблетки, когда боль напоминала о себе... Окружил заботой и нежностью.

Марго сказала, что у меня гормональный сбой, который и вызвал задержку. Мой организм перестраивается под новые обстоятельства и изменения последнего месяца. Но для полноты картины необходимо сдать анализы. Она прочитала подробную лекцию о том, как принимать противозачаточные, и поведала другие женские хитрости. На прощание всерьез сказала, что когда-нибудь будет принимать у меня роды и это не обсуждается. Оказывается, она может быть милой. За мой первый визит к ней даже извинилась, ссылаясь на то, как надоели бесконечные подружки Яна. А тут я, вчерашняя девственница, и туда же...

Мне очень хотелось поговорить с мамой, но связь у нас, по большей части, односторонняя, она сама звонит, когда получается. Сигнал приема сотового оператора в деревне неважный. И ее телефон чаще не доступен. А мне столько всего надо рассказать... Я не смогла пока поведать ей о личной жизни.

В эти дни временного безделья я много спала, нежилаясь в объятиях любимого.

И не переставала думать:

«Как его бывшая жена могла быть настолько дурой, чтобы так легко потерять этого замечательного, лучшего в мире, мужчину?» — не понимаю... Я такой ошибки не допущу. Знаю, он верит мне, но все равно буду доказывать свою любовь постоянно. Не дам усомниться ни на грамм.

На следующий день уже смогла пойти на практику. Ян настаивал: остаться дома еще на день, но я так устала лежать и какой в этом смысл, если самочувствие хорошее.

В четыре часа дня вышла из здания суда. И пока спускалась по лестнице, успела заметить, что возле машины, на которой работает Гена, стоит молодой парень, привалившись к двери.

Подойдя, я посмотрела на номер, убедившись, что не ошиблась.

— Ты Тина? — спрашивает он.

— Да. А... — я замешкалась.

— Я Дима, сын Гены.

Сейчас вижу: он и, правда, похож на него, только не такой большой габаритами и чуть выше ростом.

— А где он сам?

— Отец заболел, подменяю его — уже пару лет так, когда он не может, то я выхожу, чтобы Виолетта Павловна не осталась без водителя и другой помощи.

— Ясно... Надеюсь, с ним ничего серьезного?

— Простуда.

Хотела сесть и потянулась к ручке двери. Но Дима сделал то же самое, когда заметил мой жест. И, получилось так, что его ладонь легла поверх моей, сжимая ее. Я резко одернула руку от мерзкого ощущения чужого прикосновения.

— Прости, хотел помочь, — оправдывается он, увидев мою реакцию.

Ничего не отвечаю и сажусь в машину. Хочется взять влажную салфетку и вытереть

руки, настолько противно... Роюсь в сумке и нахожу упаковку. И чтобы не показывать своих истинных целей, делаю вид, что хочу освежить лицо. Откидываю козырек и, глядя в зеркало, протираю лоб, щеки, а с губ стираю помаду. Краем зрения замечаю, как Дима украдкой разглядывает меня. Его взгляд липнет, словно трогает невидимыми щупами — это добавляет неприятных ощущений. Беру еще одну салфетку и, наконец, вытираю тщательно ладони.

— Тяжелый день? — вмешивается он, интересуясь.

— Да, — отвечаю коротко, не хочу продолжать разговор. Достаяю телефон, проверяя наличие сообщений.

— Отец много рассказывал о тебе...

Морщусь мысленно от его слов. Зачем Гене говорить обо мне? Он похоже не оставил идею познакомить нас, и пусть не специально, но сделал это. Вот только мне это вовсе не нужно. Особенно сейчас.

— Как долго он будет болеть? — игнорирую фразу и спрашиваю, чтобы точно знать, сколько придется находиться в его обществе.

— Неделю.

— С Геней как-то привычнее... — говорю, что думаю, не считаю свои слова обидными.

— А ты давно работаешь там?

— Уже не работаю... Помогаю просто так...

Насчет этого состоялся долгий разговор с Яном. Использовать мой труд было неудобно обоим, а платить за работу, когда наши отношения изменились — неуместно для меня. Но возникла другая проблема: деньги ведь нужны, а быть содержанкой не хочу, и про маму не стоит забывать. Из этой ситуации нашелся выход: буду работать у Яна личным секретарем — разбирать документы и наводить порядок в архиве пару раз в неделю. Вот только говорил он это с явным подтекстом и хищным блеском в глазах. Напомнила ему, что дорожит своей репутацией и не путается с сотрудницами, но он нагло заявил: «моей невесты это не касается». И когда я успела стать ею? Предложения не слышала и не давала согласие. Ну, это же Ян — не спросит, поставит перед фактом, и без какой-либо романтики назначит встречу в ЗАГСе, при этом сообщит за час, чтобы не было время передумать. А в случае сопротивления применит убедительные доводы...

Улыбнувшись своим мыслям, представила, как бы он сделал это. И, кажется, пропустила вопрос, вновь ощутив взгляд на себе.

— Что-то спросил? — уточняю.

— Ты сказала, уже нет — почему? — повторяет вопрос.

— Это личное, — не собираюсь посвящать в подробности жизни.

— Как хочешь...

Дима отстает с вопросами, и доезжаем молча.

Тем лучше, почему-то напрягает он меня.

Возвращаться пришлось на такси.

Ян позвонил и сказал, что задерживается, когда освободится — не знает, и если я не хочу спать одна, то мне лучше вернуться в город. Ведь ему проще добраться до квартиры, чем ехать загород.

Открыв квартиру, удивилась включенному свету в коридоре и гостиной. А наверху слышался шум воды.

Но Ян не мог приехать раньше меня...

Поднялась на второй этаж, крадусь, как мышка. На ступеньках лестницы лежит

разбросанная наспех женская одежда, вплоть до нижнего белья — как в приглашающем жесте.

«Приди — возьми меня» — буквально кричит она.

Распахиваю дверь ванной комнаты. В душевой кабинке моется девушка. Лица не вижу, но что-то подсказывает мне — это бывшая пассия Яна, та самая, что была уже тут. Интересно, откуда у нее ключи? Неужели, он мог забыть забрать их?

Внутри закипает злость и ревность. Как посмела она прийти сюда?

Недолго думая, открываю технологический щиток, где прячутся трубы, и перекрываю горячую воду. Хотя хотелось выключить холодный кран, но тогда меня можно было бы обвинить в причинении умышленного вреда, что, по сути, правда. А так — остудилась немного нахалка.

Девушка звонко верещит и выскакивает из кабинки, накидывая халат...

Смотрю и жду, что скажет, скрестив руки на груди.

— Чего уставилась?! — возмущается она. — Пошла вон!

— Это мой халат. Снимай, — говорю на удивление спокойно и уверенно, но внутри все кипит. Вцепиться бы в ее блондинистую голову и уменьшить объем волос известным методом — вырвав их.

— Что? — усмехается, не веря моим словам. — Ты кто? Служанка! Возомнила себя главной тут?

— Вроде освежилась, а все никак не поймешь. Сними халат! — повторяю.

— Я сейчас Яну позвоню! Пусть поставит тебя на место!

Ее угрозы настолько смешны, что я не сдерживаю злорадной улыбки.

— Звони. Думаю, ему тоже будет интересно, как ты проникла в квартиру? Может, заодно полицию вызвать? За незаконное вторжение...

Моя смелая речь поставила ее в тупик.

А в этот момент снизу донесся голос Яна (он звал меня). И через полминуты появился сам.

Уставился на нас обоих.

— Лера? Что ты тут делаешь? — с недовольством сказал он, засунув руки в карманы брюк.

— Я-то Лера. Поставь свою прислугу на место! Ворвалась ко мне, отключила горячую воду... И вообще, ты не отвечаешь на мои звонки — как это понимать?

«Значит, она продолжает навязываться. Ян не говорил об этом» — посмотрела на него. Будто услышав мои мысли, он подходит ко мне, обнимая за плечи. Этот жест говорит: «не хотел тебя расстраивать».

— Кажется, я все объяснил и не вижу смысла повторять.

— Ты, что? С ней? Променял меня на какую-то уборщицу?! — она срывается на крик.

— Убавь тон. Откуда у тебя ключи? Не давал их тебе, — не обращает внимания на ее вопрос.

— Нашла запасной комплект в ящике... Ян, как же так? — ее глаза заблестели от слез.

— Я похож на того, кто шутит? Кажется, тогда в кафе доступно все объяснил. «Выходит, он бросил ее и поехал искать меня...»

— Ты пожалеешь...

С этими словами, она скидывает халат на пол. Смотрит на Яна, не отрываясь, всем видом показывая, кого он теряет. И эффектно, покачивая бедрами, выходит.

— Лера? — останавливает ее он.

— Да? Ты передумал? — она разворачивается, в голосе звучит надежда.

— Ключи, — протягивает руку и ждет.

— Хм...

Найдя свою сумку, она швырнула ключи в сторону и, одевшись, ушла.

— Прости... — шепчет в ухо Ян, прижимая к себе.

— Я ее понимаю. Даже немного жаль... Тебя любить не сложно, а ты...

— А я люблю тебя, — перебивает меня и целует.

Умеет Ян застать врасплох.

В очередную субботу, возвращается с кучей пакетов, в которых одежда и обувь... Для меня... Говорит, что у нас полчаса на сборы. И я должна поторопиться, потому что мы не имеет права опаздывать.

— Может, скажешь, куда мы идем? — уточняю, хочу понять, что выбрать из этого многообразия платьев.

— На день рождения, — он скидывает одежду и идет в душ.

Плетусь за ним.

— Твои друзья... я не знаю... — чувствую неуверенность перед знакомством.

— Я предупредил, что буду с девушкой. Удивил всех. А именинник тебе известен — это Олег, твой бывший начальник.

— Олег Романович?

— Да, Тина. Он самый... У нас мало времени. Собирайся.

Знал бы он, что думаю по этому поводу... Но разве спросит...

Достаю одежду, рассматривая. Сразу приглянулось «маленькое черное платье». Его и надеваю. Сидит идеально, будто вторая кожа. Длиной до середины бедра, с открытыми плечами. Но не нравится тот факт, что выделяется белье. Снимаю трусики, и результат меняется кардинально. Решаю идти без них. Улыбаюсь тому, что хочу скрыть это от Яна, даже интересно — поймет или нет. Потом натягиваю чулки. Наношу легкий макияж и расчесываю волосы, с которыми ничего делать не собираюсь.

Ян выходит, а я уже готова. Сажу на кровати и загадочно улыбаюсь.

— Ты все? — внимательно окидывает взглядом.

— Дааа... — намеренно растягиваю слово.

— Отличный выбор, это платье мне больше всего понравилось.

Сам же он одевается проще обычного — никаких костюмом и галстуков, просто рубашка и брюки.

И вот мы входим в клуб.

Я волнуюсь. Мало того, что это место, где работала, и могу столкнуться со знакомыми, так еще пришла с тем из-за кого уволили на день рождения бывшего работодателя...

М-да...

Это не остается не замеченным. Ян обнимает меня за талию, прижимая к своему бедру, одновременно защищая, чтобы никто не задел случайно. Поднимаемся на второй уровень. Там располагаются отдельные кабинки. Конечно, идем в дальний угол, к зоне «VIP». Здесь музыка слышна не так сильно и тем приятнее общение.

— Ты красиво выглядишь, — говорит Ян. — Перестань нервничать...

— Легко сказать...

Мы подходим к столику. Здесь сидят восемь человек, все парами. Ян жмет руки

мужчинам. Представляет меня, а мне присутствующих — стараюсь запомнить имена. По бросаемым на меня взглядам ясно: всех интересует моя скромная персона.

— Ян, ну ты и скрытный. Потому расспрашивал о Тине — понравилась? И как давно вы вместе? — Олег Романович не скрывает своего удивления и засыпает вопросами.

А я смотрю на любимого и тоже хочу слышать ответ: как много и у кого он выпытывал информацию обо мне?

— Вместе три недели, — невозмутимо произносит Ян. Об остальном умалчивает, но я допрошу потом — давно хотела узнать.

— Тина, и он еще не достал тебя? — смеется бывший начальник.

Скромно улыбаюсь и отрицательно мотаю головой. А Ян закатывает глаза, всем видом показывая «началось...».

— Ладно, что налить вам? — спрашивает Олег Романович.

— Мне виски, а Тине нельзя, — отвечает за нас Ян.

— Уже? — присоединяется Полина, кажется — это жена Олега Романовича, если правильно поняла.

— Нет, это не то, о чем вы подумали! — говорю и вспоминаю, как буквально неделю назад предполагала, что стану мамой. — Не употребляю вообще. Непереносимость у меня.

— Ну, вот... — вступает в разговор еще один мужчина, имя, к сожалению, вылетело. — А мы рассчитывали на свадьбе погулять.

— Погуляете, — обрывает всех Ян, чтобы поток вопросов закончился.

Удивленное протяжное «О» звучит за столом, а я краснею и опускаю глаза.

— Вы ставите Тину в неудобное положение. Сделаем вид, что все знакомы давно? Давайте уже начнем отмечать? — напоминает Ян о виновнике торжества и встает, взяв стакан в руки. — Итак, Олег...

Через некоторое время, я спустилась вниз и пошла в туалет.

Освежила лицо немного и подправила макияж.

Проходя мимо барной стойки, заметила Костю. Я давно не видела его. Захотелось поболтать — узнать, как дела...

— Привет! — громко говорю, чтоб привлечь к себе внимание, присаживаюсь на высокий стул, и машу ему рукой.

— Тина? Привет! — он перегибается через стойку и целует меня в щеку. — Ты здесь?

— Да. Как ты?

— Я неплохо. И ты, смотрю, тоже. С каких пор тебе по карману такие заведения? — по-доброму смеется. И тут же его взгляд устремляется за мою спину, и улыбка сходит с лица.

Рядом со мной опускается рука со знакомыми часами.

«Конечно, такая реакция могла быть только на одного известного мне человека».

Не успеваю повернуться, как Ян обхватывает мой затылок, тянет назад и впивается в губы поцелуем из ряда тех, чтобы показать всем вокруг, что я собственность. В довершении кусает до боли. Вскрикиваю. Он отстраняется. Хватает за руку и тащит за собой вверх. Я не пытаюсь вырваться, не желая разозлить его еще больше. Он ревнует...

Подходим к столику.

— Олег, дай ключи от кабинета, — Ян не просит — требует, в голосе нетерпение. Что он задумал?

И получив их, тащит дальше. В спину слышатся сдавленные смешки компании...

Как только нужная дверь закрывается за нами, Ян прижимает меня к ней и грубо на

границ с болью оттягивает волосы вниз, заставляя смотреть в глаза.

— Почему позволила прикоснуться к себе? — гневно шипит.

— Костя — просто друг!

— Решил проверить, все ли хорошо у тебя, а ты...

— Перестань... Я ничего не сделала плохого... Твоя ревность беспочвенна...

Хотела коснуться его лица, но не дал. Вместо этого сжал мою попу, а потом провел рукой по внутренней стороне бедра. Глаза расширились, когда понял, что белья на мне нет.

— Ты... — хрипло сказал, поднимая край платья вверх.

— Ян... — страха не испытывала, понимая, что ничего не сделает, если не захочу. И все равно ощущаю себя безвольной куклой, может творить со мной, что пожелает...

— Знаешь... — он повернул меня к себе спиной, сжав мою шею и проводя пальцами между ног. — Я накажу тебя... Сначала отшлепаю по аппетитной заднице... А потом... Впрочем, начнем с первого...

Ян дергает меня за локоть и кладет на рабочий стол лицом вниз.

Звонкий хлопок раздался по комнате, отражаясь от стен.

Я ахнула, ощутив жгучую боль на коже.

— Ян... — дыхание перехватило. Глаза увлажнились... Я не могла определить: нравятся мне такая жесткая ласка или нет.

— Да, повторяй мое имя, — наклоняется к уху, вызывая волну мурашек по телу. — Повторяй, всякий раз, когда рядом окажется «типа друг», желающий залезть к тебе под юбку.

— Что ты несешь? — мой голос волнительно дрожит.

Еще один удар.

— Ян!

— Да, моя сладкая, кричи! И запомни: если моя — то моя до конца!

Слышу, как он расстегивает брюки. Резко вторгается в меня. Никакой нежности в его действиях нет. Только грубая сжигающая страсть, дарящая боль и удовольствие одновременно...

И называется это: «доказательство принадлежности ему».

Лежу и всхлипываю...

Мысль о насилии не покидает. Хотя вряд ли это является таковым, если я не сопротивлялась, не пыталась остановить, не говорила, что он делает больно... ничего... Зато стонала от мощных толчков, необычных эмоций... Сорвавшимся голосом шептала его имя и слова любви. Словно это было моей потаенной сексуальной фантазией.

«Нет, это не насилие. Это безумие. Наше личное столкновение» — так будет верно. И сейчас не могу отойти от этих странных ощущений, сопряженных с извращенным наслаждением и желанием подчиняться любым его действиям...

Ян тяжело дышит, уткнувшись носом мне в шею, и все еще продолжает удерживать мои руки за спиной. Но в какой момент слышит тихий плач. Запоздало понимает, что увлекся, перейдя другие границы. Быстро встает и, развернув меня, привлекает к себе.

— Черт... — говорит хриплым голосом. — Тина, прости... Не знаю, что на меня нашло... Я...

«Ревность — вот, что нашло. А еще: желание показать, доказать, лишиться права...» — лично у меня не возникло сомнений, что я собственность... Это не вызывает дикой волны протеста, но и безоговорочного согласия — тоже.

Он аккуратно берет мое лицо ладонями, которые умеют любить и причинять боль одновременно. Видит мои слезы и начинает целовать глаза, щеки, губы — так нежно и трепетно, что теряюсь от происходящего. Тянусь к нему и обнимаю за шею.

— Тина... — шепчет в изгиб шеи. — Я идиот...

— Ты идиот... — повторяю за ним.

— Я сделал очень больно?

— Ты сделал очень больно...

— Я не буду...

— Ты не будешь...

— С тобой мне сложно сдержаться.

— Сложно сдержаться...

— Обещаю контролировать себя.

— Обещаешь...

— Простишь меня?

— Да...

— Люблю тебя... — говорим одновременно. И несмотря на все, верю ему.

Конечно, возвращаться за стол мы не стали. Ян позвонил Олегу Романовичу и попросил того подойти с нашими вещами.

Я, как могла, привела себя в порядок. Найдя на полу свою сумочку, достала салфетки и вытерлась от следов секса, а с лица — убрала размазанный макияж. Ужаснулась своего вида, посмотрев в зеркало: на запястьях и шее виднелись красные следы от крепкого хвата его рук... А платье порвано по швам с обеих сторон, чулки тоже не остались без внимания и пострадали, поэтому снимаю их, засунув в сумочку.

Ян складывал на стол разбросанные папки и прочую канцелярию, которые смахнул, чтобы положить меня. И хмуро поглядывал в мою сторону, особенно когда я стояла возле зеркала. Конечно, от меня не укрылось, что он расстроен своим поведением.

Дверь открылась, впуская Олега Романовича. В руках — наша верхняя одежда.

— Вы что тут устроили? — тут же говорит он обеспокоенным голосом. — Мне официанты сказали, что слышали какие-то странные крики, далеко не страстные...

— Олег, давай без нравоучений? — Ян перегородил ему путь и скрыл меня от глаз друга. Я сидела на диване, обнимая себя руками. Пыталась прикрыть рваные края платья.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь...

Олег Романович сунул одежду и ушел.

Ян вызвал такси. Мы оделись.

На мне длинное пальто и этому факту очень рада. Никто не видит моих голых ног и так теплее — чувствую, что замерзла. Хочется лечь в горячую ванну и расслабиться. Затекшие конечности тоже было бы неплохо растереть и размять...

Оказавшись на улице, сразу заметила ожидавшего нас Диму. Зачем он тут?

— Разве ты не такси вызывал? — уточняю на всякий случай.

— Нет. Хотя сейчас это такси. Я иногда разрешаю ему подзаработать на моей машине. Сегодня именно такой день.

Дима был немало удивлен, увидев меня с Яном. Это явно читалось на его лице. Я испытала уважение к Гене, который, судя по всему, не распространяется на тему личной жизни тех, где работает.

Мы разместились и неспешно тронулись. И опять ощутила этот липкий противный взгляд. Через зеркало заднего вида Дима поглядывал на меня. Поэтому я прижалась плотнее к плечу Яна и скрылась за распущенными волосами.

— Эй, — мое поведение не стало секретом для любимого, он тоже обратил внимание на чрезмерный интерес парня. — Следи за дорогой. И перестань глазеть на мою девушку!

— Простите. Не ожидал увидеть вас вместе...

— Не твоего ума дело! — Ян начинал злиться.

— Понял-понял... — ответил Дима.

— Бесят меня эти любители покуситься на чужое... — говорит Ян и идет наверх по лестнице, попутно расстегивая рубашку.

Иду за ним.

— Пожалуйста, хватит...

— Хватит? Я только начал, — он бегло оборачивается на меня. — Один считает, будто может поцеловать тебя в щеку, другой — раздевает глазами...

— Ты преувеличиваешь.

— Я преуменьшаю, — он продолжает раздеваться, кидая одежду на кровать. — Почему у тебя нет друг женского пола?

— Кончились... Как только отца парализовало, я пошла работать, времени ни на что не было, немногочисленные подруги быстро исчезли. Они жили полной жизнью: встречались с парнями, гуляли, ходили в кафе, кино, ездили отдыхать... А я для них стала обузой, занудой и нытиком... Остались только знакомые. И если ты о Косте, то он скорее не друг, я не правильно выразилась — хороший знакомый, так будет точнее, помогал не раз... А Дима этот... не интересен вовсе...

Ян шумно втягивает воздух, прикрыв на несколько секунд глаза, пытаюсь взять эмоции под контроль.

— Прости еще раз, — он подходит ко мне и проводит по плечам невесомым касанием, задерживая взгляд на алеющих отпечатках пальцев его рук на моем теле. — Я наберу ванну и

сделаю тебе массаж...

— Читаешь мои мысли? — улыбаюсь такому повороту.

— Если это загладит мою вину...

Прижимаю палец ко рту Яна, не давая развивать мрачные мысли.

— Только одно загладит твою вину, — смотрю хитро.

— Все, что угодно, — его руки перемещаются на мою талию.

— Я не против игр и экспериментов. Тебе доверяю. Только в следующий раз хочу быть готова. Ты же весишь: не меньше девяносто килограмм — раздавишь маленькую меня...

— Согласен. Что-то еще?

— Да... Будь со мной нежен и ласков этой ночью, чтобы я забыла о причиненной боли... Люби меня долго-долго...

— Тина... Ты так это сказала... разве я устою... — он наклоняется ко мне, желая поцеловать, но останавливаю его.

— А как же ванна и массаж?

— Отвлекла меня, — улыбается и я рада, что его душевное равновесие наладилось. — Конечно, моя сладкая. А уж потом...

В один из дней, выйдя из душа, я задержалась возле зеркала. Подбирала одежду, а увидела совсем другое...

Смотрела на себя и не могла отделаться от мысли, что поправилась, причем заметно. На мне только нижнее белье, которое не скрывает появившиеся округлости.

— Тина, поторопись. У меня со временем не очень сегодня... Тебя надо завезти. Не подходящий момент, чтоб себя разглядывать.

— Мне только одеться... — повернулась к нему. — Ян? Скажи, только честно, я поправилась?

— Ну да, есть немного.

— И ты так спокойно говоришь об этом?

— А как мне это говорить? Особенно, если нравятся эти изменения. Ты стала аппетитнее. Раньше у тебя был явный недостаток веса, с учетом твоего роста и комплекции, сейчас же тело выглядит гармонично...

— Ты так думаешь? — снова разглядываю себя. — Но это не килограмм и не два, а больше... всего за месяц...

— Ага, два с половиной кило и двадцать три грамма, по одному за прожитый тобой год, — шутит Ян. — Если так интересно, под ванной есть весы. Только быстрее, пожалуйста.

Бегу в ванную комнату, достаю весы, становлюсь и, закрыв глаза, жду.

— Пятьдесят пять, — говорит рядом Ян.

— Раньше мой вес не превышал пятидесяти-пятидесяти двух килограммов.

— При росте? — уточняет он.

— Сто шестьдесят два.

— Так вот, говорю со знанием дела: можешь смело поправиться еще на пять килограмм.

— И тебе понравится? — смотрю с сомнением.

— Даааа! — целует меня в нос. — А теперь одевайся.

Уже в машине Ян предложил: если меня так волнует вес, то могу заняться спортом, даже под его личным руководством.

И почему в его словах всегда звучит подтекст?

В спорткомплексе чего только не было: просторный тренажерный зал, несколько залов

групповых занятий различных направлений, два бассейна — один для детей, сауна, спа-салон. Проще говоря: находиться тут было приятно и полезно.

Уже стала привыкать к физической нагрузке, хотя первые дни дались непросто — мышцы болели настолько, что еле ходила. Ян даже в шутку называл меня «моя старушка» — я обижалась, кряхтела и делала вид, что все по плечу.

Как-то вечером занималась одна. Ян был занят.

Я разглядывала погоду за окном, делая небольшую передышку, и думала, что скоро станет совсем тепло — снег уже интенсивно тает, а на дорогах разлились ручьи... Мысленно унеслась тут же в лето и обещанный Яном отдых, правда не сказал куда

— хочет сделать сюрприз... Боюсь, за этим кроется нечто большее... Или не боюсь? Догадываюсь.

Внезапно мои мечты оборвались.

В спину почувствовала резкий толчок и, как результат, падаю на колени. Оборачиваюсь и не могу поверить: это девушка, что работала тут, которая облила меня вином и была уволена. Да что им всем надо от меня?!

Молча, встаю. Не собираюсь говорить с ней и устраивать скандал. Вероятно, она ждет вопрос: «какого хрена ты тут забыла?». Но опускаться до нее не хочется. И я же понимаю: если ее уволили, то это не значит, что как клиент она не может прийти сюда.

Прохожу мимо. В моем взгляде кроме равнодушия ничего нет.

Но, похоже, она от меня не собирается отставать.

— Что в тебе такого? Взгляду же не на чем остановиться! — громко заявляет девушка. — Я полгода его обхаживала...

«Полгода?» — да, Ян проявил ангельское терпение... Видимо, к атакам и взятию крепости штурмом она не успела перейти, иначе он бы ее раньше вышвырнул.

Я останавливаюсь, а повернувшись, быстро изучаю ее.

«Одна сплошная искусственность: волосы, ресницы, губы, грудь, загар под названием «курица-гриль»... Пожалуй, телом она может гордиться, особенно длинными ногами» — но это ей не помогло...

— А в тебе что такого? — задаю встречный вопрос. Ян точно не любитель таких гламурных девиц.

Девушка разводит руками, показывая труды и заботы над собой.

— И? — снова спрашиваю.

— Этого мало? — искренне удивляется она.

«Она или прикидывается, или правда дура...»

— На ночь, две — достаточно... — отвечаю.

Не желая слышать этот бред, ухожу, пока не разозлилась.

«Почему некоторым так сложно понять: любят не за что-то, а просто так, потому что этот человек существует, и без него не представляешь своей жизни».

Я приготовила ужин и уже пару раз подогрела в ожидании Яна.

В последние дни он нередко приходит поздно, и даже засыпаю порой одна. Из-за запуска новой линии продукции, ему самому приходится все контролировать и проверять, чтобы избежать лишних затрат — поэтому задерживается...

Конечно, я успела сильно соскучиться, мне не хватало внимания, но относилась с пониманием. Не доставала звонками и сообщениями. Он обещал: как только производство наладится, и будут подписаны все договоры — возьмет неделю отдыха, которые проведет со

мной. И тут же добавил: желательно в постели...

Вот и сейчас, его долго нет. Еду оставляю на столе, прикрыв крышкой.

Перед сном решаю сходить в душ. И не замечаю, от шума воды, как дверцы кабинки разъезжаются в стороны... А теплые руки обхватывают меня.

Но я все равно испугалась. От неожиданности вскрикнула и чуть не упала, хотя под ногами резиновый коврик.

— Ян! — разворачиваюсь к нему лицом.

— Ты ожидала кого-то другого увидеть? — он залез в душ прямо в одежде и струи воды почти полностью намочили ее.

— Конечно, нет! Что за глупости? Ты напугал меня... Думала, опять без тебя засыпать буду...

— Сегодня и в ближайшее время только вместе. Можем даже куда-нибудь съездить на несколько дней, если хочешь...

— Правда? — не могу скрыть радости, губы блаженно растягиваются от хороших новостей. Нетерпеливо расстегиваю пуговицы, желая снять с него все и пробежаться пальчиками по нему... Сексуальное напряжение требовалось снять обоим.

— Да, все подписано — можно устроить отдых. Я так соскучился... Что, кажется, не усну этой ночью, мне будет мало тебя... — его губы скользят по моей шее, а руками сминает ягодицы.

Я избавляю Яна от одежды. Моя грудь трется о его кожу, а льющаяся сверху вода в режиме «тропический дождь» добавляет возбуждения, соски твердеют... Хочется, чтобы он касался везде: грубо или нежно — неважно, лишь трогал и не прекращал сладкую пытку. И я стону, когда его язык ласкает грудь, а пальцы выводят узор между ног...

Сейчас мне нужно ощутить его внутри и немедленно. Дважды просить не приходится. Подхватив под попу, поднимает и прижимает меня к прохладному кафелю спиной. Обхватываю крепкий торс ногами...

— А...

Один день перед отъездом мы решили провести в поселке. Ян сказал, что у меня повышенное чувство ответственности, раз я захотела отложить отдых из-за его мамы. Мне надо было помочь ей, и буду это делать впредь... Конечно, мое заботливое отношение подкупало обоих — по-другому не умею, так привыкла. Это и есть семья!

Ужин тоже сегодня праздничный. Потратили не один час на кулинарные шедевры. И как раз накрывали на стол. Когда-нибудь за ним соберется много людей, даже тех, кого еще не существует...

— Тина, нам тебя послал сам Бог, — улыбнулась Виолетта Павловна. — Никогда не видела сына таким счастливым. Быстрее что ли женились бы...

— Мы не торопимся, — улыбаюсь в ответ на ее добрые слова. И смущаюсь до сих пор от подобных тем. Хотя понимаю, это событие не за горами.

— Вы, молодые, никогда не торопитесь, а мне хочется, чтобы этот большой дом наполнился детским смехом и топотом маленьких ножек.

Вздыхаю, не зная, что сказать.

На выручку приходит Ян.

— Мама, — он ее обнимает за плечи. — Дай нам год и все будет. Только учти: начнем — не становимся. Наделаем кучу детей.

— Ян! — становится стыдно. Никак не привыкну к его прямоте на людях.

— Все в порядке, Тина, — вмешивается Виолетта Павловна. — Поверь, от своего сына я слышала даже пошлые шуточки. А тут, дети — только в радость.

Неожиданно в разговор врывается звонок телефона.

Ян достает его из кармана джинсов.

— Номер скрыт... — хмурится, явно не желая отвечать неизвестно кому.

— Ответ. Мало ли... — предлагаю, а внутри оседает чувство тревоги.

— Поговорю наверху. Позови, как все будет готово.

Ян поднимается по лестнице. Смотрю ему вслед. И не понимаю, откуда эта паника.

Странно...

— Что-то не так... — говорю под нос.

— Что, милая? — спрашивает Виолетта Павловна.

— Что-то случилось...

— С чего ты так решила?

— Чувствую...

Со второго этажа внезапно доносится громкая ругань.

Я вздрагиваю, охваченная страхом, и понимаю, что ощущения не подвели, и произошло что-то нехорошее...

Ян буквально бегом спускается сверху, в руках приготовленный для отдыха чемодан. Он продолжает говорить по телефону, срываясь на крик:

— Мать вашу... Я спрашиваю еще раз, где он?!

Он двигается в сторону выхода.

Мы переглядываемся с его мамой и идем за ним.

— Я выезжаю... Буду ближайшим рейсом! — заканчивает разговор.

— Ян? — тихо зову.

— Тина, не сейчас... Я позвоню позже...

Он хлопает дверью. И уходит, оставляя нас в недоумении. О ком он говорил? Куда собрался? Что случилось? Почему такая срочность?

Глава 12

Виолетта Павловна сжала мое плечо.

— Вы что-нибудь поняли?

— Нет, но раз он сказал: позвонит, то лучше подождать. Сейчас все равно не ответит...

Ты же знаешь, не хуже меня.

Иду в гостиную и сажусь на диван, вспоминая то немное, что услышала, чтобы объединить в общую картину.

— Ян спрашивал: «где он?». О ком может идти речь?

Она присела рядом и тоже задумалась.

— И он собрался срочно куда-то лететь... — продолжаю. А в голове начал складываться пазл.

«Такое беспокойство может быть только...».

— Макс... — выдыхает Виолетта Павловна.

Так зовут его сына, если быть точнее — Максимилиан.

— Только не это... Что же с ним случилось... — не в силах усидеть от тревожного чувства, хожу в разные стороны. Пытаюсь сообразить — чем могу помочь?

«Ян, позвони, скажи, что это не так...» — поток нескончаемых мыслей о ребенке нагнетает внутреннее состояние еще больше.

Его мама, в обнимку с каплями, сидит за столом и пьет лекарство.

Примерно через час он звонит...

— Что с ним, что с Максом? — задаю вопрос, как только слышу его голос в трубке.

— Э... Макс... — Ян удивляется, но не уточняет, как я поняла, что он собрался к нему.

— Нет, с ним все, кажется, более менее в порядке... Он сейчас с няней... А вот Маша... — выдерживает паузу. — Нашли мертвой от передозировки.

Не сразу нахожусь, что сказать.

— Мне жаль... И ты...

— Займусь похоронами...

— На Родину тело будешь отправлять?

— Нет. Она же детдомовская, никого нет... Там же похороню... Она часто повторяла любимую цитату: «увидеть Париж и умереть». Не могу отказать в последней просьбе умершей...

— Это печально...

— Я не знал, что она наркоманка... Иначе, принял бы меры... В мои недолгие и нечастые приезды, почти не видел ее, сына забирал на все дни своего пребывания. Она предпочитала избегать меня — так думал, со слов няни, но оказалось, вот что... Конечно, я понял бы о зависимости и тогда забрал сына навсегда, а она лишилась бы содержания — даже в этой ситуации Маша думала только о деньгах...

— Ян... я...

— Ничего не говори... Не знаю, сколько потребуется времени. Полагаю, за неделю управлюсь со всеми вопросами.

— Пожалуйста, не пропадай, звони или хотя бы сообщения отправляй. Не хочется отвлекать тебя...

— Конечно... Сладкая моя, позаботься о маме.

Обернулась на Виолетту Павловну — та видимо поняла, что речь о ней и отрицательным жестом показала «не говори о лекарствах, чтоб не переживал». Киваю ей. Яну, действительно, сейчас нужно спокойно закончить все дела...

— Об этом можно не просить... Не переживай. Мы справимся, я поживу в поселке.

— Тина?

— Да?

— Люблю тебя.

— И я люблю.

От разговора спокойнее не стало.

Я подумала о ребенке... Как он там? Сказали ли ему о смерти матери? Или просто озвучили, что приедет папа? Одно радует: теперь он будет жить с нами, как хотел Ян.

«А Маша так бездарно распорядилось своей жизнью...» — ее все же жаль, смерти никто не желал.

Посмотрела на Виолетту Павловну, решая, как правильно донести информацию. Совершенно неважно, какие отношения были с бывшей невесткой, новость о кончине может дать ненужные переживания.

— Говори, не молчи... Что там?

Не стала тянуть и пересказала разговор с Яном.

Мне пришла в голову одна идея... Как показалось, очень даже хорошая. Виолетта Павловна поддержала и с радостью отпустила.

Собираюсь сделать сюрприз маме, но не только своим визитом, я хочу забрать ее. Во-первых, мы давно не виделись, а с такой плохой связью много не наговоришься; во-вторых, ей пора узнать изменения в моей личной жизни; в-третьих, нашим мамам пора познакомиться и, в-четвертых, они составят друг другу отличную компанию в общении и прочих делах, пока я на практике. А так же моя мама, как медик по образованию, присмотрит на Виолеттой Павловной, у которой давление скачет после тех известий...

Не скрою, хотелось оказаться сейчас рядом с Яном, помочь, поддержать... Но нет у меня ни заграничного паспорта, ни визы... И главное — я нужнее здесь.

И вот, еду в деревню.

Рано утром Гена забрал меня. Ездить с ним привычнее и спокойнее, как с более опытным водителем. С вопросами дурацкими опять же не лезет. И не смотрит так, словно прикасается взглядом... Не знаю, почему его сын меня раздражает?

Подъехав к знакомому дому, я ощутила, насколько соскучилась... Живя в водовороте разных событий, забываешься. А у меня вовсе все круто поменялось.

Захожу и сразу натыкаюсь на улыбающуюся маму (уже заметила меня в окно). Она крепко обнимает и целует в щеки.

— Дочка, милая, — она отстраняется и окидывает взглядом. — Хорошенькая какая, прям цветешь. Точно влюбилась.

— Привет, мам, — стесняюсь от ее комплимента, думая о Яне в этот момент и его причастности к моему внешнему виду.

Следом в дом заходит Гена, чуть сгибаясь в невысоком дверном проеме. Глаза мамы округляются. А я тихо смеюсь от того, что она решила, будто он и есть причина моих перемен. Ведь в отцы годится — такое она не одобрила бы...

— Мама, — касаюсь ее плеча, — это Геннадий. Работает на Яна. Он только привез меня и ничего более... — подмигиваю ей. — Не в машине же сидеть ему, пока ты будешь

собираться.

Она облегченно выдыхает. И не сразу обращает внимания на мои слова.

— То есть? — прокрутив фразу, хмурит брови. — Собираться?

— Да. Забираю тебя в город. По правде, времени не так много у нас, расскажу все по пути. Надо ехать. Собирайся, мам...

Говорю и слышу в своем голосе командные нотки, как если бы Ян то же самое озвучивал мне. Это вызывает мысленную улыбку. Но лишь на пару секунд, вспоминая: какая трудная неделя ему предстоит...

Конечно, без фирменного борща тети Раи нас никто не отпустил. На сыплющиеся со всех сторон вопросы хитро отмалчивалась, говоря, что скоро сами все узнаете. Впрочем, замуж меня все равно уже выдали заочно. А я совсем не против, и начинаю этого хотеть...

— Заходи, не стесняйся, — говорю маме, пропуская в дом.

— И ты теперь живешь тут?

Мама никак не могла отойти от поведенной мною истории. Конечно, без подробностей. И все же выразила сомнения, ведь Ян старше на десять лет, взрослый опытный мужчина, а тут я, по сути, еще девчонка... Как любая мать, она переживала, чтобы ее дочь не страдала потом. Но это мы уже проходили...

— Мы с Яном живем в городе. Здесь бываем пару раз в неделю, — отвечаю и ловлю ее взгляд с упреком.

— Не хорошо это: без брака жить вместе... — она у меня старой закалки и не переубедить, поэтому не спорю и не навязываю понятий о современных отношениях.

— Да-да, я с вами полностью согласна, но разве они послушают... — навстречу торопливо вышла хозяйка дома. Ее слова вызвали улыбку у мамы. — Извиняюсь, задержалась на кухне...

— Мама, это Виолетта Павловна... — представляю и тут же получаю еще один укоризненный взгляд.

— Тина, перестань. Какая Павловна? Мы же почти ровесницы. Просто Вита, — она протянула свою ухоженную руку. — Здравствуйте.

— Здравствуйте. Тогда просто Лида, — мама протянула руку в ответ.

И обе женщины искреннее улыбнулись друг другу.

Прошло три дня с момента уезда Яна.

Он не звонил. Писал лишь короткие сообщения, в основном с пожеланиями «доброе утра» и «спокойной ночи», просил сообщать о делах...

Я понимала ситуацию и терпеливо ждала его возвращения, вернее не только его, но и Макса. Волновалась: как мальчик воспримет меня, найду ли с ним общий язык? Что было крайне важно, ведь если сын Яна оттолкнет меня — это повлияет на наши с ним отношения. После потери матери Макс может стать капризным, требовательным, ревнивым к вниманию отца, с которым не жил...

Вообще, дети охотно тянулись ко мне, я всегда умела их занять чем-то интересным, поиграть, развеселить... Но сужу исключительно по своим племянникам. Поэтому готовилась ко всему...

Звонок мобильного вывел из задумчивости. Я отвлеклась от архивного дела, которое изучала в целях дипломной работы, и посмотрела на экран.

«Мама...» — обычно она не звонит, все просьбы и поручения выполняет Гена. Странно...

— Алло? — тут же отвечаю.

— Милая... — ее голос звучит взволнованно.

— Мама, что случилось? У вас все в порядке?

— Не совсем...

— Мама! Говори.

— Вита... ее отвезли в больницу... давление сильно подскочило...

— В какой вы больнице? — я будто чувствовала, что привезти маму не просто хорошая затея, это жизненно необходимо... Она хотя бы знает, как оказать первую помощь.

— Мы в семейной клинике... это...

— Я знаю, где это... Скоро буду!

Вызываю такси и несусь на улицу с мыслями «только бы все обошлось», с давлением не шутят...

Вспомнился папа: после такого у него случился инсульт, вот только рядом никого не оказалось, помощь пришла запоздало, да — ему спасли жизнь, но наступил паралич...

Прошу водителя поторопиться, и он, войдя в положение, нарушает правила несколько раз, за что щедро доплачиваю...

Поднимаюсь в нужное отделение. Мама меряет коридор шагами. Увидев меня, быстро идет навстречу.

— Ну, как она? — для меня Виолетта Павловна стала родным и близким человеком.

— Врач еще не выходил... Пытаются стабилизировать состояние, — маму трясло, казалось, она чувствует вину за собой. Я помню этот взгляд, когда папу уже не удалось спасти...

— Она переживала опять?

Мы отошли в сторонку, и присели на небольшой диванчик.

— Нет. Все было хорошо. Мы пили чай... А потом когда убрали со стола, она резко стала оседать... Успела только подхватить, чтоб не ударилась. Гена позвонил их семейному врачу, предупредил, что едем. Отнес ее в машину. И вот, мы тут...

— Что вообще происходит? — я взялась за голову. — Будто кто-то специально на прочность нас проверяет. Надо звонить Яну, и как сказать...

— Давай, дождемся врача?

— А где Гена?

— Он отъехал ненадолго.

Через час вышел врач. Я была у него приеме (когда справку делал). Меня он тоже узнал.

— Тина, кажется? — уточнил Игорь Петрович.

Я кивнула.

— А где Ян?

— Его нет в городе... И он пока не в курсе. Я не звонила еще.

— В общем, дела таковы: приступ мы купировали, сейчас состояние стабильное. Но несколько дней Виолетта Павловна проведет в больнице.

— Можно ее увидеть? — в один голос с мамой интересуемся.

— Она уснула. Лучше завтра приходите. Мне позвонить Яну? Просто не знаю, в каких вы отношениях.

— Я... — замешкалась, не зная, как произнести это слово вслух. И предложения еще не было, хотя это формальности.

— Невеста она его, — помогает мама.

— Вот как... — ухмыляется врач.

— Я позвоню, все скажу...

— Тогда до завтра.

Мы решили переночевать в нашей с мамой квартире, там я тоже давно не была. Даже стало стыдно, что забросила, погрузившись в мир любви и наслаждений, который сузился до Яна, он заполнил собой все аспекты моей жизни, я растворилась в нем...

Попыталась дозвониться до него, но тщетно. Он не ответил даже после пятого раза...

«Надо хотя бы смс-ку оправить... Сможет — перезвонит».

Но уже десятое сообщение стираю, не зная, как правильно преподнести, чтобы не срывался и смог закончить дела. Текст должен быть прост и ясен, дать понять: сейчас все позади и необходимости срочно возвращаться нет.

После двадцати минут мучений, нужный вариант сообщения готов. Не успела нажать «оправить», как Ян перезванивает.

— Тина! — одновременно с беспокойством и радостью в голосе говорит он.

— Привет... — как же я соскучилась...

— Привет. Нашлось немного свободного времени... Собирался сам позвонить. Смотрю: пять пропущенных от тебя. Надеюсь, ты просто хотела слышать меня? И с вами все в порядке...

— Ян... Твой голос такой родной... — чувствую, как слезы начинают течь, слова застревают. Я вздыхаю.

— Ты что плачешь?

— Чуть-чуть...

— Сладкая моя, не плачь. Я приеду через два дня, вернее — мы...

— Правда? — это даже раньше планируемого срока.

— Правда, — подтверждает он.

— Я должна кое-что сказать...

— Когда ты так говоришь... Что случилось? Только не тяни.

— Твоя мама в больнице, — произношу быстро, чтобы не накрутил ситуацию, — только не волнуйся, сейчас с ней все в порядке... Давление поднялось, полежит какое-то время под наблюдением врачей.

— Ты точно все сказала?

— Да. Можешь Игорю Петровичу позвонить...

— Я верю тебе.

— Ой...

— Тина, что?!

— Нет-нет, относительно твоей мамы — рассказала все. Просто я свою маму привезла, чтоб Виолетта Павловна не скучала, пока отсутствую днем. Если бы не она... И Гена...

— Я совсем не против твоей мамы. Дом большой. Место хватит всем.

— Ян. — слезы продолжают течь, — я так соскучилась, мне плохо без тебя...

— Я тоже соскучился... Тина, твои слезы... Не могу обнять, поцеловать и успокоить. Прошу, не плачь. Скоро увидимся.

— Да... Жду тебя очень-очень... И Макса тоже...

— Насчет Макса: он сложный ребенок. Прояви терпение. Я не хочу разрываться между вами...

— Мы справимся, — обещаю ему и верю, что все получится.

— Люблю тебя.

— И я...

Не в силах продолжать разговор, отключаюсь. И даю волю эмоциям. Плачу, уткнувшись в подушку, чтоб не беспокоить своей истерикой маму.

А ночью мне снился эротический сон...

...Руки, губы, языки... Трепетная ласка... Нежность на грани с болью... Сплетение тел... Кожа к коже... Горячее прерывистое дыхание... Дрожь... Стоны... Крик... Взрыв вулкана...

И шепот его голоса, сквозь расстояние:

«Тина... Что ты натворила, девочка... Я твой ручной зверь...»

— Ян... — мгновенно проснулась, ощущая тянущую приятную боль между ногами. И досаду...

«Это лишь сон».

Тело, как натянутая струна. Я изнывала от желания... Мне хотелось оказаться сейчас рядом с ним. И делать все то, что видела во сне... Пусть закончит эту сладкую пытку.

Скрестив ноги, пыталась унять возбуждение. Но трусики намокли. От трения складочек внутри, меня бросило в жар. Откинув одеяло, почувствовала резкий контраст: по телу прошла волна мурашек... Соски затвердели, а тонкая ткань футболки, касаясь груди, только усилила желание быстро снять напряжение...

Я засунула руку в трусики, думая о нем...

«Ты — мой плен, а я твоя рабыня».

Начало дня выдалось непростым...

И причин для этого оказалось немало. Я не выспалась, ощущала себя разбитой и обессиленной. В висках поселилась пульсирующая навязчивая боль, вызванная переживаниями, усталостью и тоской... Таблетка лишь немного приглушила ее. Как результат — рассеянность и несобранность налицо, из рук все буквально валялось: успела разбить чашку и блюдце, когда накрывала завтрак...

Мое состояние называлось просто — все теряет смысл без него... Становится скучным, однообразным, пустым... Да, заботы никто не отменял, это меня отвлекает, но для полноты и глубины ощущений нужен он. Только Ян может разукрасить мою жизнь во все цвета и оттенки... Он мой личный наркотик... И как бы это ни звучало — это лучше всего отражает зависимость от него. Быть с ним — болезненная необходимость. Наверное, я одержима... Не знаю: хорошо или плохо — разбираться в этом нет желания, да и надо ли? Так чувствую... Так люблю...

«Я не могу без тебя» — не перестаю думать о нем. Прошло только четыре дня, а я схожу с ума. Осталось потерпеть пару дней...

— Тина? — зовет меня Виолетта Павловна. И кажется, уже не первый раз.

Подхожу к кровати, присаживаясь на край.

— Где ты витаешь? — она тянется к стакану с водой, который ей не достать — о чем запоздало соображаю. Но успеваю реабилитироваться, и подаю его.

— Простите... — тихо говорю.

Она выпивает воду и возвращает мне стакан.

— Милая... Я все понимаю, ты соскучилась...

Не выдерживаю и прижимаюсь к ее руке щекой, борясь с желанием пустить слезу. Вторая рука ложится мне на голову, которой поглаживает мои волосы в успокоительном жесте.

— Девочка моя... Ты так сильно любишь его. Как мать, бесконечно счастлива. Но я переживаю за тебя...

Ее слова меня приводят в чувства. Только волнений не хватало.

Поднимаю голову и говорю:

— Все хорошо. Я же понимаю: без расставаний никуда... Еще есть Макс, вы, сестра, обязанности, заботы — Ян не может принадлежать только мне одной.

— Ты мудрая для своего возраста, — она мягко похлопала по моей руке. — Но хотела обсудить другое. Если честно, с Максом справляюсь с трудом... Может, потому что редко вижу? — говорит Виолетта Павловна. — Но я бабушка, к капризам привыкла... А тебе придется потрудиться, чтобы завоевать его маленькое сердечко. Он непоседлив, любопытен, как все дети, но с таким несгибаемым характером — уговорить или убедить непросто. И если что-то не нравится, будь уверена — скажет, не постесняется...

— Кого-то это мне напоминает, — улыбаюсь и осознаю, что это моя первая улыбка за день.

— Да. Они и внешне очень похожи.

— Раз уж зашел разговор... Я кое-что хотела сделать. Мне нужно ваше разрешение.

— На что? — она удобнее устраивается на подушке.

— На втором этаже есть пустующая комната. За эти два дня хочу из нее сделать детскую для Макса.

— Тина, конечно! Об этом могла не спрашивать. Скажу больше: она для Макса предназначена, но в этом доме он не бывал ни разу, поэтому не оформлена. Я даже рада, что ты приложишь руку к этому.

— Спасибо! — я обняла ее. И так обрадовалась и воодушевилась собственной идеей. Особенно тем, что эти дни ожидания пройдут в приятных хлопотах.

— Тина, а ты знаешь, что придумала твоя мама? — Виолетта Павловна по-доброму смеется.

— Нет. Сказала, что придет к вам позже... и все...

— Сейчас она в книжном магазине, подбирает литературу, собралась устроить мне вечер чтений. И вообще, чтобы я не скучала, хочет остаться тут до выписки. Палата предназначена на проживание родственников... А мы почти ими стали, ведь так?

— Узнаю свою маму, — улыбаюсь тому, как быстро они нашли контакт. — А на ваш вопрос ответим, когда Ян вернется.

— Просто скажи ему «да».

Киваю. И снова тоска накатывает, вспоминая о нем.

«Два дня...»

Полдня я носилась по магазинам, подбирая нужные материалы и мебель, последнее привезут и установят завтра. За оставшийся день (и ночь, если потребуется), я хотела расписать одну из стен — внести эксклюзив в интерьер. Гена, который стал, чуть ли рабом сегодня, занес все мои покупки, и, устало попрощавшись, уехал.

А я, оглядев комнату и наспех перекусив, приступила к реализации задумки. Краска сохнет быстро и почти не имеет запаха. К приезду все должно быть готово.

Я выбрала изображения супер-героев. Надеюсь, ему понравится. Все известные мне мальчишки разных возрастов, любят фильмы и мультики с ними.

Увлеченная процессом, совсем не замечаю, как за мной наблюдают...

Когда отходила назад от стены, чтобы разглядеть получающийся рисунок, увидела Диму в дверях комнаты. От неожиданности, испугалась и выронила лоток с краской, которая забрызгала пол... Благо, что застелила предварительно защитной пленкой.

— Ты что здесь делаешь? — возмущена таким поведением. Если в машине лежат ключи от дома — это не значит, что он может запросто заявляться сюда. Особенно, когда я одна.

— Вот, — он показывает пакет в руках. — Шторы забыла в машине. Отец просил завезти.

— Это потерпело бы до завтра, — продолжаю негодовать.

— А вдруг срочно?

— В полночь? Это вряд ли.

— Извини, за вторжение, — Дима прошел в комнату и положил пакет на подоконник. — Сегодня я клиентов вожу. Был неподалеку, в соседнем коттеджном поселке, решил заехать, узнать — как ты? Может, чаем угостишь?

— Наглости тебе не занимать... Мне некогда. Уж, извини...

— У тебя хорошо получается, — он приблизился и встал рядом, рассматривая творение.

Потом повернул голову в мою сторону. И снова это взгляд... Будто осязаемый... Так мерзко становится...

— Что?! — не выдерживаю и повышаю голос.

Он тянется рукой к моему лицу, но я пресекаю эту попытку.

— Не трогай меня, — отхожу от него.

— У тебя краска на лице засохла, хотел стереть.

— Сама справлюсь... — как же он раздражает меня, быстрее бы ушел.

— Тина, ты, что такая дикая? — засунув руки в карманы, продолжает пытаться взглядом своих карих глаз.

— Дикая? Хм... — откровенно удивляюсь и злюсь еще больше. — Ты приходишь, не предупреждая, а я рада должна быть? Если ты не заметил, то я одна в доме, это как минимум не прилично.

— Заметил... И по правде говоря, так даже лучше.

— Лучше для чего? — его странное поведение начинало пугать.

— Да вот, все жду, когда вспомнишь меня?

— Вспомню? — вопрос загнал в тупик. — Мы разве знакомы?

— Когда-то жили в одном дворе, потом вы переехали. Меня все очкариком в детстве обзывали, а ты заступалась, помнишь?

Картинка отчетливо вырисовалась в памяти. Да, помню. Мы переехали в другую квартиру, когда мне было одиннадцать. И мальчика Диму, над которым посмеивались многие из-за очков — тоже. Не то, чтобы мы дружили, но защищать, да, защищала...

— Это было забавно, — видя, что я вспомнила, сказал он.

— Ты изменился, не узнала, и очков нет, — слабо улыбнулась. Его черты лица ассоциируются у меня с Генной, но не с тем мальчиком из детства.

— Ну да, прошло двенадцать лет, а операция избавила от необходимости носить очки. Я ведь тоже не сразу узнал тебя. Превратилась в настоящую красотку...

Этот комплимент смутил меня, казался неуместным, ненужным и говорить такое он не имел право. Все равно его внимание и интерес напрягают.

— Слушай, — устало вздыхаю, — детство это хорошо и вспоминать приятно, но сейчас мне надо позаботиться о комнате для Макса.

— Да, конечно. Прости, что отвлек.

Спускаюсь по лестнице вслед за ним. и чтобы у него не возникло мыслей вдруг вернуться, закрываю дверь на защелку, которую снаружи не открыть.

Как же мир тесен...

Просыпаюсь от телефонного звонка.

Поднимаю голову с подушки, пытаюсь сообразить, что происходит. На часах двенадцать дня... И тут вспоминаю: мебель! Я чуть не проспала. Легла в четыре утра...

Отвечаю, и голос в трубке предупреждает: «доставка через час».

Бегу в ванну, привожу себя в порядок, потом быстро ем и иду в комнату. Осматриваю результат своих трудов: краска высохла, и рисунок смотрится потрясающе; три другие стены выкрасила в светло-серый цвет, чтобы моя работа выделялась и была акцентом, ярким пятном, интерьера.

«И я уже знаю, чем хочу заниматься, как окончу институт...» — муки выбора позади. Буду продвигаться, как художник и дизайнер. Даже на курсы пойду.

Вскоре появились рабочие. Справились за несколько часов, разместив все по моему плану. Осталось только убрать и повесить шторы.

И вот, лежа на пушистом ковре, я была довольна, что удалось так быстро оформить

детскую. Правда, разные мелочи надо добавить, но это уже потом, когда познакомлюсь с Максом. Еще здесь нет игрушек. Что он любит? Не знаю...

А завтра утром они приедут. Ян просил не встречать в аэропорту. В домашней обстановке будет проще всем.

Как же я волновалась... Не передать словами...

Мысленно прокручивала момент встречи сотни раз, и вряд ли приблизилась хоть немного к реальности.

С самого утра отвлекалась приготовлением еды (сразу на весь день), лишь бы не накручивать себя еще больше, но ближе ко времени приезда нервозность усилилась. Я уже знала, что самолет приземлился. Ян оправил сообщение, что Гена забрал их, и скоро они появятся. На месте усидеть не могла: ходила по гостиной, обняв себя руками. Сердце колотилось так сильно, что вызывало легкую тошноту и головокружение... В глазах — лихорадочный блеск, щеки покраснелись... Мне не надо себя видеть, чтобы понять это.

Очень рада, что одна сейчас. Мама с Виолеттой Павловной возвращаются завтра. И обе считают: сегодняшний день мы должны провести вместе...

Поднялась наверх, убедиться: что мне действительно нравится комната, что я не обманываюсь в своем предчувствии, и что Макс у новое жилье придется по душе.

— Мы дома! — донеслось снизу. Бархатный голос Яна разнесся по дому.

А у меня чуть ноги не подкосились.

«Дыши, Тина, дыши... Все будет хорошо, по-другому просто не может быть» — говорила сама себе.

Крепко держась за перила, спустилась.

Первой мыслью было кинуться в объятия любимого. Присутствие ребенка меня остановило. Глаза Яна отражают мое желание — нетерпение и необходимость ощутить друг друга, поцеловать...

Но никто не двигается.

Я перевела взгляд на мальчика, что держится за руку Яна. Рослый, крепкий, маленькая копия своего отца — только за одно это его можно полюбить... Он смотрит на меня с интересом. И я не знаю, что сказать...

Макс дергает папу за рукав, привлекая к себе внимание.

— Кто это?

Его слова заставляют сдвинуться с места и подойти. Присев на уровень его глаз, протянула свою руку, на которую мальчик хмуро уставился.

— Я Тина. Привет, — скромно улыбаюсь, не хочу спугнуть.

— Пап, кто это? — повторяет вопрос Макс.

Ян тоже присаживается.

— Это Тина.

— Она твоя жена?

— Нет, но...

— Вы живете вместе?

— Да.

Макс внимательно сканирует меня. Никогда не думала, что у детей может быть такой взгляд. И то, как он уверенно говорит... как взрослый человек...

— Она мне нравится, — утвердительно заявляет он.

— Мне тоже, — улыбается Ян и проводит рукой по голове сына.

А я облегченно выдыхаю. Знакомство удалось, первое впечатление оказалось самым что ни на есть приятным.

— Привет, я Максимилиан. Можно Макс, — берет мою правую руку и галантно целует, едва прикоснувшись губами.

«Это так мило» — думаю про себя. И смотрю на Яна, который не скрывает довольного вида.

— У меня есть для тебя сюрприз, — говорю Максиму.

— Какой? — любопытство загорается в его голубых глазах.

— Пойдем, я покажу твою комнату. Я сама сделала для тебя. Надеюсь, понравится.

— Для меня? — на его вопрос киваю. — Пошли, скорее, — он крепко хватает мою ладонь, и тянет за собой.

Привожу его в комнату, распахиваю дверь и жду. Сзади подходит Ян, обнимая за талию, трется носом о мою щеку и касается виска поцелуем. К ни го люб . нет

Конечно, Макса сразу привлекает расписная стена. Он водит по ней рукой и восторженно разглядывает. Потом идет к кровати — она в форме машины, даже фары горят, это вместо ночника. Тут еще стоят: угловой шкаф, комод, стол и мягкая зона из кресел-мешков. Не хватает мелочей...

— Красиво, я люблю смотреть мультики про героев. Ты сама рисовала? — спрашивает он, вернувшись к стене.

— Специально для тебя, — мягко отвечаю. Хочу искренне подружиться с сыном любимого человека.

— Для меня? Правда? — уже второй раз переспрашивает, для него ли, такое ощущение, что мальчик жил не самой радостной жизнью.

— Правда. Тебе нравится?

— Да. Для меня только папа всегда старается, — с грустью говорит Макс.

— Можно я тоже буду? — аккуратно интересуюсь.

— Можно. А ты кормить меня будешь? Мама никогда не готовила, — вопрос удивил, видимо только няня заботилась о нем.

— Буду, я даже торт испекла. Хочешь?

— Да! — кричит и, пробегая мимо нас, несется вниз по лестнице.

«Макс — сложный ребенок?» — ну, не знаю...

— Есть хоть кто-нибудь, кому ты не нравишься? — Ян задерживает меня, прижимая к себе.

— Не проверяла... Я так соскучилась.

Тянусь к нему получить свой поцелуй. Его губы властно захватывают мои, проникая языком внутрь. И так хочется продолжить, но... Громкий голос Макса зовет нас.

День прошел насыщенно...

Когда Макс спросил о бабушке, то не поверил, будто она в больнице и потребовал (я бы подчеркнула это слово, интересно в кого он такой?) отвезти его к ней. Заверения, что она приедет завтра — пропустил мимо ушей. Правда, потом сказал: если она жива — покажите. Душевное спокойствие важнее. Оказывается, это он застал мать мертвой и сидел рядом, пытаясь ее разбудить, пока не пришла няня и не вызвала полицию.

«Бедный ребенок. Что ему пришлось вынести...» — боюсь представить... Сейчас он в безопасности. И я сама приложу все усилия, чтобы он забыл пережитый ужас.

Мы сходили в кинотеатр и развлекательный центр, играли на автоматах, ели

мороженное и даже прыгали на багутах... И, вероятно, со стороны, выглядели семьей. Так я ощущала.

Как только вернулись домой, Макс сразу попросился спать. Папа ушел вместе с ним в детскую.

Признаться, тоже утомилась. И решила пока выпить чай.

Не заметила, как, через некоторое время, сзади подкрался Ян, хотя ждала чего-то такого и перестала дергаться всякий раз от неожиданности. Чашка с горячим напитком не покачнулась в руках. Все же поставила ее на стол и отодвинула подальше.

Одна его рука залезла под мою футболку, нетерпеливо сжимая грудь, а вторая — пробралась под резинку штанов и трусиков. Губами скользил по шее, обдавая жарким дыханием...

Я ухватила Яна за голову, сильнее прижимаясь к нему, и ощущая, насколько сильно он возбужден.

— Хочу тебя... Весь день еле сдерживаюсь.

— А Макс?

— Уже спит.

— Уверен?

Тут дверь кухни шумно открывается. И хорошо, что мы стояли к Максиму спиной, иначе он увидел бы лишнего...

— Папа?

Ян досадно выдыхает. И отстраняется от меня.

— Ты почему не спишь?

— Молоко. Ты обещал и не принес...

— Я налью, — быстро говорю Яну, чтоб не суетился, ведь мне приятно заботиться о его сыне. Достāju из холодильника бутылку, потом уточняю у Макса: — Тебе же теплое?

Он кивает и смотрит на нас с подозрением.

— Я вам помешал? Вы хотели целоваться...

Эта фраза отозвалась в моем сердце колкой болью. Такое чувство, будто он не раз слышал подобное, когда хочет внимания, а его гонят...

Опускаюсь перед ним, заглядывая в глаза.

— В этом доме ты никогда и никому не будешь мешать. Запомни.

Он изучает мое лицо, а потом так крепко обнимает за шею, что я чуть не выронила стакан из рук, который собиралась отдать ему.

— Ты добрая и очень-очень хорошая. Я буду любить тебя. Можно?

— Конечно, малыш, — отвечаю, не задумываясь. Его слова меня трогают.

Макс берет стакан из моих рук, смотрит на отца и говорит:

— Папа, я разрешаю тебе целовать Тину. Только не обижай ее.

И уходит, оставляя нас в растерянности. Вот так поворот...

— У меня появился конкурент, — смеется Ян, подхватывая меня на руки. — Пойдем в гостевую, оттуда нас не будет слышно наверху.

— Ты уверен, что...

Не успеваю высказать сомнения, закрывает мой рот поцелуем.

— Мне разрешено тебя целовать. Не могу послушаться сына. Только ему совсем необязательно знать, где еще я хочу ласкать тебя.

Мы ввалились в комнату, охваченные желанием. Не забыли повернуть ключ. Торопливо

избавились от одежды. И предались самому прекрасному, самому фееричному, самому страстному и сжигающему в своих ощущениях сексу...

Мы не занимались любовью, как некоторым нравится говорить, разделяя понятия «секс» и «любовь», мне не по душе такое звучание — заниматься тем, что является возвышенным чувством.

Любовь в нас есть, но...

Наши действия намного глубже, развратнее, не знающие границ и запретов... Я называю это — отдаваться без остатка, терять связь с реальностью, уноситься в другой мир, растворяться друг в друге... творить порно в постели...

По телу пробегает судорога... Внутри все сжимается... Я не могу сдержать стон... Ян накрывает мои губы поцелуем, заглушая звуки наслаждения. Ускоряется. Через пару мгновений обмякает, придавив тяжестью своего тела. Оба дышим учащенно... И, кажется, после двух часов удовольствий, нам мало.

Ян упирается лбом в мой лоб, приподнимаясь на локтях.

— Я утомил тебя?

— Нет... — обнимаю его за шею.

— Примем душ и будем отдыхать? А то Макс рано просыпается.

— Надеюсь, твой сын не слышал нас... Ты заметил, как он говорил о поцелуях, в этом звучало нечто другое...

— Я не удивлюсь, если Макс видел мать с любовниками.

— Мы должны быть осторожны...

— Хватит болтать. Пошли.

Любимый протягивает мне руку и тянет за собой в душ, где мы еще задерживаемся ненадолго...

Потом поднимаемся в нашу спальню, но хочу взглянуть на Макса, убедиться, что он крепко спит и одеялом укрыт. Не хочу, чтобы ребенок замерз.

— Ты куда? — останавливает Ян, обвивая рукой мою талию.

— Зайду к Максусу.

— Сладкая моя, — он касается легким поцелуем. — После того, что ты с нами сделала, просто обязана выйти за нас замуж.

— За вас? И что же я натворила?

— Да, за нас. Приручила меня, что можешь веревки вить, и Максусу сразу понравилась, с нем родная мать никогда так не заботилась. Применила запрещенные методы. Поэтому должна...

— Это предложение? — хитро улыбаюсь.

— Это констатация факта, — твердо заявляет он. — Не отвертись.

— А я не собираюсь сопротивляться, — смело говорю, намекая, что готова. — Хотя в моих действиях нет ничего особенного.

— Есть. Ты умеешь любить — это бесценно.

Утром ощущаю тяжесть в ногах, будто сверху что-то положили. Пытаюсь повернуться, но не могу. Открываю глаза. И вижу, что там лежит Макс. Он и придавил мои ноги, не давая пошевелиться. Я не сильно удивилась его приходу. Сама в детстве часто пробиралась к родителям в спальню.

Аккуратно подтянув к себе ноги, чтобы не разбудить мальчика, встала.

«Как сладко он спит и смешно сопит... И так похож на Яна...» — провела рукой по его светлым волосам, не удержалась и поцеловала в лоб, ощутив детский и такой чудесный аромат — молочно-медовый.

Взяв нелегкого Макса в руки, уложила на подушку и укрыла одеялом.

«Мои мальчики» — улыбнулась своим мыслям, а главное, проснувшемуся материнскому инстинкту и желанию стать ею для него, насколько это возможно.

Смотреть на них могу сколь угодно долго... Мои...

Пока они спят, решаю заняться завтраком.

Спускаюсь по лестнице и не сразу слышу маленькие шаги вдогонку.

— Тина? — звонкий голос Макса.

— Ты проснулся? — какой он забавный, даже волосы топорщатся в том же месте, как у отца.

— Да. Давно. Не хотел будить вас...

— Я уже собиралась вставать...

— Что ты будешь делать? — интересуется он.

— Сначала умоюсь, потом буду оладья печь. Ты любишь оладья?

— С джемом? — уточняет, а на лице такая серьезность, словно важный вопрос решает.

— С чем захочешь: джем, сметана, сгущенка...

— Тогда буду. Все хочу!

— Пойдем, умоемся, — протягиваю руку, за которую он быстро схватился. — Поможешь мне готовить?

— А можно?

— Конечно, — улыбаюсь его постоянным вопросам и блеску, что загорается в глазах, когда слышит что-то интересное для себя.

Уже на кухне доверяю ему взбить яйца с сахаром. Макс залез на стул коленями и усердно старался, морща свой нос. Остальное доделала сама.

На аромат готовой еды спустился Ян. Когда заметила его в дверях за подглядыванием, такого довольного, поймала себя на мысли, что мы заслужили наше счастье. Он — после неудачных попыток устроить личную жизнь, в которой все сводилось к коротким связям (даже не отношениям), что превратило его в циника на долгое время. Что касается меня, то встреча с ним — награда изголодавшейся душе по теплу и любви...

— Папа! — Макс, увидев отца, кинулся к нему обниматься.

Держа на руках сына, Ян подошел ко мне и поцеловал.

— Доброе утро.

— Доброе... — стесняюсь немного, поэтому сразу предлагаю: — Давайте, поедим...

Макс уплетал с таким заразительным аппетитом, что невозможно устоять, и мы присоединяемся к нему.

— Я все. Спасибо, — говорит Макс и слезает со стула. — Мульттики буду смотреть.

— Макс? — зову его. — Ты ничего не забыл? — уточняю.

Мальчик внимательно смотрит. И не понимает, что хочу от него, ведь поблагодарил.

Пожимает плечами. А потом подходит ко мне и целует в щеку жирными от еды губами.

— Уверен, что точно все?

Не понимает и целует вторую щеку, оставляя еще один жирный след.

— Макс. Руки вытри и рот, а лучше помой, — улыбаюсь.

— А, забыл! — смеется.

Берет салфетку, вытирается сам, потом мои щеки. И от его заботливого жеста я пропала... Это ребенок покорила меня навсегда.

Виолетта Павловна и мама вернулись к одиннадцати часам. И мы смогли уехать. Надеюсь, они справятся... Макс не растерялся и решил, что две бабушки лучше и наградила мою маму этим званием досрочно. Она, конечно, растаяла от таких слов. Этот ребенок никого не оставит равнодушным.

У Яна накопилось много работы и сегодня я нужна, чтоб помочь с бумажными делами.

Такой возможности провести весь день вместе только рада.

— Тина? Надо решить вопрос с практикой.

— Да, много пропустила... Ничего не успеваю...

— Только скажи: и я закрою этот вопрос навсегда, необходимости ходить туда не будет, более того, даже диплом можешь получить раньше, основания найдутся.

Я нахмурилась. Идея мне не по душе.

— Ты уже отучилась, остальное — формальности, — настаивает он.

— Не знаю... Как-то это...

— Нормально это. Никто не сомневается в твоём уме.

— Все можешь? — он отвлекается на пару секунд от дороги и улыбается уголком губ.

— С одной стороны, я не хочу разрываться, и это было бы кстати, но...

— Хватит сомневаться. Не можешь решиться — тогда решу за тебя.

— Ян...

— Займись лучше творчеством. И я все еще жду обещанную картину. Ты на самом деле талантлива. То, что сделала для Макса — это потрясающе.

— Хочу твой портрет попробовать написать.

— Только не это...

— Это условие: я соглашаюсь на твоё вмешательство в свою учебу, а ты — будешь моей моделью.

— Что ж... Разумный компромисс... Шантажистка!

— Беру пример с тебя.

Домой возвращаюсь одна.

Ян задержится, рабочего дня не хватило на решение разных вопросов.

По пути заезжаю в квартиру, обмерить комнату, из которой тоже планирую сделать детскую, комфортно должно быть везде, в городе мы тоже будем оставаться.

Неожиданно для себя, думаю, что хочу ребенка. Одного похожего на Яна мне мало. А Макса я уже считаю своим и отношение к нему не изменится — никогда не почувствует себя ненужным и одиноким. Мне кажется, он обрадовался бы сестре или брату. И из него получился бы хороший помощник и старший брат. Надо аккуратно у него спросить.

Но не тороплю ли я события? И предложение пока не услышала... От романтики и красивого жеста не откажусь. Увидеть Яна, стоящего на коленях передо мной, по- моему, звучит заманчиво. Я подожду его действий, и не без удовольствия, посмотрю, что он скажет.

«Что-то я увлеклась» — оглядев комнату, выхожу из квартиры.

На первом этаже дома есть супермаркет, захожу туда и покупаю разные сладости, думая о Максе. Не могу вернуться с пустыми руками.

При виде меня, он несется навстречу, чуть не сбивая с ног. Обнимает за талию, уткнувшись в живот. Так приятно, что чуть не плачу, особенно после разыгравшихся мечтаний.

— Я скучал, — громко говорит Макс.

— Я тоже, — присаживаюсь возле него. — Смотри, что у меня есть.

Показываю пакет. Он открывает его, глаза расширяются от удивления. Как мало надо этому ребенку для радости.

— Это все мне?

— Тебе. Но если хочешь поделиться с кем-то — я не против.

— Всех угощу! — целует меня в щеку и бежит в оранжерею, выкрикивая имя бабушек,

уже двух.

На часах десять вечера и Яна пока нет...

Что бы время пролетело незаметно, пока жду его, отвлекаюсь чтением, погружившись в сюжет, так похожий на нашу встречу, словно столкновение, дальнейшую борьбу за право быть счастливыми и отношения на грани противоречивых чувств...

Это заставило вспомнить события последних месяцев.

Отложив в сторону книгу, увидела жмущегося в дверях Макса. Он неуверенно переминался с ноги на ногу.

— Не спится? — спрашиваю и похлопываю по кровати рядом с собой. — Ложись, пока папа не пришел. Все равно не сплю.

— Правда, можно?

Киваю. И он радостно прыгает в постель.

— Сказки любишь?

— Не знаю... Мама не читала. Няня всегда мультики включала или конструктор давала, чтобы «не путался под ногами» — так она говорила. Но картинки в книжках я люблю смотреть.

В очередной раз испытала боль за него. Разве можно его не любить? Разве может он быть в тягость? И, несмотря на все, Макс — смысленный, не отличается от детей его возраста. Но теперь у меня будет больше времени заняться развитием.

— А давай, придумаем сказку? — предлагаю и вижу знакомый блеск любопытства в глазах.

— Это как?

— Я начну рассказывать, ты продолжишь. Будет у нас своя история. А?

— Да, да, да! — загомосил он и начал прыгать на кровати.

— Макс, тише... Вдруг наши бабушки уже спят?

— Они чай пьют. Я проверял.

— В шпиона играешь? — спрашиваю, а сама думаю, лишь за нами с Яном не вздумал следить. И так неудобно предаваться страстям, когда мы не одни.

— Это интересно, — смеется и падает на подушку, — прятался сегодня от них, подглядывал из своего укрытия, а потом услышал «мы сдаемся, выходи», но я же не глупый — подкрался сзади, и тихо ходил за ними. И убежал, как только меня заметили.

— Ах ты, шалунишка, — я схватила его и стала щекотать.

Заливистый смех Макса отразился от стен. И потревожил бабушек, которые тут же прибежали.

— У нас все хорошо, — машу им рукой.

— Я думала, ты спишь, Макс, — сказала Виолетта Павловна.

— Нееет! Мы будем сказку сочинять! — продолжает смеяться он.

— Да, да, не беспокойтесь: я прослежу, чтобы он лег спать.

— Ладно, пойдем, Лида, им и без нас весело.

Бабушки ушли, а мы устроились удобнее и погрузились в сказочный мир — с единорогами, огнедышащими драконами и другими вымышленными существами.

Макс уснул, свернувшись клубочком возле меня. Я поглаживала его по голове, перебирая волосы. Мне нравились эти новые ощущения и эмоции, что поселились внутри с его появлением.

В таком виде нас застал Ян.

— Ого, — удивляется, не ожидая увидеть такую картину, хотя мне кажется это уже привычным, будто всегда укладывала спать, — Тина, у тебя просто талант: заклинатель непоседливых детей, — он подходит и, наклонившись ко мне, нежно целует.

— Надо отнести его. Для меня Макс тяжеловат...

Говорим тихо-тихо, чтоб никого не потревожить.

— Сейчас отнесу, — он аккуратно берет сына на руки. И от этого зрелища по телу разливается тепло. Нет ничего приятнее, чем смотреть на отца со своим ребенком.

— Ты голоден? — интересуюсь, идя следом, но знаю: в такое позднее время Ян крайне редко ест.

— Да, но этот голод к еде не имеет отношения...

— Ян...

— Ты утолишь мой голод, сладкая? — бегло оборачивается, поймав мой взгляд. — Хотя твои глаза говорят сами за себя... Иди, готовься...

Как у него так, получается: возбудить одними словами? Стоит добавить томный взгляд, хитрую улыбку, изгиб бровей... А если приблизится, то его запах, руки, губы, голос, дыхание — сводят с ума. Становлюсь словно пластилин, поддаваясь умелым действиям...

Он мой хищник, я — жертва, добровольно идущая в лапы зверя получить свою дозу сладкой пытки. Сгорать в объятиях и просить еще... и еще...

Я ненормальная, когда дело касается Яна.

— Я одержим тобой, — повторяет он мои мысли, целуя мне спину.

Он только вышел из душа... С тела местами капает вода и, попадая на мою разгоряченную кожу от трепетного ожидания, распалает еще больше.

Хочу повернуться к нему лицом, но он не дает. Вместо этого продолжает целовать и гладить мою спину. Его рука проникает между моих ног... Приподнимаю бедра навстречу...

— Уфф... какая влажная... — он кусает кожу до легкой боли, а я вскрикиваю, уткнувшись в подушку.

— Тшш... — шепчет в ухо, продолжая ласкать меня.

— Ян, дай касаться тебя...

— Нет.

Резко разворачивает, заводит мои руки за голову и впивается жадным поцелуем... Я чувствую его возбужденную плоть, хочу, чтобы он оказался внутри. Трусь об него... За что получаю укус в губу...

— Потерпи. Дай насладиться твоей дрожью.

— Дразнишь меня?

— Нет, сладкая, — голос звучит загадочно.

— Хочешь, чтобы умоляла? — вдруг приходит догадка.

— О, даааа... — от этого длинного «да» по телу проносится волна той самой волнительной дрожи.

— Ян, пожалуйста...

— Еще... — терзает языком грудь.

— Прошу...

— Скажи, что хочешь и любишь...

— Хочу тебя...

— И...

— Люблю тебя... Ян!

Толчок вперед. И мы уносимся на запредельные высоты. Он удерживает мои запястья и не дает трогать себя. Его движения нежны и грубы одновременно... То мучительно медленно, то нетерпеливо быстро... и глубоко... Извиваюсь под ним, обхватив торс ногами. А наши стоны исчезают в непрерывном поцелуе. И, кажется, будто хотим съесть друг друга.

Взрыв. Фейерверк. Распадаюсь на мелкие кусочки. Содрогаюсь и протяжно мычу. Ян прикрывает мой рот ладонью, не давая разбудить криками весь дом.

Он ложится рядом, пытаясь отдышаться. Прижимает к своей груди. Слушаю стук сердца — бешеные удары постепенно приходят в норму. Покрываю его кожу мелкими поцелуями...

— Ты мое счастье, — тихо говорю.

— А ты мое, — повторяет за мной. И укрывает нас одеялом, что откинуто было в сторону.

— В душ не пойдём? — приподнимаю голову, но Ян возвращает меня назад.

— Нет... Хочу продлить момент удовольствия и сразу погрузиться в сон.

— Я только «за», — чувствую, как сонливость подкрадывается, прикрываю веки.

— Кстати, утром задержимся немного. Хочу всех собрать, кое-что сказать или объявить...

— Что задумал? — спрашиваю устало.

— Узнаешь завтра...

— Так нечестно, заинтриговал и не говоришь, — возмущаюсь больше для вида. Не расскажет ведь...

— Именно. Спокойной ночи, сладкая.

— Ян?

— Спи.

Крепко сжимает в кольце своих рук, не позволяя пошевелиться.

Просыпаюсь одна. На часах около десяти утра...

Резко сажусь, но потом вспоминаю: сегодня мы не торопимся. «Ах, да, задержимся по очень важному сообщению Яна» — о чем он умолчал, оставляя в неведении.

Снизу доносятся смех и радостные возгласы Макса.

«Что происходит? Почему веселье без меня?» — даже немного обидно, что никто не разбудил раньше.

Натягиваю халатик и плетусь в душ. И уже после спускаюсь на первый этаж. Когда мою персону замечают (а тут собрались все домочадцы), они сразу замолкают и ведут себя подозрительно, при этом улыбки не сходят с их лиц.

— Всем привет... — оглядываю толпу заговорщиков, в чем не сомневаюсь: придумали они что-то...

В ответ со мной здороваются, и каждый продолжает заниматься своими делами: мамы на стол накрывают, Ян смотрит утренние новости, рядом с ним сидит Макс рисует...

И снова эти смешки...

— Я позеленела за ночь и не вижу этого? — возмущаюсь от их поведения.

Меня игнорируют.

— Кто-нибудь скажет, что со всеми вами?

Опять тишина. Начинаю раздражаться...

— Завтрак готов! — одновременно зовут обе мамы.

Иду к столу, демонстративно топая ногами. С грохотом сажусь. Накладываю в тарелку еду. И ем, разглядывая «предателей». Вкуса почти не чувствую. Все мысли занимает задуманное против меня «зло».

— Ты решила съесть все? — спрашивает Ян, когда я тянусь за добавкой, хотя тарелка полна.

Натянуто улыбаюсь и не обращаю внимания на его слова. Я себе не враг, да и не влезет в меня столько. Пытаюсь соответствовать остальным и вести себя подозрительно. Может так впустят в круг избранных?

Но нет, все продолжается...

В такой атмосфере, со странными переглядываниями, под аккомпанемент вилок, ложек, чашек и блюдец протекает завтрак, к концу которого окончательно обижаюсь.

И собираюсь уйти, раз почему-то не заслужила знать супер-новости.

Ян останавливает меня.

— Не уходи.

— Да...

«...идите вы все...» — прозвучало, но только в моей голове.

— Присядь, — он отставил стул от стола и усадил меня на него.

Макс куда-то убежал, а вернувшись, держал за спиной что-то. Я хотела подглядеть, наклонилась, но Ян не дал.

— Сиди смирно.

Мамы смотрят и тихо посмеиваются, перешептываясь...

«Как мне это надоело!».

— Итак... — берет слово любимый. — Ни для кого не секрет, что мы с Тиной любим

друг друга, могу бесконечно рассказывать об этом... Но не сейчас. Мы собираемся прожить долгую счастливую жизнь, хотя как оказалось этого не достаточно...

«Что за театральный тон и пафосные речи?» — хмурюсь и слушаю дальше.

— ...не достаточно, чтобы считаться полноценной семьей...

Сердце пустилось вскачь, когда поняла, куда он клонит. Думала, это формальность, наша свадьба — вопрос решенный, и я готова услышать предложение, а сейчас разволновалась... И вообще, рассчитывала на интимность момента.

Он опускается передо мной на одно колено, достает коробочку и, протягивая, говорит:

— Будь моей женой. Вместе и навсегда.

Чувствую, как наворачиваются слезы...

— Макс, ты тоже хотел что-то сказать, — зовет его Ян.

Мальчик быстро подбегает и в отличие от папы не проверяет мои нервы на крепость, но тем эмоциональнее реагирую. Подобно отцу, опускается на колено. Достает маленький букетик цветов из-за спины.

— Будь моей мамой! — звонко голосит он.

Все. Это запрещенные приемы.

Закрываю лицо ладонями и плачу.

— Пап, мы обидели ее? — расстроился Макс.

— Девочки часто плачут, когда счастливы. Правда, Тина? — отрывает мои руки от глаз.

Тянусь и обнимаю обоих.

— Люблю вас...

— Ну, наконец-то, свершилось! Будет свадьба! — говорит Виолетта Павловна.

— Поздравляю вас! — присоединяется моя мама.

— Так, стоп. Кажется, я не ответила? — смотрю на всех, их глаза отражают крайнюю степень негодования. Пожалуй, только Макс держит нейтралитет.

— Кто тебя спросит! — звучит разом коллективная фраза. Вот вам и заговор...

Ян поднимает меня со стула и целомудренно целует. А я скромно прячусь в его объятиях, ощутив, как покраснелись щеки.

Свадьба... Приятные хлопоты? Серьезно?

Ну-ну... Только не в моем представлении...

Такой нервозности я никогда не испытывала. Последний месяц до заветного времени «Х» дался с трудом...

Мне вообще хотелось тихой скромной свадьбы, в узком кругу. Но разве нам простят, если никого не пригласим и скроем событие года. Без шуток. Ян, как закоренелый холостяк и завидный жених мгновенно привлек внимание прессы, которые писали о нас в меру своей испорченности: от брака по расчету, имея в виду меня, конечно, обозвав — охотницей за деньгами; до фиктивного брака в целях отмыть репутацию, обзавестись образцово-показательной семьей — это уже о Яне, о котором ходят слухи, будто он хочет стать депутатом. Бред... И хоть кто-нибудь сказал о чувствах — что в понятии журналистов звучит банально и скучно («пипл не хаваает» — гласит известная фраза).

«О, Боже, как все выдержать?».

— Тина, хватит! — в мои мысли врзается мелодичный голос Ксюши.

Ксения — это сестра Яна. Приехала не только на нашу свадьбу, но и на летние каникулы. Она младше меня на три года. Мы успели подружиться. Сестра над братом не перестает посмеиваться, что оказалась права: найдется на его голову «заноза» и засядет там

навсегда. И глядя на их перепалки, уже не удивляюсь их внешней похожести. Ксюша имеет те же платиновые волосы и светло-голубые глаза, как у брата и матери. Вот это порода — смотрю и по-доброму завидую. Хочу, чтобы наши будущие дети были похожи на него...

— Хватит, — повторяет она, аккуратно убирая мою руку от фаты, край которой теребила. — Испортишь. Перестань так волноваться. Все пройдет идеально.

— Легко сказать, это не ты замуж выходишь... И все эти люди... Там же не меньше сотни человек... Я от силы знаю человек двадцать, еще столько же — догадываюсь кто. А остальные?

— Не бери в голову. Для тебя должен существовать только Ян в этот день. Другим же просто хочется погулять от души.

— Регистратор приехал? — уточняю.

— Да, ты уже спрашивала.

— А... Ян... Он там, внизу?

— Конечно! Куда ему деться, по-твоему? Сам весь на нервах, хоть и делает беззаботный вид.

— А Макс?

— Он тебе, зачем сейчас? Макс с бабушками и другими детьми.

— Когда уже выходить? — подхожу к зеркалу, осматривая себя.

Никаких пышных юбок и излишнего блеска. Мой выбор остановился на платье по фигуре, так называемого «русалочьего фасона», с небольшим шлейфом, цвета слоновой кости. Фату не хотела вовсе, но обе мамы настояли, причем выбрали такую, чтобы можно было опустить на лицо, представляя потом, как во время церемонии Ян откинет ее назад и у него перехватит дыхание... Фантазия на высоте...

— Не терпится? — улыбается Ксюша, поправляя шлейф. — Ты красиво выглядишь.

— Извелась вся...

— Пойду: спрошу, когда начинаем. И не вздумай садиться!

«Садиться?» — да я кое-как удерживаю себя на месте.

Внезапно начинает звучать музыка. А вместе с ней дрожь в коленках.

— Тина? Пора, — Ксюша открыла дверь и ждет, когда я выйду.

— Я не могу...

— Что? — в глазах растерянность. Она не о том, подумала.

— Не могу сдвинуться, ноги слабые... Боюсь упасть...

— Что же с вами влюбленными делать... Ян?! — кричит громко, высунувшись за пределы комнаты, он должен ждать меня в конце лестницы. — Тина не выйдет! Приходи и забирай!

Слышатся быстрые шаги.

Любимый появляется на пороге. На нем кремовый смокинг, что только подчеркивает его внешность. Сейчас он похож на ангела, прекрасного в своем совершенстве, но я-то знаю его дьявольскую сущность...

Окидывает взглядом и улыбается. Это придает уверенности, и я делаю несколько шагов в его направлении. Не дожидаясь, пока подойду, Ян приближается и аккуратно берет меня руки.

В таком виде выходим из дома под ликующие возгласы родственников и гостей. Он опускает меня на ноги. И мы идем. В саду раскинут гигантский шатер, где стоят столы. А рядом соорудили цветочную арку, где нас ожидает регистратор.

А дальше, как в тумане... Торжественная речь... Клятвы... Дайте согласие... Поставьте подписи... Можете поцеловать невесту... Бесконечные поздравления... И если бы Ян не поддерживал меня под локоть, то свалилась бы...

Правда, предпочла бы тихо расписаться и скромно отметить...

В середине вечера, мы уехали в городскую квартиру.

Первая брачная ночь. Хотя для меня она ничем не отличается от остальных проведенных вместе ночей. Только комната сейчас украшена множеством свечей и лепестками роз, которые тянулись еще из прихожей.

— Ты не против, если выпью немного шампанского? — спрашивает Ян.

— Нет, — устало откидываюсь на кровати.

— Эй... — он опускается сверху и быстро целует. — Даже не вздумай отключаться.

— В этом платье я не усну... Мне нужна твоя помощь... И не хочу спать, просто расслабляюсь в тишине.

— Сейчас вернусь.

Он приходит с ведром для льда, а в нем бутылка.

— Тебе немного будет? — приподнимаюсь на локтях.

— Я не собираюсь все выпивать. Хотя с моей весовой категорией, опьянеть сложно.

— У тебя идеальная весовая категория. В твоих руках ощущаю себя такой защищенной...

— Это потому что ты маленькая и хрупкая, — он протягивает мне руку и тянет на себя. — Давай, раздену. Где этот шедевр трудов швейного мастера расстегивается?

— Сзади...

Ян не торопится расстегнуть платье. Он целует обнаженные плечи и шею, местами покусывая их. Его бедра прижимаются ко мне, и чувствую, насколько он возбужден. Трусь попой об него...

— Тина, Тина... соблазнила взрослого мужика... И не стыдно тебе? — от его слов, сказанных прямо в ухо, бросило в жар.

— Нет... не стыдно... Расстегивай уже...

Молния поддалась ловкому движению руки, а я испытала облегчение и свободу от одежды, которая надоела за весь день. Платье упало в ноги. Хотела избавиться от белья и чулок, но Ян остановил:

— Нет-нет, не снимай.

А моих глаз коснулась плотная повязка.

— Что ты задумал?

— Меня не покидает мысль, что ты много болтаешь, в этот момент хочется засунуть кляп в твой ротик, — он сжимает мою грудь через тонкое кружево. — Но с другой стороны: тогда не услышу, как выкрикиваешь мое имя, дойдя до пика удовольствия.

Ян резко толкает меня вперед, я падаю на кровать, пружиня на матрасе. Не успеваю повернуться и оказываюсь — прижата его телом. Он кусает спину снова...

«Это моя эрогенная зона» — о чем любимый быстро разузнал, и умело пользуется этим.

— Связать бы тебя всю, но опять же люблю, когда извиваешься...

— Ян...

— Молчи... Дай насладиться тобой.

Он встает. Лежу не двигаюсь. Слышу, как снимает одежду, как наливает шампанского и делает большой глоток.

Возвращается ко мне. Переворачивает. Садится мне на ноги, а запястья фиксирует руками.

— Такая послушная... Ты там не уснула? — тихо смеется.

— Разве я могу уснуть?

— Правильно. Я не дам.

И тут я чувствую холод на своем животе.

— Это лед? — вздрагиваю от этих ощущений.

— Дааа...

Потом он перемещается к груди и через ткань бюстгалтера водит зажатым в зубах кусочком льда по соску, усиливая возбуждение. Выгибаюсь насколько могу, находясь в тугих оковах.

Лед касается моих губ. Мне нравится, как от Яна пахнет шампанским. И в этот момент жалею, что не переношу алкоголь, ведь тогда бы он дал выпить из своего рта. А так — лишь капли воды проникают в меня... От этих мыслей застонала.

— Не терпится?

— Да... — выдыхаю, мой голос дрожит.

— Сегодня устраивать секс-марафон не станем. Оставим это на предстоящий отдых... Сейчас я возьму тебя сладко-нежно, буду ласкать тебя, а ты кричи, не сдерживайся, есть только ты и я...

Вечером мы уезжали. Тот самый сюрприз, что Ян планировал еще раньше, правда он не уточнял, что на момент поездки я уже стану его женой.

Какое-то райское местечко в индийском океане, где «...солнце круглый год, уникальная природа, тихие отели, затерянные в бухтах с бирюзовой водой, белоснежным песком...» — так гласил рекламный проспект.

Разве это не здорово? Тишина, уединенность... И только мы... Просто мечта всех молодоженов!

Но день хотела провести с Максом. Я сильно привязалась к нему, как и он ко мне. Хотя мамой не называет пока, иногда лишь слышу, как слово застрекает в его фразе и не решается сказать...

Ян выразил сомнения, надо ли ехать в поселок. Ведь Макс станет проситься с нами, будет капризничать... Одним словом — расстроится. А планы от этого не изменятся.

— Не могу не приехать, обещала...

— Мне, конечно, приятно, что ты так любишь моего сына, но сама же будешь потом лить слезы.

— А тебе все равно, что ли?

— Не утрируй... Макс останется с бабушками и тетей, они уже целую программу развлечений разработали. А у нас медовые десять дней.

— Ты прав... Но хочу его видеть.

— И так едем... Учти: устроит истерику — успокаиваешь ты.

— Не переживай — успокою.

Как только заехали во двор, Макс, игравший на улице, побежал в нашу сторону. И по сложившейся традиции, сразу ко мне обниматься. А с папой они теперь здороваются повзрослому — жмут друг другу руки.

Идем в дом. Сумасшедший аромат выпечки разнесся за его пределы и манил. У меня во рту увлажнилось от желания вгрызться зубами в румяный бочок булочки (или что там наши

мамы испекли?).

— Тина? — Ян коснулся моей щеки, отвлекая от вкусных мыслей. — Ты хорошо себя чувствуешь?

— Да, почему спрашиваешь? — а сама принохиваюсь, глубоко вдыхая.

— У тебя такой взгляд... дикий что ли...

— Есть хочу...

— Ты много ешь в последнее время... Смотри: сама будешь расстраиваться из-за веса.

— Я умерю аппетит, — обещаю, но понимаю: сегодня не удержусь от искушения. Не сегодня, ох, не сегодня...

День проходит вполне спокойно, по-семейному, уютно... Но к моменту отъезда Макс начинает вредничать, требовать внимания и моего, и папиного. Постоянно виснул на нас... Просился взять его...

— Макс, мы ненадолго, — говорю, глядя по голове. Он сидит у меня на коленях, прижимаясь.

— Хорошо, я не буду плакать, пока вас нет, и слушаться буду.

— Ты молодец. Мы что-нибудь привезем тебе.

Он спрыгивает и убегает наверх. Я понимаю, что прячет слезы, которыми не хочет расстраивать. Больше меня, конечно.

— Надо ехать. Макс не спустится больше, — говорит Ян.

— Да...

На душе тяжело. Но это всего на десять дней... Хотя спокойнее не становится.

Идем на улицу. Гена укладывает наши чемоданы. Садимся.

Оборачиваюсь назад, словно какая-то сила заставляет это сделать, и вижу, как Макс несется изо всех сил за машиной, выкрикивая что-то...

— Гена, останови! — быстро говорю.

Выхожу, и иду навстречу ему.

— Мама! Мама! Мама! — Макс врывается в меня. Что чуть не падаю.

Но мои ноги подкашиваются вовсе не из-за этого...

— Мама!

Я обнимаю Макса и не могу сдерживать слез. Вообще стала излишне сентиментальной с его появлением в моей жизни, а тут долгожданное слово. И так приятно...

— Мальчик мой, — целую в лоб. — Мы ненадолго.

К нам подходит Ян. Ловлю его взгляд.

«Знаю, надо ехать» — киваю ему.

— Макс... — стираю слезы со щек.

— В следующий раз поедем все вместе, — обещает любимый.

— Я буду ждать вас, — Макс тоже помогает мне и вытирает влагу с лица. — Пап, позаботься о маме.

— Есть, мой командир, — отшутился Ян, потрепав сына по голове.

— Пока! — Макс бежит обратно в дом.

Возвращаемся в машину. И уже скучаю по нему.

А впереди нас ждет незабываемый отдых.

Я нежусь под солнцем, не замечая, как подкрадывается Ян и выливает на меня воду. От моего визга он смеется. Смотрю, прищурившись, и думаю о «мести». Видимо, это так явно отразилось в моих глазах, что любимый пятится назад, когда наступаю на него. Потом резко срывается и бежит в сторону домика, где мы остановились.

Догнать не пытаюсь, бесполезно, но все равно бегу за ним. Не сразу соображаю, что прячется от меня. И верещу, когда он приближается сзади и щекочет.

— Ян! Хватит!

— Нет!

Вместо этого подхватывает на руки и кружит. А меня начинает тошнить, пространство плывет перед глазами. Ян не сразу замечает, что плохо чувствую себя. Прикрываю глаза, уткнувшись в его грудь...

— Ты что притихла?

— Тошнит...

— Прости, увлекся, — он кладет меня на диван. Ладонями обнимает мое лицо. — Посмотри на меня.

Не могу... С закрытыми глазами легче. Глубоко дышу, пытаюсь унять тошноту.

— Похоже, ты перегрелась, — он трогает меня, ощупывая. — Лоб, кажется, горячим.

— Сейчас пройдет, — все же открываю глаза, смотрю на него — во взгляде беспокойство. — Полежу немного.

— Бледная какая-то... Давай врача пригласим?

— Нет, со мной все в порядке.

— Я отнесу тебя на кровать, — Ян бережно берет на руки и несет в спальню. — Поспи. Хочешь: с тобой полежу?

— Да...

Устраиваюсь на его груди и быстро засыпаю.

Пробуждение было куда приятнее. Любимый снимал с меня купальник. А по выражению лица вижу, задумал что-то...

— Что ты делаешь?

— Тина, считай меня озабоченным, думающим все время о сексе, но не могу спокойно смотреть, как ты такая сладкая и аппетитная тут лежишь. Я набрал воду в джакузи, пойдём — расслабимся?

— Звучит заманчиво, — улыбаюсь и потягиваюсь.

— Черт... Тина... Будешь выгибаться так, до ванной комнаты не дойдем. Иди ко мне.

Тянет руки. Беру его за шею, обнимаю торс ногами. И под нетерпеливый вздох Яна, держащий обнаженную меня, заходим в ванную.

— Как самочувствие, кстати?

— Хорошо.

Бурлящая вода коснулась кожи... А мои губы сразу оказались во власти требовательного поцелуя. Джакузи глубокая и мне приходится держаться за ее края. Никаких прелюдий. Желание настолько велико, что мы мгновенно предаемся страстному сплетению тел.

Откинув голову на бортик ванны, протяжно стону. Ян крепко сжимает меня, усиливая ощущения...

...Наше свадебное путешествие мало чем отличается от отдыха других молодоженов. Большую часть времени проводим в постели, вечерами ходим в рестораны, плаваем в бирюзовых водах океана, греемся в ласковых лучах солнца, лежа на горячем песке...

И, конечно, не забываем делать фото и видео.

Ранним утром просыпаюсь от резкой боли в низу живота. Сворачиваюсь, подтягивая ноги к груди, а спазм усиливается — внутри, словно тугой узел образовался. Мой мучительный стон будит Яна.

— Тина, что? — включив лампу, со страхом в голосе спрашивает он.

— Отвези меня в больницу... Маргарите Львовне позвони...

Я догадывалась, что со мной... И эта реакция организма сейчас меня пугает...

Муж быстро одевается, не задавая лишних вопросов, видя, как плохо и больно мне, заворачивает в плед и несет на улицу, где нас уже ожидает такси. Мы вернулись несколько часов назад и решили остаться в городе, чтоб никого не беспокоить среди ночи.

А тут такое...

Боль немного затихает, но все равно тянет и ноет. Если не принять меры, все может закончиться печально...

Маргарита Львовна встречает нас на пороге медицинского центра.

— Хорошо, что я дежурю сегодня, и смена не закончилась еще... Ян, давай за мной.

Ян кладет меня на кровать, это вызывает новый приступ боли. Он смотрит потерянными глазами. Марго его выпроваживает за пределы палаты.

— Ну, рассказывай: где, что и как болит?

— Низ живота сильно тянет... Я думаю, что беременна. Спасите моего ребенка, — сквозь слезы прошу ее.

— А таблетки? — она осматривает меня, избавляя от трусиков, больше на мне ничего нет. И плед, в котором приехала.

— Не принимаю с последней менструации.

— Ты бы хоть предупреждала, что решила беременеть. Перелеты еще не лучшим образом сказываются... Сколько задержка?

— Две недели...

— Ян знает?

— Нет. Собиралась только...

— Матка в тонусе, — констатирует она, снимая перчатки с рук. — Давай рубашку оденем на тебя... Муж не догадался одежду взять?

— Мы торопились... — она помогла натянуть больничную безразмерную рубаху. — Маргарита Львовна, матка в тонусе — это плохо?

— Это нехорошо. Тина. Особенно на таком маленьком сроке. Но ты в надежных руках. Обследую и сделаю все назначения. Все будет хорошо. Кровотечения главное нет. И еще надо исключить внематочную беременность. Я за это больше переживаю... Ну, что, позовем и обрадуем папу?

— Не знаю, как он воспримет... — я правда волновалась по этому поводу. Мы не обсуждали рождения ребенка.

— Как все счастливые папаши, — подбадривает меня.

— Он часто интересуется: не забыла ли принять таблетку. А я вру, что пью их. Мне так хотелось малыша...

— Ян, заходи, — Марго открыла дверь.

— Что с Тиной? — нетерпеливо спрашивает он, подходит к кровати и берет мою руку.

— Твоя жена в порядке, но пару дней полежит под наблюдением.

— Ян, я должна кое-что сказать... — мысленно подбирала слова, как правильно преподнести.

— Марго, что с Тиной? — видя мою заминку, муж сам интересуется у нее.

— Что, что... Девять месяцев — вот что!

— Ты беременна?! — лицо вытягивается от удивления.

— Да... Прости, не сказала, что не принимаю противозачаточные.

— За что ты извиняешься? — Ян наклоняется и целует. — Это же здорово! Сам хотел предложить. Но ты отвечала, что исправно пьешь таблетки. Решил не торопить тебя.

— Давайте, посмотрим на вашего ребеночка? Убедимся, что ты беременна, исключим внематочную... — Маргарита Львовна открыла крышку аппарата УЗИ, включая его. — Так, так, так... А вот и он... Плохо еще видно... Срок четыре-пять недель...

Я посмотрела на экран, в который раз расчувствовалась и пустила слезу. Наш малыш был пока небольшим едва заметным пятнышком.

Прижав руки к животу, ощутила внутри тепло, и боль резко отступила. Ян положил свои ладони тоже, поглаживающими движениями успокаивал меня.

«Все будет хорошо» — говорили его глаза.

Мне сделали полное обследование и все необходимые анализы. Но все равно два дня придется полежать в больнице. Ян уехал за моими вещами, а еще известил родных, чем напугал, но причину моего нахождения тут не озвучил, чтобы могла сама обрадовать.

Переживала о том, как Макс воспримет новость, ведь так и не удалось спросить его — хочет ли брата или сестру... Ревность никто не отменял...

Дверь палаты с грохотом открылась, напугав меня.

— Мама! — Макс забежал и кинулся ко мне.

— Привет, — я смогла обнять только одной рукой, ко второй — была подключена капельница.

— Ты болеешь? — расстроенным голосом спросил сын.

— Все хорошо. Мне уже лучше... Правда.

— А это? — он показал на лекарство.

— Это для того, чтобы больше не стало плохо.

— Я ждал вас утром, а потом папа один приехал...

— Знаю, малыш...

— Ты не умираешь? — чуть ли не со слезами на глазах спросил.

— Нет, что ты, — я крепче прижала его.

В этот момент в палату зашли мамы и Ян. На лицах первых читаемое беспокойство, а муж-довольный, счастливый, с приклеенной улыбкой.

И тут посыпались вопросы: «что случилось, как так, почему, где врач, что говорят, когда выпишут...».

— Пожалуйста, хватит, — оборвала нескончаемый поток фраз. — Может, дадите сказать?

А Ян уже шепнул на ухо Максу и тот как громко скажет:

— У мамы будет ребенок!

— Что? Ты беременна? — спросила мама.

— Это правда? — это уже Виолетта Павловна, или как я ее называю моя вторая мама.

— Да. У нас будет пополнение. Так что готовьтесь, бабушки.

— Поздравляем вас! — заговорили обе. И обнялись от радости сначала сами, потом Яна и меня.

— Мама, мама! — перебил всех Макс. — А можно послушать его?

— Он еще очень маленький... Но если хочешь... — я откинула одеяло в сторону.

Макс приложил ухо к животу и что-то пытался услышать.

— Привет... Я твой брат... У нас большая семья... Мама красивая... Папа сильный... Бабушки добрые... Мы будем ждать тебя... Расти...

И целует через ткань рубашки.

А у меня опять глаза на мокром месте...

Четырнадцать недель. Живота почти нет. Я даже не начала набирать вес. Самочувствие отличное. После того случая, никаких сбоев мой организм не давал. Я сказала бы, что беременность идеальная. Токсикоза не было, чему рада, наслушавшись разговоров о том, как это отвратительно. Но как у любой беременной, появились свои причуды и пристрастия.

Сегодня прием и плановое УЗИ.

Маргарита Львовна, как всегда ругает, по-доброму, конечно.

— Диету соблюдаешь? — она смотрит результаты анализов.

— Мясо не ем...

— Тина, надо! Гемоглобин упал...

— Не могу. Воротит от вида и запаха...

— Жаль, что одна пришла, без мужа. Послушать ему не помешает, как мать его ребенка вредит сама себе...

— Маргарита Львовна... Давайте, заменим чем-нибудь?

— Заменим-заменим... Ложись на кушетку.

Ритмичный стук сердца моего малыша разнесся по кабинету. Это самое приятное, что слышала когда-либо. Непередаваемые ощущения.

— Как там? — интересуюсь, глядя в монитор.

— Все хорошо. Развивается согласно сроку. Патологий нет... Пол...

— Нет! — перебила я ее. — Не хочу знать пол. И Яну не говорите.

— Хорошо, не скажу. Что-нибудь еще хочешь знать?

— Вообще-то, да...

Я вытираю гель с живота, поправляю одежду и сажусь.

— Ну? — Марго смотрит и будто понимает, что хочу спросить. Неужели, у меня на лице написано?

— Можно ли нам... э... заниматься...

Она усмехнулась моим нерешительным речам.

— Беременность — не болезнь. Я вам и раньше не запрещала, просто первый триместр всегда сложен, не предсказуем, осторожность не повредит, поэтому просила ограничить. Если хочется — занимайтесь. От меня передай Яну, чтобы не утомлял тебя...

Я покраснела от того, что обсуждаю сексуальную жизнь с кем-то, хоть и врачом... Представляю, как обрадуется муж, который терпит уже два месяца и не показывает, что секс-голодовка поперек горла. Но мое здоровье важнее.

Сегодня его удивлю...

На мне халатик, под которым ничего нет. Я выхожу из душа и улыбаюсь своим мыслям, что собираюсь соблазнить собственного мужа. О чем он, конечно не догадывается. Уткнулся в планшет и читает что-то...

Хотя заметив меня, следит взглядом.

Подмигиваю ему. Закрываю дверь в нашу спальню на ключ, от внезапных вторжений. Это вызывает у Яна удивление, эффектно изогнутая бровь — тому подтверждение. Подхожу. Присаживаюсь рядом с ним. Рукой провожу по его бедру и оголенному торсу.

— Тина, ты дразнишь меня?

— Нет, — сажусь сверху, скидывая халатик.

— Что ты делаешь? — никогда не думала услышать от него нечто подобное, особенно, когда дело касается секса.

— А ты как думаешь? — наклоняюсь и целую его приоткрытые губы, нежно покусывая их.

— Ты говорила с Марго? — догадался он.

— Говорила...

— Ты уверена? — он нетерпеливо сжимает мои плечи.

— Я хорошо себя чувствую. Хочу тебя...

Стягиваю с него пижамные штаны. Он возбужден... Шумно выдыхает, когда трусь грудью об него, которая стала настолько чувствительной, что дрожь волнами пробегает по моему телу.

— Сегодня я сверху.

— Иди уже ко мне. Я скоро лопну...

Ян тянет к себе. И не сдерживает стон, когда оказывается внутри. Так аккуратно двигается, будто я нежный цветок и могу сломаться в любой момент. Подстраиваюсь под него и ускоряю темп. Он резко садится и сжимает мне ягодицы. Я держусь за плечи. Моя голова чуть откинута назад. Муж целует шею и водит по ней языком, а грудь касается его кожи — это вызывает прилив ощущений.

Мне настолько хорошо, что растворяюсь в этом наслаждении. Мы изголодались друг по другу, и одновременно уносимся на вершину удовольствия...

Тридцать шесть недель. Прием. Контрольное УЗИ.

Яну сегодня удалось вырваться и прийти вместе со мной.

— Перевернулся. Головное предлежание, — говорит Маргарита Львовна и как-то нерадостно.

— Хорошо, что он перевернулся. Теперь операция не потребуется.

На предыдущем исследовании, наш малыш сидел, но дети могут менять свое положение и я не переживала. На всякий случай была предупреждена, чтобы настраивалась на операцию.

— Нет, Тина. Операция необходима, — заявляет она.

— Почему? — спрашиваем вместе с Яном.

— Плод перевернулся, но обвит пуповиной. Но главное другое: ребенок слишком крупный для тебя. Во время родов может застрять в родовых путях, у тебя таз узкий. Не сможешь сама родить. Будь он меньше, а так... Ты же не хочешь рисковать?

— Мне хочется самой родить, — настаиваю.

— Я запрещаю по медицинским показаниям, — подытоживает Марго. — Назначу операцию через три недели. Тянуть не станем. Ян, хоть ты убеди жену!

— Тина, действительно, так будет лучше.

— Можно подумать у меня есть выбор...

Послезавтра я должна лечь на плановую операцию. И, наконец, познакомлюсь с нашим ребенком. Кто он: мальчик или девочка? Пол так и не пожелала узнать, никаких покупок не делала, решив это оставить на бабушек, как только он появится на свет — пару дней им должно хватить. В этом смысле я суеверна.

К концу тридцать девятой недели, живот стал огромным, я похожа на неповоротливую слоницу, что не вижу своих ног. Хотя Ян умиляется от моего вида. Конечно, это же не он передвигается с трудом. Я очень устала, и поясница все время болела. Беременность — это прекрасно, но последние недели ожидания выматывают...

Мы пили чай. Все меня подбадривали, веселили и развлекали. Мое душевное спокойствие абсолютно у всех на первом месте. Надо мной трясутся, окружили такой заботой и вниманием, что боюсь обнаглеть.

Я потянулась за конфетой, но внезапно меня пронзила острая боль...

Закричала, схватившись за живот.

— Тина? — разом сказали все.

— Началось...

Ян отвез в больницу, по пути вызвав Маргариту Львовну. К нашему приезду все было готово. И вот, меня везут в операционную. Мужа прошу уйти, он хотел присутствовать, но я против подобных зрелищ...

Мне ставят местный наркоз. Через некоторое время начинается операция. Действия врачей слаженные и привычные. И вот, помещение пронзает громкий крик.

Я улыбаюсь, хочу увидеть малыша: узнать дочь или сын...

Не успеваю. Теряю сознание...

«Ян. От циника до ручного зверя».

Я меряю шагами больничный коридор...

Операция занимает не более получаса, но за непродолжительное время успеваю обрасти беспокойством за любимую и ребенка. Думал, готов встретить этот день... но... Невозможно все предугадать...

Вспомнился совсем другой день. Когда столкнулся в клубе с Тиной. И все последующие события до сегодняшнего момента.

...Я торопился, был зол, как это часто бывало. Бывшая жена в очередной раз «вынесла мозг». А тут... Мой костюм пропитан насквозь сладко пахнущими коктейлями. И эта девчонка смотрит, хлопая глазами, и даже не думает извиниться. Кричу на нее, а она дерзко отвечает, будто это я виноват. Возмущен до предела таким поведением. Как она посмела? Иду за Олегом. Застаем девчонку в служебном помещении, потерянной и расстроенной. Поднимает свои серо-зеленые глаза и внутри что-то щелкает, задевает за живое, трогает... Она красивая, но ее красота не такая как у большинства привлекательных женщин, редкая что ли, необычная, будто светится изнутри... И этот факт бесит, что девчонка нравится мне. Вдобавок: совсем молоденькая, таких обхожу стороной — ни опыта, ни фантазии. Злюсь еще больше, послав ей максимально безразличный взгляд. Уже на улице подумал, что не стоило так себя вести, по сути, из-за куска ткани. И готов изменить решение об увольнении. Жду. Но увидев ее, меня снова заносит. На что она гневно отвечает. Я причиняю ей боль. И начинаю себя ненавидеть за это... Что нашло на меня? Она уходит. Смотрю вслед...

Через бармена передаю конверт с расчетом, за которым девчонка не пожелала прийти. Признаться, удивила. Или обиделась на фразу о деньгах, решила показать гордость. Да я понял свою ошибку: не похожа она на охотницу за деньгами. Особенно, когда пришла вернуть деньги, ждал ее визита. Чувствую себя паршиво, когда опускаюсь до грубости... Меня к ней тянет, давно такого не испытывал — это раздражает.

Единственная правильная мысль — выкинуть весь бред из головы.

В новый год возвращаемся с матерью и сестрой из Лондона. У нас гости. Еду заказываю в одном из любимых ресторанов. Когда прихожу рассчитать приехавшего работника, то не могу поверить глазам — Тина. Это имя так и не покинуло меня. Прогоняю ее. И все бы ничего, но звонят из ресторана... Срываюсь и еду. Какая же глупая девчонка, могла бы вернуться. Я чуть не сбил ее, а когда увидел сопротивление и страх, стало противно, но вполне заслуженно она может ненавидеть меня. Засовываю ее в машину и отвожу домой. Для себя решаю, что хочу узнать о ней все...

Мать все уши еще прожужжала, какая милая и работающая эта Тина. Устав слушать, спросил: может она хочет взять ее в помощницы. Надеялся на отказ... Но нет... Еду в ресторан в тот же день. Я вижу, что она не хочет работать в моем доме. Угрожаю и не оставляю выбора. И все бы ничего, этим я наказал себя, подписав приговор. Старался избегать встреч с ней, потом искал повод увидеть... Я запутался...

Уехал к сыну. А вернувшись, узнал, что Тина пропала. Срываюсь и еду к ней. Дверь отрыли не сразу. Включаю свет. Она выглядит заплаканной. И тут случилось то, чего никак не ожидал. Прижимается ко мне, ища защиты. Голова плывет от нахлынувших ощущений. Зарываюсь в ее волосы, пахнущие чем-то сладким, цветочным... У нее горе, ее действия

продиктованы этим. Решаю помочь и увожу к себе. Среди ночи она кричит. Прихожу и ложусь, не смотря на стеснения с ее стороны. Она такая маленькая, когда обнимаю и... будто родная...

Я должен разобраться в своих противоречивых чувствах. Почему со мной это происходит? Не привык, забыл, вычеркнул из жизни ненужные эмоции.

В такие моменты лучше всего отвлечься с другой женщиной. Разве думал, что за этим делом застанет та, о которой мечтаю. В ее глазах стояли слезы. И я пытаюсь понять почему? Может, небезразличен ей? Но рядом другая — в тот вечер был жестким и грубым с ней. А из мыслей не исчезала сладкая девчонка...

Зачем-то притащился в деревню. Хотел видеть ее. Разозлился, что уехала, не сказав. Она была обижена на меня, но не созналась. Я чувствовал, Тина испытывает ко мне что-то: просто нравлюсь или больше? Хочу ли знать? Тоже сомневаюсь... Сомневаюсь, что достоин такой девушки.

В один из вечеров мне звонят с ее номера... Тому парню поправил физиономию несколько раз. Как же я орал на всех. Кто-то грозился вызвать полицию. Это привело меня в чувства. Только скандала не хватало. Забрал Тину. Уже дома, раздевая ее, с трудом сдерживался... Я хотел ее. И понимал, сколько бы себя не отговаривал, долго сопротивляться не смогу.

Мы провели весь день вместе, но из-за бывшей пассии, о чем точно решил, она сбежала. Долго не появлялась в своем дворе. Я сходил с ума. Разозлился: и на нее, и на себя... Привожу домой. Ее запах заполняет небольшое пространство лифта... Трогаю и чувствую трепет... Хочется впиться в ее пухлый рот. Но я останавливаю себя. Совершаю большую ошибку: несу полнейший бред, что сказал бы любой другой, желающей оказаться в моей постели. В ответ слышу: «я люблю тебя». Все. Пропал...

Как же я боролся с собой, зная, что она в доме одна. Выпил. Немного. Алкоголь толкнул меня сесть за руль. Вижу, что Тина боится. У нас происходит мысленный обмен, она понимает, что не отступлю. Даю фору. Но бегство еще больше распаляет. Закинув на плечо, несу в свою спальню. Она будет моей. Никогда так никого не хотел...

Девственница. Я опешил, хотя в душе рассчитывал именно на это. Словно дар, который она хранила только для меня. И теперь моя полностью. Навсегда. Не отпущу. Тина оказалась такой чувственной... Что стало откровенностью. Мы идеально подходили друг другу. Для себя я все решил. Признался в любви.

А потом случилась история с Максом. Я переживал, как он воспримет наличие в моей жизни кого-то. Но у нее талант: приручила меня, нашла общий язык с моим сыном. Смогла стать матерью для него, которой, по сути, не было.

Когда узнал о ее беременности, счастье накрыло с головой, вернее еще первый раз был не против ребенка. Какая же Тина милая с животом. Понимаю, ей тяжело. Все поддерживают и заботятся о ней. Осталось немного...

...Продолжаю ходить из стороны в сторону. Ожидание угнетало. Переживал за мою девочку, но она отказалась, чтобы я присутствовал.

Дверь операционной открывается и выходит Марго — уставшая, со следами беспокойства на лице.

— Ян...

— Что? Ну!

— Мальчик, вес — четыре двести, рост — пятьдесят шесть сантиметров, здоровый,

крепкий малыш...

«Сын» — еще один. Губы растягиваются в улыбке.

— Как Тина? К ней можно?

— Сейчас уже в порядке...

— Что значит «сейчас уже»? — отодвигаю Марго в сторону и иду в операционную.

— Ян! — она идет следом. — Тина потеряла сознание. Давление упало. Все хорошо уже! Подожди, надень, стерильные вещи!

Она протягивает одноразовый комплект. Быстро натягиваю все на себя.

Тина лежит с ребенком на груди и плачет...

— Сладкая моя, — подхожу и касаюсь щеки. Очень бледная и слабая.

— Он чудесный, Ян. И так похож на тебя.

— Можно мне?

Она кивает. Осторожно беру сына. Он смешно куксится, будто собирается заплакать, что его так бесцеремонно отняли от мамы, но в последний момент передумывает. И продолжает спать. Я сам готов пустить слезу... Вот оно счастье: любимая жена и дети.

Ничего нового не скажу, никого не удивлю, все просто: любите и будьте счастливы!

Больше книг на сайте - Knigolub.net